

63.52(24)=100mk)
0427

1238618

Махти Джуртубаев

дуца
Балкарии

МАХТИ
ДЖУРТУБАЕВ

дуца
Балкарии

СБОРНИК
СТАТЕЙ

НАЛЬЧИК · «ЭЛЬБРУС» · 1997

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
(НАЦИОНАЛЬНАЯ) БИБЛИОТЕКА
Кабардино-Балкарской Республики

12385-18

902,7164)

1,427

4702100000-031
ДжМ125(03)-97 67-96

ISBN 5-7680-1137-4

© М. Ч. Джургубаев, 1997

ПУТЯМИ ПРЕДКОВ

1

Сложная и малоисследованная проблема происхождения балкарцев и карачаевцев представляет, с одной стороны, самостоятельную проблему, а с другой — является частью еще более сложной проблемы происхождения тюркоязычных народов. Принято считать, что первыми тюрками в Европе были гунны — выходцы с границ Китайской империи, известные китайским летописцам под именем *сюнну*. Теснимые могучим соседом, они двинулись на запад, присоединяя к себе другие степные племена, и во главе этой огромной орды появились в 375 году н. э. на рубежах Римской державы, положив начало Великому переселению народов. Наибольшего могущества гунны достигли при знаменитом Аттиле. С ними или после них в восточноевропейских степях появились и другие тюркские племена — болгары, авары, хазары, печенеги, тюркюты, гузы, кипчаки и др.

Так выглядит ранняя история тюркоязычных племен, если верить множеству книг и публикаций. Но эта, вроде бы устоявшаяся, схема не выдерживает ни малейшего столкновения с фактами, как и всякий научный миф.

1. Неясно, с какой неолитической культурой (или

культурами) были преемственно связаны предки нынешних тюркоязычных народов. Неясно и то, кто их предшественники в эпоху бронзы и раннего железа. Первые сведения о тех же сюнну относятся только к III веку до н. э.

II. Считается, что великий пояс евразийских степей в I-м тысячелетии до н. э. был населен ираноязычными племенами — киммерийцами, скифами, сарматами, массагетами, саками и др. Известный языковед В. И. Абаев писал: «Надо исходить из допущения, что скифо-массагетская среда на всем протяжении от Карпат до Алтая была в языковом отношении весьма однородной».

III. Итак, к началу нашей эры предки тюрков — племена сюнну — находятся в Северном Китае и Монголии, далее от Алтая до Карпат и от Урала до Памира властвуют ираноязычные кочевники (если верить устоявшемуся мнению). Затем, в 91 году н. э., северные сюнну откочевали в Среднюю Азию, а южные подчинились племенам сяньби, постепенно смешиваясь с ними. Как считается, северные сюнну и положили начало Великому переселению народов и стали известны в Европе под именем гуннов.

IV. Но каковы факты? Пользуясь сведениями древних летописцев и данными археологии, С. С. Миняев приходит к выводу, что сюнну не имели никакого отношения к европейским гуннам и что это совершенно разные народы.

Во-первых, спасаясь от китайских войск, в Среднюю Азию сумел уйти только небольшой отряд в 3 тысячи человек.

Во-вторых, при столкновении с высланным им вдогонку китайским отрядом 1518 сюнну было убито, 1200 попало в плен. Возникает вопрос: каким образом оставшиеся в живых 300 воинов могли, завоевывая встречные, весьма сильные и воинственные племена, дойти до Рейна?

V. Южные сюнну, оставшиеся на прежних местах обитания, влились в состав племен сяньби (предков нынешних монголов). Но письменные источники сообщают о сюнну вплоть до V века н. э., то есть тогда, когда европейские гунны уже целое столетие сражались в Европе. К тому же, пишет С. С. Миняев, «западнее Саяно-Алтайского нагорья нет ни одного раннего памятника сюнну», а те, которые имеются, относятся к весьма ранним временам. Вывод исследователя закономерен:

«Историческая судьба сюнну связана в раннем средневековье с Центральной Азией» (Миняев С. С. Исчезнувшие народы. М.: Наука, 1990. С. 124).

VI. Сказанное приобретает особую убедительность, если мы приведем мнение американского синоведа Э. Дж. Пуллиблэнка. Объясняя термины языка сюнну, зафиксированные в китайских хрониках, он приходит к выводу, что сюнну говорили на языке, относящемся к енисейской языковой семье, а не на одном из монгольских или тюркских языков.

VII. Но предположим, что все эти выводы ошибочны и что центральноазиатские сюнну — это и есть те самые гунны, которые наводили ужас на всю Европу, пока не были разбиты в сражении на Каталаунских полях (в V веке). Мы и в этом случае не найдем ответа на целый ряд вопросов:

1. Если сюнну двинулись в поход из Средней Азии, то где следы этого движения — ведь оно началось в I веке, а на границах Римской империи они появились в конце IV века?

2. Почему население евразийских степей так легко пропустило сюнну (якобы гуннов) через свою территорию — ведь оно было ничуть не менее воинственным, чем сюнну?

3. На такой громадной территории должно было обитать весьма многочисленное население. И если, предположим, оно покорилось завоевателям (тюркам), то куда подселились их язык (якобы иранский) и культура? Неужели у невероятно предусмотрительных и дальновидных сюнну был грандиозный и проведенный в жизнь с невероятным успехом план ассимиляции ираноязычных племен, причем план этот предусматривал искоренение иранских топонимов и гидронимов? Но ведь после великих монгольских завоеваний, тщательно спланированных и успешных, население евразийских степей как было, так и осталось тюркоязычным. Так неужели «ираноязычные» кочевники — саки, массагеты, усунь, скифы, аланы и другие, от Карпат до Алтая, — только и ждали момента, чтобы сменить свою речь на тюркскую? Все это совершенно невероятно, особенно мифичен поход сюнну из Средней Азии к границам Рима, продлившийся 300 лет.

VIII. Тождество сюнну и гуннов Аттилы отрицалось многими известными учеными — Абель-Ремюза, Альтхаймом, Хауссигом. Один из крупнейших авторитетов в тюркологии, Г. Дёрфер, прямо писал: «...можно с уве-

ренностью сказать, что язык сюнну не был ни тюркским, ни монгольским».

IX. Но если гунны Аттилы — это не сюнну и не пришли в IV веке из Центральной Азии, то кто же они и откуда пришли?

Помпоний Мела (I в. н. э.), перечисляя известные ему народы, называет среди них неких турков. Комментаторы полагают, что речь идет о том же самом народе, который несколькими веками ранее Геродот называл *ширками* и который населял пространство между Волгой и Уралом. Уже Клавдий Птолемей (II в.) упоминал в Европе *хунов*, помещая их между племенами бастернов и роксоланов; у него же впервые встречается тюркское название реки Урал — Даик (Яик).

В хронике сирийского историка Мар-Абас-Котины, сохранившейся в книге средневекового армянского летописца Мовсеса Хоренаци «История Армении», говорится о проникновении болгар с Северного Кавказа в Закавказье. Первое переселение их произошло во времена царя Аршака, сына Вагаршака, в конце II века до н. э. И таких упоминаний, свидетельствующих об очень давнем пребывании древних тюркоязычных племен в восточноевропейских степях и на Кавказе, очень много. К сожалению, официальная наука упорно считает их анахронизмами. Но даже из нашего небольшого перечисления очевидно, сколько противоречий рождает подобный подход. Избежать их можно только, если признать, что:

а) никакого иранского мира от Карпат и до Алтая никогда не было;

б) сюнну и гунны — это два совершенно разных народа и что сюнну никогда не уходили из Центральной Азии, а начало Великого переселения народов связано с движением на запад тюркоязычного народа хунов, обитавшего где-то в прикаспийских степях;

в) тюркоязычные племена появились в Европе гораздо раньше, чем принято думать;

г) евразийские степи всегда были населены тюркоязычными кочевниками и что именно там находится их прародина;

д) исконные обитатели этих степей — скифы, саки, массагеты, сарматы, усунь и другие — были тюркоязычны, а их история — это ранняя история тюркских народов.

Клубок противоречий, возникающий с принятием точки зрения официальной науки и автоматически приводящий к выводу, что огромное количество якобы ираноязычных кочевников исчезает в мгновение ока, а на их месте появляется множество невесть откуда взявшихся тюркских племен, был разрешен в книге И. М. Мизиева «История рядом».

И. М. Мизиев обратил внимание на древнюю археологическую культуру, зародившуюся в степях между Волгой и Уралом, называемую в археологии древнеямной (по способу захоронения покойников в прямоугольных ямах). Там же появляются первые на земле курганы. Развитие скотоводства и связанный с ним рост населения привели к тому, что древние ямники стали распространяться в нескольких направлениях: на восток — к Алтаю и в Казахстан, на юг — в Среднюю Азию, на запад — к Днепру и на юго-запад — в предкавказские степи. Появление ямников всюду сопровождается появлением курганных насыпей над прямоугольными погребальными ямами. В местах стыка ямников с иноязычными племенами появляются локальные варианты этой культуры. Такова, по мнению И. М. Мизиева, майкопская культура. Инвентарь, обнаруженный в погребении какого-то вождя степняков, ближневосточного происхождения, но сам вождь похоронен по обряду ямников. Объясняется это, как считает исследователь, тем, что ямники начали совершать походы в страны Ближнего Востока, откуда и возвращались с добычей, часть которой и попала в могилу их вождя. Такие походы, надо полагать, совершались неоднократно. Возможно, что часть ямников в конце концов переселилась в Шумер, чем и объясняется сходство шумерской и тюркской лексики, уже много раз отмечавшееся. Шумеры, таким образом, — народ, образовавшийся из местного населения Месопотамии и пришлых ямников, которых Мизиев и считает пратюрками.

Кроме того, в противовес ученым, которые считают ямников предками индоевропейцев, он выдвинул несколько сопоставлений, наглядно показывающих преимущество культуры тюркских народов и их далеких предшественников. Подобные параллели между ямниками и индоевропейцами отсутствуют.

Конечно, мы не можем в одной краткой статье пере-

числить все аргументы, выдвинутые И. М. Мизиевым в его интереснейшей книге. Уверенно можно сказать одно: принятие его выводов позволяет избежать множества противоречий и неувязок, дает ключ к разгадке всей позднейшей истории тюркских народов, а следовательно, и тех народов, с которыми у них были более или менее длительные контакты.

Со своей стороны, касаясь древнейшей истории народов Евразии, хочу предложить в виде чисто умозрительной гипотезы следующее.

Существует достаточно убедительная теория, связывающая развитие крупных этносов (или целых языковых семей) с междуречьями — Хуанхэ и Янцзы, Инда и Ганга и т. д., там, где существовали благоприятные условия для земледелия и скотоводства: тучные земли, хороший травостой, достаточное количество осадков. Европейская наука, еще в XIX веке занявшись поисками прародины индоевропейских (или, как принято было называть их тогда, арийских) народов, так и не сумела прийти к единому мнению. Называли в качестве района первоначального обитания индоевропейцев Балканы, южно-русские степи, Среднюю Азию, Северную Индию, междуречье Волги и Урала, а теперь еще и восточную часть Малой Азии. Предпринимаются и попытки объединить все эти гипотезы. Признать их удачными трудно, хотя бы по той причине, что в результате вся древнейшая история Европы и доброй половины Азии оказывается историей одних только индоевропейских племен.

Известно, что народы белой расы делятся в языковом отношении на четыре большие семьи — иберийско-кавказскую, индоевропейскую, семито-хамитскую и урало-алтайскую (в последнюю входят и народы, не относящиеся к белой расе, например, монголы, калмыки, маньчжуры и т. д., но их не так много; наиболее вероятно, что или монголоидность, или язык у них приобретены впоследствии или в результате ассимиляции).

Наше предположение состоит в следующем: вполне возможно, что прародиной индоевропейцев является междуречье Дуная и Днестра, иберо-кавказцев — Куры и Аракса, урало-алтайцев — Урала и Волги, семито-хамитов — Тигра и Евфрата (вероятно, совсем неслучайно Библия называет местом, где располагался рай, именно это междуречье; народы, как и отдельные люди, места, где они провели свое детство, обоснованно называют раем. Но это к слову).

Итак, наиболее вероятное место сложения пратюркского языка — междуречье Волги и Урала, в лоне древнеямной культуры. Наследниками ямников в Европе были срубники. Срубная культура появилась в результате смешения ямников с культурой катакомбников, шедшей с запада (срубники хоронили покойников в ямах, обложенных деревом, катакомбники — в пещерках, выкопанных в стене могильной ямы, в катакомбе). Преемниками срубников явились скифы. Но если о культуре ямников и срубников можно судить только по археологическим материалам, то об их потомках — скифах существует много свидетельств древних летописцев и историков — ассирийских, древнееврейских, древнеримских, древнегреческих. Количество же исследований, посвященных истории, культуре и языку скифов, огромно, как и исследований, посвященных их преемникам — сарматам, одним из крупных подразделений которых были аланы.

3

Перейдем теперь непосредственно к этнической истории балкарцев и карачаевцев.

Несмотря на то, что с прошлого века было выдвинуто не менее полутора десятка гипотез, ясности в этом вопросе не было. Научная сессия, созванная в 1959 году в Нальчике, пришла к заключению, что «карачаевский и балкарский народы образовались в результате смешения северокавказских племен с ираноязычными и тюркоязычными племенами, из которых наибольшее значение в этом процессе имели, видимо, «черные болгары», и в особенности одно из западнокипчакских племен». Это заключение явилось чисто механическим соединением более или менее популярных гипотез и, как выяснилось впоследствии, удовлетворило только самую небольшую часть исследователей.

Камнем преткновения для ученых оставался вопрос о том, какой народ нужно считать ядром, на основе которого сформировался карачаево-балкарский этнос и который принес в горы тюркскую речь. Спорным оставался и вопрос о времени обретения этим народом нынешней территории. Poleмика продолжалась и после сессии. В самом общем виде можно определить следующие теории, имеющие своих сторонников (важно то, что

участниками ее теперь являются сами балкарцы и карачаевцы — археологи, лингвисты, этнографы).

1. Балкарцы и карачаевцы — потомки половцев (кипчаков, или куман), разбитых монголами в 1222 году, ушедших в горы и смешавшихся там с предками осетин — аланами (асами).

2. Балкарцы и карачаевцы — потомки болгар, оставшихся на Кавказе после распада так называемой Великой Болгарии в VII веке н. э.

3. Балкарцы и карачаевцы — потомки ираноязычных алан, усвоивших в золотоордынское время тюркскую речь кипчаков-половцев (куман), основного населения Золотой Орды.

4. Четвертая теория, на наш взгляд, наиболее плодотворная. Согласно ей, балкарцы и карачаевцы являются потомками средневековых алан (асов), изначально тюркоязычных и смешавшихся на Кавказе с древним населением горной полосы.

Возникновение первой гипотезы, а также и третьей, являющейся разновидностью первой, имело своей основой фактически только сообщение арабского историка Ибн-ал-Асира о походе монголов на Северный Кавказ, где они столкнулись с соединенными силами кипчаков и алан. Монголы подкупили кипчаков, а когда те покинули своих союзников, поодиночке разбили и тех и других. Тогда, как сообщает историк, услышав об этом разгроме, кипчаки, которые жили вдали, бежали — одни укрылись в болотах, другие в горах, а третьи ушли в страну русских. Отсюда делали вывод: кипчаки, которые ушли в горы, — они и есть предки балкарцев и карачаевцев, поскольку и кипчаки и карачаево-балкарцы — тюрки.

Несостоятельность этого взгляда была предельно ясно обнажена И. М. Мизиевым. Во-первых, сражение с монголами происходило на Кавказе, а бежали от них кипчаки, «жившие вдали». Не могли же они пуститься в бегство навстречу своим преследователям! Во-вторых, горы имеются не только на Кавказе, но и в Крыму, и на западе Украины. В-третьих, то, что и кипчаки и карачаево-балкарцы — тюркоязычны, ни о чем не говорит. С таким же успехом на этом основании происхождение нашего народа можно возводить и к гуннам, и к хазарам, и к печенегам и т. д.

Добавим, что ни один соседний народ не называет карачаево-балкарцев ни кипчаками, ни куманами, а в

карачаево-балкарском языке этих слов вообще нет. Что касается нелепого аргумента, что карачаево-балкарский язык относится к кипчакско-половецкой группе, то это, мягко говоря, просто недоразумение. Группа эта получила свое название вследствие близости языков, входящих в нее, к языку, зафиксированному в средневековом словаре, получившем название «Кодекс Куманикус» и отражающем раннюю стадию развития крымско-татарского языка. С таким же успехом можно было назвать эту группу западнотюркских языков и татарской, и караимской и т. д. В свое время Э. В. Севортян, известный тюрколог, едко высмеял ученых, наивно полагавших, что народы, языки которых относятся к этой группе, все без исключения происходят от кипчаков (куман).

Что касается гипотезы, согласно которой балкарцы и карачаевцы — потомки якобы ираноязычных алан (асов), перешедших в эпоху Золотой Орды на тюркскую речь, то она является чисто умозрительной и не имеет ни одного доказательства. Смена языка необязательно должна была повлечь за собой и смену фольклора, и языческой религии, то есть у алан должны были остаться фольклор и религия, в точности напоминающие осетинские фольклор и религию, а этого нет. Вообще, духовная культура балкарцев и карачаевцев чрезвычайно своеобразна и слишком во многом отличается от культур и других тюркских, и соседних кавказских народов.

Одним словом, гипотеза о кипчакском происхождении балкарцев и карачаевцев совершенно неубедительна и должна быть отвергнута за неимением доказательств.

И совсем иное дело, когда мы обращаемся к теории скифо-аланского происхождения балкарцев и карачаевцев. Здесь аргументов более чем достаточно.

Начать я хочу с вопроса о самоназваниях балкарцев и карачаевцев, стараясь учесть при толковании особенности употребления.

Алан — одно из самых употребительных слов в речи балкарцев и карачаевцев. Например, в книге рассказов писателя Х. Кадиева «Салам алейкум» на 200 страницах небольшого формата оно встречается 40 раз, в разговорной речи — практически несколько раз в любом диалоге или монологе. То же самое в песнях, сказках, эпосе и т. д.

Но вот в солидном, добросовестно подготовленном «Карачаево-балкаро-русском словаре» читаем:

«*Алан обращение Эй!, слушай!, друг!, товарищ!*»

Далее следуют примеры употребления термина:

«ой алан, кетме! Эй, друг, не уходи!; аланла! послушайте!, друзья!, товарищи!; алан, Сюлемен, кьайры ба-раса? Эй, Сулейман, куда ты идёшь?»

Согласиться с таким толкованием по ряду причин невозможно:

1. Одно и то же слово у авторов словаря переводится междометием, глаголом и существительным, точнее, заменяет существующие в языке слова (*эй, тынгыла, шуёх*). Но как быть, например, с такой обычной фразой, в которой присутствуют и этот термин, и те слова, которые он якобы может заменять: *Эй, алан, шуёхум, тынгыла...* — «Эй, алан, друг мой, послушай...»?

2. Термин *алан* универсален: так муж обращается к жене, жена к мужу, юноша к старику, старик к юноше, женщина к мужчине — одним словом, любой балкарец и карачаевец к любому балкарцу и карачаевцу (балкарке и карачаевке), к многолюдному собранию — мужчин или женщин, безразлично, ставя его во множественном числе: *Аланла!* — «Аланы!»

3. Во всех карачаево-балкарских именах при обращении ударение падает на первый слог. Точно так же в слове *алан* ударение — на первом слоге.

4. Есть одно исключение в употреблении термина: если с этим словом к старшему обращается подросток, это звучит несколько фамильярно, когда наоборот — в голосе взрослого звучит легкая ирония, то есть такое обращение больше приличествует взрослым.

5. Термин одинаково широко употребляется как в начале, так и в середине или конце фразы, притом с любой интонацией — от просьбы до угрозы. Например, можно услышать: *Алан, не былайдан думп бол, не да итни тьюгенча тюрме!* — «Алан, убирайся отсюда, не то изобью тебя, как собаку!» Неужели он и в этом случае означает «друг», «товарищ», «послушай»?

6. Термин широко используется в формулах речи, например, в приветствиях: *Ингир ахишы болсун, аланла!* — «Добрый вечер, аланы!» Термин употребляется в качестве обращения в любой фразе, имеющей характер повествования, вопроса, восклицания, — ограничений нет.

7. Итак, случайно ли то, что имя древнего народа — алан — сохранилось как обращение в устах именно балкарцев и карачаевцев? Отрицательный ответ полностью правомерен. Дело в том, что и многие соседние народы — осетины, рачинцы, лашхетские сваны, мингрелы —

называют их *аланами, асами, осами, овсами*, а их язык *осским*. Как быть с тем, что сами осетины, которым ученые-иранисты навязали роль потомков алан (асов), асами называют не себя, а соседних балкарцев, как и ни один соседний народ не называет осетин ни асами, ни аланами? Более того, в осетинском языке слово *аса-галлон*, то есть *ас-алан*, означает «чужой, посторонний» и применяется, как пишет В. И. Абаев, по отношению к народу или стране. Как же так — название народа, от которого иранисты производят осетин, в устах самого народа означает «чужой»?

8. В карачаево-балкарских сказках людоед, почуяв спрятавшегося героя, восклицает: «*Ас ийис, адам ийис!*» — «Асский дух, человеческий дух!» (подобно тому, как в русских сказках говорят: «Русским духом пахнет!»).

9. Все это (и многое другое) случайностью быть не может. Название древнего народа алан (асов) стало в устах их потомков термином обращения, смысл которого может быть объяснен как «соплеменник, соплеменница», поскольку в карачаево-балкарском языке категория рода отсутствует.

Кроме того, добавим, что если мы решили принять толкование термина *алан* как «*послушай!*», то придем к самым нелепым выводам. Например, как оно будет звучать во множественном числе, в значении «*послушайте!*» — *аланлагъыз*? Но такого слова нет и быть не может.

А если оно означает «друг, товарищ», то попробуйте заменить его при обращении этими словами, то есть *шувъх* или *нёгер*, и обратиться к незнакомому человеку или людям — они только удивятся подобной фамильярности.

В своей работе «Скифо-сарматские наречия» В. И. Абаев писал: «*Ас* — сарматское племя, «асы», «ясы», «осетины», осетинское *аси* перенесено на балкарцев».

Но ведь все дело в том, что «перенесено» это имя на балкарцев самими осетинами! Логика чрезвычайно странная: сначала осетины так называли себя, потом ни с того ни с сего решили отдать это имя соседнему народу, имеющему другой язык и другие обычаи; более того, Балкарию они стали называть *Ассиаг* (Асия), а Карачай — *Стур-Ассиаг* (Большая Асия), а второе свое самоназвание — *алан* — постановили из осетинского язы-

ка искоренить. Но это еще не все. Соседние народы также совершенно лишаются памяти, поскольку никто из них — ни чеченцы, ни грузины, ни народы Дагестана, ни кабардинцы — не называют осетин аланами.

Другая нелепость. Имя нарта Батраза В. И. Абаев производит от монгольского «батыр» — герой, богатырь и «ас» — ясин, осетин, что означает «богатырь асский», то есть осетинский. Но по законам и осетинского, и монгольского языков определение должно стоять впереди. Следовательно, чтобы получилось такое значение, должно было быть *асбатыр*.

Зато с карачаево-балкарского языка имя объясняется очень просто: *Батыр ас* — «смелый ас». Кстати говоря, сохранившийся в народной памяти отрывок из эпической «Песни о Батыразе» начинается словами:

«Нарт Батыраз батыр асладанды...»

«Нарт Батыраз — один из храбрых асов...»

Ни в одном другом эпосе, кроме карачаево-балкарского, имя народа асов не упоминается...

Мать предводителя нартвов Ёрюзмека в карачаево-балкарском эпосе зовут *Асней* — от *ас* и *эне* («праматерь асов»).

Отца Ёрюзмека зовут *Схуртук*. Очевидно, здесь произошло выпадение слабого безударного начального *а*, а полное звучание было *Асхуртук*, образованного от *ас гурт* — «асский народ», с прибавлением имяобразующей частицы *-ук*. Другие примеры того же рода: *Малкарук*, *Бахсанук* и т. п.

По недоразумению некоторые исследователи путают термин *ассы* (с ударением на последнем слоге), заимствованный из арабского и означающий «смутьян, противник», с названием народа *ас*. То, что эти слова не имеют ничего общего, можно увидеть на таком примере: человека, нарушающего религиозные нормы поведения или богохульствующего, одергивают: *Аллахха ассы болма!* — «Не становись противником Богу!» В тех же значениях слово *ассы* употребляется, например, в ногайском и чувашском языках.

Добавим в заключение, что волжских татар их соседи — удмурты и марийцы — называют *су-ас* — «приречные асы», а другой тюркоязычный народ — чувашей — *су-ас ламари* (т. е. «приречные асы с марийской при-

месью»). Но сколько бы мы ни искали, не найдем ни одного ираноязычного народа, который бы назывался *ас*. Случайно ли?

Одного из героев нартского эпоса зовут *Тауас* — «горец *ас*»; примеров подобного рода можно насчитать очень много.

Смысл двух других самоназваний балкарцев (*малкъарлы*) и карачаевцев (*къарачайлы*) очень точно, на наш взгляд, выявлен проф. М. А. Хабичевым. В самоназвании балкарцев заключено имя древнего народа *болгар* (*булгар*), которое состоит из двух слов: *балыкъ* или *булакъ* — «река» и *эр* — «человек», букв.: «речной человек», «люди, живущие у реки» (во многих тюркских языках, в том числе и в карачаево-балкарском, начальный звук *б* часто переходит в *м*, например: *бийик* — *мийик*, *биз* — *миз*, соотв.: «высокий» и «шило»).

В старинных песнях собственно Малкъар, то есть Черекское ущелье, часто именуется Къара Малкъар, букв.: «Черный Малкъар». В истории известно племя «черных болгар», обитавшее в средневековье в Приазовье и Прикубанье.

Чай или *сай* также означает «река» во многих тюркских языках. Стало быть, оба самоназвания имеют один и тот же смысл, в буквальном переводе — «чернореченцы» или, по принятому в науке, опять же буквальному толкованию термина, — «черные болгары».

Здесь необходимо одно существенное дополнение. Дело в том, что во всех тюркских языках слово *къара*, наличное в обоих этнонимах, имеет, в зависимости от контекста, множество значений, в том числе и «большой, могучий, великий». В самоназваниях балкарцев и карачаевцев оно в качестве определения относится не к самому племени, а к реке, возле которой оно обитало когда-то. Таким образом, точное значение самоназваний *къара-балыкъ-эр*, *къара-булакъ-эр*, *къара-малкъар-лы*, *къара-чай-лы* — «великореченец».

Но какая река имелась в виду? Понятно, что эти этнонимы весьма древние и что на Северном Кавказе нет реки, которую можно было бы назвать «великой».

Обращает на себя внимание тот факт, что в древнем нартском эпосе балкарцев и карачаевцев из всех рек наиболее часто упоминается Волга (Эдиль, Адиль) и только вслед за ней — Кубань (Къобан). Кроме того, по мифологическим воззрениям предков балкарцев и карачаевцев, река, которая делит мир пополам, называется

АРА, АРА-СУУ (Срединная, Срединная река). Не отсюда ли до сих пор не нашедшие убедительного объяснения в науке названия Волги: у Геродота — АРАКС, у Птолемея — Ра, у древних индийцев — РАСА, у современных мордвин — РАВ?

Таким образом, наиболее вероятно, что под великой, большой рекой подразумевалась именно Волга. И это еще раз дает нам повод вспомнить о древних ямниках, а также о сарматах, которые обитали у этой реки (аланы — одно из сарматских племен). И, видимо, не случайно часть древних болгар после распада под ударами хазар государства Великой Болгарии ушла в Поволжье, положив начало образованию татарского народа. Другая часть, во главе с Аспарухом, сыном хана Кубрата, ушла на Дунай, в нынешнюю Болгарию, где растворилась среди славянских племен. Третья часть во главе со старшим сыном Кубрата, Батбаем (или как его именуют некоторые источники — Батбаяном, Баяном, Басианом), — племя «черных болгар» — осталась в Прикубанье. Произошло это в VII веке.

Напрашивается вопрос — какова связь между болгарями и аланами (асами)? Происхождение балкарцев и карачаевцев от алан, древнего тюркоязычного народа, у нас не вызывает сомнений — слишком много уникальных совпадений между ними и карачаево-балкарцами. Но почему тогда в карачаево-балкарском языке наряду с этнонимами *алан*, *ас* сохраняются и *малкъарлы*, *къарачайлы*?

И тут надо вспомнить гипотезу известного археолога А. П. Смирнова о том, что древние болгары являются выходцами из круга сарматских племен, к числу которых принадлежали и аланы (асы). Сходное мнение высказал и другой известный ученый — В. Я. Мерперт.

Иными словами, асы, аланы, болгары — три тюркоязычных племени, говоривших на одном наречии, с одинаковой культурой, степняки-кочевники, занимавшиеся скотоводством, как о них повествуется в древних письменных источниках.

Кстати говоря, как сообщил один из старожилов, Х. Курданов, до революции в качестве термина «национальность» употреблялось слово *аслыкъ* (букв.: «ас-ство»), а не *миллет*.

Несмотря на то, что история скифо-сарматских племен не испытывает недостатка в исследованиях, в ней до сих пор очень много неясного. Установлено, что скифы занимали степи от Дона до Дуная, включая степной Крым. На восток от них, в поволжских степях, кочевали говорившие на одном со скифами языке сарматы (савроматы). Далее, в заволжских степях и на севере Средней Азии, обитали близкие родичи скифов и сармат — массагеты, саки, усунь и другие (речь идет о I-м тысячелетии до н. э.).

Спор идет о том, откуда пришли на свою территорию скифы. Одни исследователи полагают, что они пришли из Азии, переправившись через Волгу, другие — что путь их из Средней Азии пролегал через Иран, Закавказье и северокавказские степи. Третьи считают, что скифы — прямые наследники древних ямников и срубников и как этнос образовались на своей исконной территории. Вопрос этот еще далек от разрешения.

Наша задача — обратить внимание читателей на некоторые уникальные параллели, существующие между карачаево-балкарцами, с одной стороны, и скифо-алано-болгарами — с другой (кроме уже перечисленных).

Скифы неоднократно совершали походы в Переднюю Азию, сталкиваясь со многими народами древности — ассирийцами, мидянами, персами и др. В надписи царя Ассархадона говорится о царе страны *Ишкуза* (по другим чтениям: *Ашкуза*, *Аскуза*). Никто из исследователей не сомневается, что речь идет о скифах. И. М. Мизиев сопоставляет это слово с названием тюркского народа *ас-кизи* или *ас-киши*, что означает *асские люди*; ставя его, в свою очередь, в связь с сообщением средневекового арабского историка Ибн-Саида: из кавказских народов самым западным был народ *каса* (косоги русских летописей, предки адыгов), далее к востоку, по Ибн-Саиду, жили *аркеши* (*азкеши*), абхазы и аланы.

Но вероятно, подтверждение тому, что скифы именовались тюркским именем, можно найти и в более отдаленных временах.

Приведем рассказ древнегреческого историка Геродота о происхождении скифов: «Скифы о себе сами говорят так, что они суть юнейший из всех народов, а происхождение их таково. Первым жителем в земле их, дотоле не населенной, родился человек по имени Тар-

1238518

гитай, родителями же сего Таргитая были Зевс и дочь реки Борисфена; для меня сие невероятно, однако же так рассказывают. Таково рождение Таргитая; а детей у него было трое: Липоксаис, Арпоксаис и младший Колаксаис. В царствование их на скифскую землю упали с неба золотые творения: плуг, ярем, бердыш (обоюдоострая секира. — М. Дж.) и чаша. Первые два брата не смогли подойти к золоту — оно вспыхивало огнем, и только младший, Колаксай, смог взять его и стал царем». И далее Геродот сообщает, что, по мнению скифов, от времени Таргитая до похода персидского царя Дария на Скифию в 514 году до н. э. прошло не более тысячи лет.

Перед нами вроде бы очевидное противоречие — с одной стороны, скифы считают себя народом с тысячелетней историей, а с другой — именуют себя «юнейшим из всех народов». Но противоречия нет, а есть обыкновенная ошибка в переводе слова *ашкуз*. Первая часть этого слова *аш-*, *яш-* на всех тюркских языках означает «молодой, юный», вторая часть *-куз* — вариант также общетюркского термина *кур, гур, гурт, корт, журт*, означающего «объединение; место обитания, народ, племя». Восходит этот термин к *ок-кѣур*, по более древнему варианту *ок-куз*, где *окѣ* — «род», *куз* — *кур* — «объединять, объединение», то есть слово означает «объединение родов; племя». Сравните этнонимы: оногуры, кутригуры, сарогуры, уйгуры, огузы, гузы.

Таким образом, можно полагать, что в ответ на вопрос Геродота: «Что означает *ашкуз*?» — ему ответили: «Юный народ». Что касается разницы *кур* — *куз*, то чередование звуков *p/z* в окончаниях тюркских слов — хорошо изученное явление.

Не останавливаясь на объяснении имен прародителя скифов и его сыновей, скажем только, что они легко и логично переводятся с карачаево-балкарского.

Теперь о золотых предметах, упавших, по скифской легенде, с неба. На наш взгляд, на небе должны были пребывать их прообразы, их названия потомки скифов сохранили бы в названиях, например, созвездий. И они действительно сохранились.

Созвездие Малой Медведицы балкарцы и карачаевцы называют *Мырытла* (мн. число, поскольку речь идет о созвездии). *Мырыт* — «сошник, лемех». Созвездие Ориона называется *Гидала*. *Гида* — «боевой обоюдоострый топор».

Созвездие Северной Короны — Чёмючле. Чёмюч — «небольшая чаша».

Границы созвездий у разных народов совпадают не всегда. Не совпадает с созвездием Весов и группа из шести звезд, которую именуют *Боюнсала*. *Боюнса* — «ярмо».

Самое интересное, что все эти созвездия характерны каждое для определенного времени года, кроме Малой Медведицы, которое, являясь околополярным созвездием, одинаково хорошо наблюдается круглый год. Орион (Бердыш) характерен для осеннего, Весы (Ярмо) — для весеннего, а Северная Корона (Чёмюч) — для летнего неба. Таким образом, все четыре созвездия символизировали, кроме всего прочего, годичный цикл. Не случайно Геродот сообщает, что во время одного из скифских праздников эти золотые предметы выносили на обозрение народу и ставили возле них стража; причем считалось, что если страж уснет, то ему после этого останется жить не более года.

Общим самоназванием скифов было — *сколоты*, *сколты*. Главными среди них считались, как пишет Геродот, «благороднейшие и многочисленнейшие скифы, почитающие прочих скифов своими рабами», царские скифы, как их именует историк.

И опять загадочный термин находит себе простое объяснение с позиций карачаево-балкарского языка, в котором *схылты* означает «аристократ, знатный, знать». Происхождение этого слова выяснить нетрудно: от *ызгъыл* — «наследственность, качество, полученное от предков» и аффикса *-ты* — «наследник, преемник». Вполне естественно, что та часть скифов, которая считала себя потомками Таргитая и его сыновей, именовалась именно так. Следовательно, *сколоты/схылты* — социальный термин и у скифов, и у их потомков. Названием же народа, видимо, было слово *аш-куз*, *ас-куз*.

В неизменном виде сохранился у балкарцев и карачаевцев скифский способ приготовления мяса, совпадая даже в деталях: «...если котла не случится, все мясо вкладывают в желудок жертвы и, перемешав оное с водою, зажигают кости, кои горят очень хорошо, а в желудок удобно помещается мясо, очищенное от костей».

Это же касается и способов гадания (записаны мной у знатока народного быта Локмана Ижуевича Непеева из поселка Эльбрус).

Брали 9 или 12 ветвей кустарника, называемого «си-

пи» (краснотал), и гадатель, держа их в руке, предлагал желающему получить прорицание не глядя вытянуть один из прутьев, а потом произносил прорицание.

Другой способ, применявшийся женщинами,— гадание по шерстяной нити (шинтагы). Новую нить складывали несколько раз, образуя кольца, потом продевали в них конец нитки и дергали за оба конца. Прорицание выносили по тому, сколько узелков образовалось (или не образовалось ни одного), или нить порвалась.

А вот что пишет Геродот о скифах: «...приносят большие пучки сих (ивовых. — *М. Дж.*) прутьев, кладут их на землю, раскладывают порознь по одному и прорицают, а произнося прорицания, вновь по одному собирают прутья в пучки», а еще они «гадают на липовом мочале, которое раздирают натрое, перепутывают пальцы и, разрывая, произносят предсказания».

Когда один из скифских царей, пишет Геродот, пожелал узнать число своих подданных, он приказал принести каждому скифу по одному наконечнику стрелы. Закончив подсчет, царь захотел оставить себе памятник и велел переплавить наконечники (тогда еще медные) и изготовить котел. Его установили в святилище. Вместимость котла была 600 амфор.

Старики из Черекского ущелья хорошо знают о гигантском котле, принадлежавшем балкарским князьям Абаевым. Вот что рассказывает А. И. Османов (1913 г. р., проживает в г. Нальчике), со слов своего деда Омара: «В давние времена возле скотного двора Абаевых стоял огромный медный котел. В нем содержались больные овцы, числом более десятка. Котел назывался *тайнокъ къазан*. Его потом распилили для изготовления разной домашней утвари».

Мы полагаем, что в данном случае речь идет именно о скифском котле. Помещая в него больных животных, балкарцы, видимо, полагали, что котел обладает какой-то исцеляющей силой. Во-вторых, он принадлежал Абаевым, роду, который в течение долгого времени обладал большой властью, представители этого рода занимали должность олия — верховного князя, правителя Балкарии. В-третьих, если мы допустим, что это был другой (не скифский) котел, нет ответа на вопрос: какая была необходимость, при дороговизне металла в горах, тратить его на изготовление такой громадины? Никакой.

Но самое главное — название котла легко и убедительно объясняется с карачаево-балкарского языка:

тайпа — «племя»; *окъ* — «стрела»; когда слово обозначает собирательное множество оно ставится в ед. числе. *Къазан* — «котел». Все словосочетание в полном согласии с грамматикой означает «котел (изготовленный) из стрел племени».

Если бы эта святыня не принадлежала предкам балкарцев и карачаевцев, следует думать, название не объяснялось бы с их языка так просто и в полном согласии с тем, что сообщил Геродот.

Кроме того, котел этот вошел в поговорку, которую употребляют, когда говорят о предмете, имеющем большие размеры: «Как котел Абаевых, в котором 9 (или 12) овец ели корм».

Но каким образом скифская святыня оказалась в горах Центрального Кавказа?

Господство скифов в причерноморских степях на рубеже нашей эры сменилось господством их родичей — сарматов (алан). Позже началась бурная эпоха гуннских походов. Скифо-аланы постепенно оттеснялись на юг, к горам, а частью, в составе гуннской орды, двинулись на запад, в Европу.

Уже во время пребывания алан на Кавказе последовали не менее драматические события — нашествие монголов, позже — полчищ Тамерлана. Вероятно, алано-болгары, оттесняемые к горам, перевезли с собой святыню своих предков на новые места обитания. Когда они привезли котел в Черекское ущелье, сказать трудно. Скорее всего, это произошло после нашествия монголов, когда аланы были вынуждены отступить с предкавказских равнин в горные теснины. Во всяком случае, он и тогда должен был являться в их глазах весьма ценным предметом — если учесть те трудности, с которыми была сопряжена доставка котла в труднодоступную горную местность.

Коснемся вкратце и скифо-карачаево-балкарских параллелей в духовной культуре.

Геродот отмечал, что Зевса (т. е. бога грома и молнии) скифы называют *Папай*. Балкарцы сохранили имя этого божества. Несколько лет назад фольклорист Х. Х. Малкондуев записал текст под названием «*Бахча алгъыш*» — «Заговор огородов»:

«Грубые сыновья Дыдай,
Ледяные камни Папая,—
Вы не бейте поля,

Не причиняйте вреда,
Бейте горный хребет,
Он ледяной, и вы — ледяные;
Ударьте и разбейте его!»

Дыдай — богиня ветров, которые мыслились ее сыновьями. Важно, что Папай упоминается в связи с градом: видимо, считалось, что бог грозы Папай распоряжается и им.

Грозное существо по имени Бабай, которым балкарцы и карачаевцы пугают детей, вероятно, тот же скифский Папай.

Скифы считали себя потомками Таргитая и его сыновей, отцом же Таргитая был сам Папай. Поэтому Геродот и говорит: «...Зевс вполне правильно, по моему мнению, зовется Папай». Отчего же Геродот подчеркивает правильность такого именованья?

Память о скифском божестве сохранили и родственные карачаево-балкарцам народы: чуваша называют бога грозы *Папай тура*, волжские татары — *Папай тэн-гере*, оба в значении «бог-дед».

Супруга Папая, богиня земли, называлась у скифов *Апи*. В большинстве тюркских языков *эбе, ана, апи, аба* означает «бабушка». Таким образом, получается полное соответствие: дед и бабушка — супружеская чета богов (кар.-балк.: *баба, бабай* — «дед, предок»).

Говоря о других скифских божествах, Геродот в каждом случае называет имена древнегреческих богов, соответствующих им по функциям: Зевс — Папай, Гея — Апи, Аполлон — Гойтосир (на наш взгляд, это искаженное тюркское: *Кей атасы*, при слитном произношении — *Кейтасы, Кейтосир* — «отец солнца»). В карачаево-балкарской мифологии есть целый класс этих божеств — отец воды, отец земли и т. д.

И только скифскому богу войны Геродот не указывает пары и называет его, как и свое греческое божество, — *Арей*. Почему? Вероятно, по той причине, что речь шла о божестве скифов, имя которого звучало точно так же. По нашему мнению, скифский Арей — это карачаево-балкарский бог ветра и жатвы (а некогда и войны) — *Эрирей*, или как его часто именуют в краткой форме — *Эрей*.

Огромная удача выпала на долю писателя А. М. Тепеева. В 1975 году он записал от восьмидесятилетнего Ибрагима Чотчаева в селении Учкекен Карачаево-Черкесии эпическую «Песнь о князе Ачею».

Содержание песни вкратце таково. На горские селения со стороны Крыма надвигается грозный враг. Вестник мчится к старому князю Ачею, лежавшему от слабости на одре. Но, услышав страшную весть, старый князь вскакивает с постели и велит седлать вороного аргамака.

В верховьях какой-то реки Ачей держит совет со своими приближенными, а затем сам ведет войска в сражение. Далее в песне говорится, что войско Ачея отстояло свою землю, но сам князь погиб от вражеской стрелы.

В тексте упоминается и сын князя — Ачезез. Ачей и Ачезез являются одними из главных героев карачаево-балкарского нартского эпоса, как и других национальных версий Нартиады. Но в фольклоре балкарцев и карачаевцев есть и другой Ачезез, персонаж не нартской, а историко-героической песни. Идентичность имен часто вводила сказителей в заблуждение. Часто, но не всегда. Вот что говорится в одном из вариантов песни о герое исторической песни:

«Какая горесть сумела бы одолеть нас,
Если бы были живы два сына батыра Темиркана?
Эй, молодцы, если спрашиваете,
Кто эти два сына батыра Темиркана,—
Это Ачезез и Азнаур».

Далее в песне говорится об убийстве крымского наместника Ачезезом за покушение на честь его жены. Стало быть, героя этой песни, жившего, вероятно, в XVI или XVII веке, звали Ачезез, сын Темиркана, в отличие от героя нартской песни, сына Ачея. К тому же у нарта Ачезеза брата не было, в то время как брат средневекового героя Азнаур упоминается в песне и далее в описании битвы между крымцами и карачаево-балкарцами.

На самом деле песня повествует о гораздо древних временах — о событиях, происшедших в IV веке до н. э. в государстве причерноморских скифов. Активная поли-

тика, проводившаяся Атеем, натолкнулась на сильное противодействие со стороны быстро набиравшей силу Македонии. Конфликт привел к войне. Скифы и македонцы (напомним, что царем Македонии был в то время Филипп, отец будущего великого полководца Александра) столкнулись в битве где-то близ Дуная. Атей, который сам повел скифов в сражение, погиб. Дотоле считавшиеся непобедимыми скифы потерпели поражение.

Во-первых, отметим полное сходство имен (у греков не было букв для обозначения шипящих, поэтому вместо *ч* они писали *т*). И карачаево-балкарский Ачей, и Атей, каким он запечатлен у древнегреческих историков, — глубокие старцы; и тот и другой сами руководят сражением; и тот и другой имеют только одного сына; оба погибают в битве.

Имеется и еще один интересный факт, подтверждающий сказанное. Во времена Атея скифы взяли в плен знаменитого греческого флейтиста Исмения. Его искусство понравилось скифам, но сам Атей сказал, что предпочитает слушать ржание коней. Видимо, скифы не знали этого инструмента: когда у знаменитого скифского мудреца Анахарсиса спросили в Греции, есть ли у скифов флейтистки, он ответил: «Даже лозы нет», — чтобы веселиться, нужно выпить вина.

Одним словом, знакомство скифов с игрой на флейте должно было иметь последствия, то есть они должны были перенять этот инструмент и его название. На наш взгляд, именно поэтому в карачаево-балкарском языке свирель называется «сирийна, сырыйна» — от древнегреческого «сиринга, сюрингс» — флейта, свирель. И заимствование произошло, вероятно, как раз во времена царя Атея. Заметим, кроме того, что ни один нарт в эпосе балкарцев и карачаевцев не называется князем, кроме Атея (Ачей). И вообще, всеми сражениями нартов, за исключением этого, всегда руководит нарт Ёрюзбек.

Конечно, фольклор, как и всякое живое явление, претерпевает изменения, многое было забыто. Поэтому вместо македонцев и их полководца в нартской песне появились крымцы и их хан, а само действие было перенесено на Кавказ, вместо скифов — а эпос балкарцев и карачаевцев в немалой степени представляет собой устную историю скифо-алан — появились их потомки — сами балкарцы и карачаевцы.

Подробнее об этом см. статью «Песнь о князе Ачее».

Мы проследили вкратце ту линию, которая доходит

до средних веков, времени образования раннефеодального государства Алания на Центральном Кавказе, после распада Азовской Болгарии и вхождения «черных болгар» в состав Хазарии. На наш взгляд, это тюркоязычное ядро составилось из трех племен — асов, алан, болгар. В зависимости от того, какое племя преобладало и главенствовало, такое название носило все объединение. К X веку образуется Алания, занимающая предгорья Кавказа — от Кубани на западе до нынешней Чечено-Ингушетии. Арабский автор Ибн-Русте, описывая Хазарию, писал, что на отдаленнейших окраинах великих гор живут *тулас* (*таулас*) и *лугар*. По мнению археолога В. А. Кузнецова, под наименованием *таулас* нетрудно узнать одно из самоназваний балкарцев и карачаевцев — *таулу*. Таким образом, *таулу ас* означает «горцы-асы», *лугар* — слегка искаженное «булгар, болгар». Вероятно, алано-болгары постепенно продвигались с запада (из нынешней Карачаево-Черкесии) на восток, и не случайно название реки ЧЕГЕМ переводится с кар.-бал. как «пограничная река», от *чек* — «пограничная» и *кам, кем, кум* — «река».

Завязав тесные отношения с аланами, Византийская империя стала посылать к ним миссионеров. В Аланию начало проникать христианство, строились церкви, развалины которых и по сей день можно увидеть на территории Балкарии и Карачая. По мнению В. А. Кузнецова, в Карачае располагалась Аланская епархия, с центром в Нижнем Архызе, центр же Кавказской епархии располагался в Чегемском ущелье. Алания в качестве крупной военно-политической силы вмешивается во многие события на Кавказе, достигнув наибольшего могущества при царе Дургулеле Великом. Признание ее веса отмечается и династическими браками — аланка Мария становится женой императора Византии, матерью грузинского царя Георгия III была аланка Бурдухан, на ясской (аланской) княжне Елене женится русский князь Ярополк Владимирович.

Конец развитию Алании положило нашествие монголов. Зимой 1239 года, несмотря на отчаянное сопротивление алан, пала их столица город Магас. Но и после этого, отойдя в горы, аланы долго вели партизанскую войну против завоевателей. Но силы были слишком неравны. Алания вошла в состав нового государства — Золотую Орду и, судя по тому, что ясская конница участвовала в сражении между войсками золотоордын-

ского эмира Тохтамыша и вторгшимися на Кавказ полчищами среднеазиатского эмира Тамерлана, достаточно быстро возрождалась. Нашествие Тамерлана явилось для алан новой катастрофой. Если после монгольского нашествия обезлюдели равнины Алании, то теперь войска Тимура стали вторгаться в горные теснины, где проживали остатки некогда сильного и воинственного народа. По словам персидских летописцев, в горах войска эмира сражались с отрядами предводителей асов Буриберди и Бурикана, затем вторглись в Черекское ущелье; где взяли крепость Пулада (совр. название Болат-къала, рядом с которой находятся развалины цитадели Курноят-Къала), оттуда перешли в местность Капчагай (в Чегемском ущелье). Таким образом, аланы в течение 150 лет дважды подвергались геноциду. После тамерлановского нашествия, вероятно, сохранились только небольшие группы алан в теснинах гор.

Христианство не успело пустить прочных корней в Алании, а прекращение связей с Византией и вовсе привело к возвращению населения к прежней, языческой религии предков — тенгрианству. Однако в карачаево-балкарском языке сохранилось много заимствованных в ту эпоху греческих терминов. Это, например, такие слова, как *килиса* — «церковь» (от греческого «эκκληсия»), *бабас* — «поп» («папас»). Названия дней недели и месяцев почти сплошь носят имена христианских святых — Ильи, Тотура (Федора), Николая, Георгия, Андрея, Параскевы, Василия, есть и месяц св. апостолов (*абустол ай*) и т. д.

6

Вряд ли найдется сейчас исследователь, полагающий, что этническую историю карачаево-балкарцев можно рассматривать вне связи с этнической историей осетин, — слишком много общего в их языке, материальной и духовной культуре, быту и даже в антропологическом типе. Хотелось бы высказать несколько соображений по этому поводу, дать в самом общем виде картину сложения этих народов, как она нам представляется.

Еще в ту эпоху, когда на Кавказ проникли первые тюрки — ямники, со 2-го тысячелетия до н. э., на Северном Кавказе стала распространяться культура, истоки которой находились в Южной Осетии и которую назы-

вают «кобанской», по названию осетинского селения В. Кобан, где были сделаны первые находки предметов этой культуры. Древние кобанцы освоили большую территорию — от верховьев Кубани до реки Аргун, создали богатую и своеобразную культуру. Известный археолог Б. В. Техов особо отмечает ее связь с Луристаном (Западный Иран), имевшим «давние и богатые традиции бронзовой металлургии». Определить языковую принадлежность древних кобанцев пока не удастся. Но все ученые сходятся на том, что именно этот народ дал многое из того, что есть общего в быту и культуре современных народов Кавказа; несомненно, это относится и к языку. По мнению археологов, кобанцы в основном разводили овец, и именно терминология, связанная с овцеводством, является в осетинском языке очень развитой. Южных осетин именуют *ТУАЛ*. В Библии, в так называемой «таблице народов», где каждое из известных составителям священной книги племен представлено в качестве отдельной личности, *ТУБАЛ* назван «отцом всех ковачей из меди». Комментируя эту таблицу, П. К. Услар отмечал, что «тупал» означает в персидском «медь». Не отразилось ли в этом упоминании в Библии признание высокого мастерства древних кобанцев, одних из предков осетин, именно в выделке изделий из меди?

Но главный вопрос так и повисает в воздухе: от кого нынешние осетины унаследовали свой язык, относящийся к иранской группе? Ответ на него, рано или поздно, придется дать лингвистам. То, что официальная наука говорила до сих пор, не выдерживает ни малейшей критики. Нет никаких оснований отрывать историю осетин от истории других ирано-язычных народов и навязывать им роль потомков скотоводов-кочевников, «доителей кобылиц», как именовали скифов древние авторы. Тем более, что в языке осетин нет термина «кумыс». В «Русско-осетинском словаре», изданном составителем В. И. Абаевым, это слово переведено как «бахы ахсыр» — «ковское молоко». Но такого в природе не имеется, а есть только кобылье молоко; и к тому же, чтобы стать кумысом, оно должно перебродить. К тому же, коневодческая терминология — самая неразработанная, по сравнению с прочими разделами скотоводческой лексики осетинского языка. Все это свидетельство того, что осетины могут быть потомками только оседлого населения.

О глубоких и неразрывных связях с югом, то есть с

территорией Ирана, говорят и общее самоназвание осетин — «ирон», и название их страны — Иристон, отдельных колен — «курдтаты», вероятно, от названий ираноязычных народов — курдов и татов. Ср. также название этнической группы таджиков — «ирони».

Поэтому, в качестве предположения, рискнем высказать по вопросу о языке осетин следующее

Известно, что владыки могучих империй древности и средневековья в целях усиления своих государств или в качестве наказания практиковали переселение подвластных им племен обычно на границы, возлагая на них охрану рубежей. Одним из таких рубежей всегда был Кавказ, отделяя оседлое население Востока от северных кочевников. Вероятно, именно подобной практике обязан (в первую очередь) Северный Кавказ своим многоязычием. Было и другое — когда к горам оттеснялись то с севера, то с юга ослабевшие племена. Не учитывая этих факторов, лингвисты собрали в одну группу языки всех народов Кавказа (кроме тюркских, иранских и армянского) и дали ей название иберийско-кавказской. Но где аргументы, подтверждающие их общее происхождение, якобы восходящее к некоему древнему народу, первому насельнику Кавказа? Ни один из этих языков непохож на другой. Карачаево-балкарец без труда поймет алтайца или казаха, все вместе — турка или крымца, украинец — поляка. Но адыгеец совершенно не понимает речи абхаза, тот — грузина, чеченец — аварца, даргинец — табасаранца. И это — живя бок о бок! В объяснении этого факта порой доходили до явной глупости: мол, каждое племя на Кавказе до светлого Октября жило так изолированно, что вообще не знало своих соседей (не народы, а просто монахи какие-то). Ни один народ и никогда так не жил и жить не мог, даже на острове. Но Кавказ не остров и не монастырь, а весьма оживленный перекресток. (Остается, шутки ради, предложить такое решение: когда-то «иберийско-кавказские» народы говорили на одном языке, потом разошлись, договорившись встретиться на Кавказе через пару-тройку тысячелетий. Вернулись, а друг друга уже не понимают).

Вернемся к нашему вопросу. Переселение подвластных народов на границы применяли и владыки Ирана. Кроме того, они могли бежать за пределы страны после неудачных восстаний — и племена, и отдельные группы населения. Так, например, в начале VI века н. э. раз-

громленные шахом Кавадом и его сыном Хосроем сторонники Маздака (персы и иранские евреи) бежали на Кавказ, осев в конце концов на берегах Терека (см. работу Л. Н. Гумилева «Зигзаг истории»). Не ими ли был принесен в Хазарию иранский язык, воспринятый позже и местным населением — потомками древних кобанцев? Пришлое племя редко встречает радушный прием, а встретиться бывшие маздакиты должны были прежде всего с асами-аланами. В эту эпоху, вероятно, в осетинском и появилось слово *АСАГ-АЛОН* в значении «чужой, чужак, посторонний». (На Северном Кавказе два ираноязычных народа — осетины и горские евреи. К сожалению, работы, посвященной сопоставительному анализу их языков, нам неизвестны). Третьим компонентом в этногенезе осетин — если мы правы — были тюрки. Венгерский историк де Бесс писал о своей встрече с двумя дигорскими вождями в 1830 году: «Старший из вождей взял слово и объявил в присутствии коменданта (Нальчика) и всего остального общества, что 5 племен — дигорцы, балкары, хулиамы, бизинги и оруспис — являются истинными потомками мадьяр». И далее: «Он добавил, что его соотечественники не знают, какой был их первоначальный язык, но все 5 племен пользуются одинаковым наречием, значительно отличающимся от языка других жителей Кавказа».

Еще ранее, в конце XVIII века, немецкий путешественник Якоб Рейнеггс, перечисляя осетинские племена, упоминает среди них племя *уйтигур*, которое соседи называют также *тигур* (вероятно, искаженное *дигор*), и добавляет: «Уйтигуры говорят на самом старом известном татарском наречии».

Эти два многозначительных сообщения подкрепляются и другими. Множество фамильных имен, одинаковых и в Балкарии, и в Дигории, сходство фольклора, насыщенность дигорского диалекта тюркизмами (балкаризмами) и т. д. Кроме того, в «Огуз-наме» — переложении тюркского эпоса, принадлежащем перу Рашид-ад-Дина, — *догер* или *дукер* фигурирует в качестве одного из огузских племен. В том же качестве Дюкер/Дукер упоминается и в другом эпосе — «Книге моего деда Коркута» и в «Родословной туркмен» Абулгази-хана. И таких фактов много. Но самое главное — в карачаево-балкарском языке, по предварительным подсчетам, десятки осетинских слов; количество балкарских слов в осетинском (и особенно в дигорском диалекте) еще больше.

Кстати говоря, в состав России дигорцы вошли вместе с балкарцами в 1827 году, как шесть колен одного народа, явившись для вручения прошения в Ставрополь единой делегацией.

7

Как мы уже говорили выше, после бурных событий XIII—XIV веков равнинная Алания полностью опустела, уцелевшее население отступило в горы. Свидетельством пребывания алан на равнине являются многочисленные топонимы и гидронимы, например, названия кабардинских селений: Къызбурун («бурун» — нос, здесь — «девичий мыс»), Куркужин («круглая впадина»), Куба-Таба («большой холм»), Лечинкай («соколиная скала»), Карагач («черный лес»), Герменчик («маленькая крепость», от архаического «кермен» — крепость), Акбаш («белая вершина»), Черек («река») и др.

Все крупные реки Кабардино-Балкарии носят карачаево-балкарские (аланские) названия: Малка (от *баллыкъ* — «крупная река»), Кичималка (от *Кичи-баллыкъ* — «меньшая река»), Баксан (*басхан* — «разливающаяся, затопляющая»), Чегем («пограничная река»), Черек («река»), Терек (*Терк* — «быстрая»).

В XV—XVI веках степи Северного Кавказа попадают под власть крымских и калмыцких ханов. Тогда же на Центральный Кавказ постепенно проникают кабардинцы, переселившиеся из-за Кубани в район Пятигорья. Однако в XVII веке, как сообщил в Коллегии иностранных дел князь Магомет Атажукин (в 1732 году), крымские ханы, считавшие степи Северного Кавказа своей вотчиной, переселили часть кабардинцев обратно на Кубань. Сколько они там прожили, князь не помнил, но добавил, что затем с помощью калмыцкого хана Аюки вернулись в Пятигорье. Опасаясь новых набегов крымцев, в 80-х годах XVII века они ушли на Баксан*. Видимо, можно считать, что с этого времени начались активные контакты балкарцев и кабардинцев. Изменение ситуации должно было привести к вопросу о границах, который был разрешен, на основе согласия, третейским судом. Балкария, делившаяся на пять обществ, представляла собой в ту эпоху своеобразную конфедерацию. Все-

* См.: «Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.» М., 1957. Т. I.

ми важными делами распоряжался выборный орган — Тёре, наделенный судебными и законодательными полномочиями. Он имел право смещать даже князей и назначать на их место других. Фактически князья были лишь военными предводителями, хотя, конечно, исключить наличие у них определенных привилегий нельзя. Кроме того, как писал в 1911 году Мисост Абаев, старший и достойнейший из таубиев (князей) «носил звание «олий», и он правил всем народом». Он же утверждал решения Тёре.

В начале XIX века, в 1804—1812 годах, на Кавказ обрушилось страшное бедствие — эпидемия чумы. Вымирали целые селения. Если в Кабарде, например, в конце XVIII века насчитывалось около 180 тысяч человек, то в 30-х годах XIX века, то есть даже спустя 20 лет после эпидемии,— всего 14 400 душ мужского пола; удвоив, получим общее число — около 30 тысяч. В Балкарии в это же время осталось, по данным военных властей, 3400 душ мужского пола, то есть около 7 тысяч человек.

Тяжелое положение горских народов усугубилось началом Кавказской войны. 9 мая 1804 года на реке Чегем произошло сражение с войсками генерала Г. И. Глазенапа. Генерал писал в рапорте Александру I, что сражение длилось 7 часов и что войска дрались «в ущельях большею частью с 11 000 отчаянно сражавшимися кабардинцами, чегемцами, балкарцами, карачаевцами и осетинцами, выбитыми из 12 окопанных аулов».

В 1810 году кабардинцы и балкарцы оказали упорное сопротивление отряду генерала Булгакова, запершись в горных ущельях.

11 января 1827 года представители балкарских феодалов прибыли к генерал-лейтенанту Г. А. Эмануэлю и подали прошение о принятии их в российское подданство. Однако это не помешало балкарцам и дигорцам прийти на помощь карачаевцам, когда войска того же генерала Эмануэля вступили в октябре 1828 года в Карачай.

Произошло кровопролитное сражение, длившееся 12 часов, в котором карачаевцы были разбиты. 22 октября карачаевская делегация во главе с олием Исламом Крымшамхаловым подала прошение о принятии Карачая в российское подданство.

Далее было установление власти царской администрации на Кавказе, отнесение карачаевцев к Кубанской, а балкарцев к Терской области, то есть разделение единого народа на две части, медленное втягивание в общероссийский рынок (после отмены крепостного права), тяжбы соседей по поводу принадлежности тех или иных земель тем или иным народам, наступление нового века, геноцид и репрессии сороковых годов, переломивших историю карачаево-балкарского народа пополам. Конечно, нельзя назвать семь десятилетий правления тоталитарного режима благоприятными для развития нашего народа, как и других малочисленных народов СССР. Но все же объективно следует признать, что после 50-х годов кое-что для них делалось, пусть и не в тех пределах и не всегда вовремя. Была национальная политика, обеспечивавшая определенный уровень образования, состояния экономики и т. п.

Трудно предполагать, что произойдет в этой области теперь, в связи с крушением коммунистической идеологии и развалом СССР. Неясно, какие силы возобладают в руководстве России и какую доктрину они примут в качестве национальной политики. Одна эпоха окончилась, а другая еще не началась — такое ощущение знакомо сейчас многим. Что впереди и над нами — «сумрак неминуемый, иль ясность Божьего лица?»

ПЕСНЬ О КНЯЗЕ АЧЕЕ

Произведение под таким названием («Бий Ачейни жыры») было записано писателем А. М. Теппеевым в селении Учкекен, в Карачае, в исполнении восьмидесятилетнего Ибрагима Чотчаева летом 1975 года и опубликовано в третьем номере журнала «Минги Тау» за 1987 год. На наш взгляд, песня представляет чрезвычайный интерес для ученых, занимающихся вопросами происхождения и истории карачаево-балкарского народа.

Ниже мы даем подстрочный перевод текста. Два примечания: слово «горские» в переводе следует читать как «карачаево-балкарские», по одному из самоназваний нашего народа — таулула (горцы); термин «бий» мы перевели как «князь», хотя оно имеет и другие значения — в мифологии «бог», а также «господин, повелитель».

Эй, на горские селения черный туман надвигается,
говорят, ой,
И черный туман черным дождем сеется.

Эй, с князем Ачеем ровней став, кто выстоит, говорят, ой,
От черного половодья наши головы кто спасет?

Эй, от черного половодья наши головы кто спасет,
говорят, ой,
Из Крыма идущим семенам (сборщикам дани) навстречу
кто выйдет?

Эй, в горском селении батыром рожденный князь Ачей,
говорят, ой,
Если кто-то и вышел бы, то вышел бы он, не колеблясь!

Эй, перед незванным гостем и один человек — нарт,
говорят, ой,
Но и одинокий нарт, живя, состарится.

Эй, к князю Ачею вестник тревоги помчался, говорят, ой,
То не тревога, то жаждущие недоброй дани.

Эй, на крыши (домов) совы садятся, говорят, ой,
Горские селения в тревоге, в печали.

Эй, с князем Ачеем равней став, кто выстоит, говорят, ой,
Кто выйдет, чтобы стать щитом для горских селений?

Эй, Ачей-батыр сильно встревожился, говорят, ой,
С деревянного ложа вскочив, встал он.

Эй, Ачей-батыр так сказал, говорят, ой:
— Хоть и стар я, на деревянном ложе не улежу,

Эй, горские селения на юнцов не покину, говорит, ой,
А если и покину, то останусь на коне.

Эй, нет болезни, что отпускает поясицу старика,
говорит, ой,
Нет сил, чтобы остановить врага на равнине.

Эй, на носилках меня на гору отнесите, говорит, ой,
И услышите, что я скажу при виде врага.

Эй, Ачей-батыр стрелы выбирает, говорят, ой,
Ачей-батыр с Балык-баши смотрит.

Эй, смотрит он и видит черный туман, говорят, ой,
Нашествия со стороны Крыма стали обычным делом.

Эй, Ачей-батыр велит привести вороного аргамака,
говорят, ой,
На Балык-баши он совет держит.

Эй, не говорите, что князь Ачей стар и дряхл, говорит, ой,
Крымскому хану проведать об этом не дайте.

Эй, в кровавой битве и старик стоит молодого,
говорит, ой,
Приближающийся враг умело выбирает переправы.

Эй, я старости и слабости своей не выдам, говорит, ой,
Пока меч мой не переломится, с вороного аргамака
не упаду.

Эй, хан спросит: «Всадник на вороном аргамаке —
не Ачей ли?» — говорит, ой,
А гнев Ачeya на него будет велик.

Эй, жив, скажут, горских селений герой, говорит, ой,
Быстро будет пускать стрелы его лук.

Эй, закапает кровь моя на камни горных дорог,
говорит, ой,
Беду обрушу я на голову крымского хана.

Эй, не выпуская поводьев, онемеет моя рука, говорит, ой,
Если я погибну, пусть мой аргамак будет (вам)
предводителем.

Эй, в товарищи мне дайте одного Ачемеца, говорит, ой,
Хоть он и молод, относитесь к нему, как ко мне самому.

Эй, когда Ачемез возмужает, он защитит горские
селения, говорит, ой,
Когда батыр погибает, потомукy остается его пример.

Эй, не бойтесь многочисленных врагов, когда вас мало,
говорит, ой,
И не превозносите, когда вас много.

Эй, Ачей-батыр подруги коню затягивает, говорит, ой,
Стрелы его хану под лопатку вонзаются.

Эй, копыта коней искры высекают, говорят, ой,
Вражеские воины в растерянности останавливаются.

Глядят они, а слабины, уязвимого места не видят,
говорят, ой,
В горские селения вскачь ворваться не могут.

на жене убитого им кровника. В наиболее полной версии нарт Ачемез погибает в битве с отрядом нарта Сосурука, который потребовал отдать ему прекрасную пленницу — жену убитого Ачемезом Кубы. Довольно подробно описано детство нарта, говорится и о его матери. У его отца есть сестра и брат, по имени Насыран. У исторического Ачемеза нет ни дяди, ни тети, ничего не сказано и о его матери.

5. Действие средневековой песни происходит в районе современного балкарского селения Кенделен, у входа в Баксанское ущелье. География нартского сказания гораздо шире — упоминаются Терек, Кубань, Волга.

6. Историко-героическая песня имеет еще одно название — «Кърым семенле» — «Крымские сборщики дани». В 1911 году первый балкарский историограф М. К. Абаев упоминал в своем очерке «Балкария» старинную песню под таким названием, отмечая, что в ней говорилось о поединке балкарского князя Темиркана с двумя бойцами крымского хана, в котором победу одержал Темиркан. В примечании М. К. Абаев писал: «Существуют таубиевские (княжеские. — М. Дж.) фамилии Темиркановы и Бикановы — потомки Мимбулата, но не Басиата» (к легендарному Басиату возводили свое происхождение княжеские фамилии Черекского ущелья).

7. В одном из опубликованных вариантов исторической песни говорится:

Бизге не къыйнлыкъ келир эди,
Батыр Темиркъанны эки улу сау болса?
Эй, уланлар, батыр Темиркъанны
Эки улу кимдилер десегиз —
Ала болурлар Ачемез бла Азнаур.

Перевод:

Какая горестъ смогла бы нас одолеть,
Если бы были живы два сына батыра Темиркана?
Эй, молодцы, если спрашиваете,
Кто эти два сына батыра Темиркана —
Это Ачемез и Азнаур.

8. Из сказанного вытекает, что героя исторической песни следует именовать «Ачемез, сын Темиркана», в отличие от нарта Ачемеза, сына Ачея. Полная идентичность имен вводила сказителей в заблуждение: напри-

мер, в тексте, который мы только что процитировали, упомянув об отце героя — Темиркане, десятью строками ниже его же называют Ачемез, сын Аче.

9. Если имя убийцы нарта Ачея, за которого мстит его сын, в сказаниях называется всегда, то имя крымского хана — ни разу.

10. В исторической песне, ни в одном варианте, нет слова «нарт».

11. Исторический Ачемез убивает крымского хана на ложе своей жены. Могучий Хубун (Куба) приволакивает убитого им в поединке нарта Ачемеза к себе во двор. Жена Кубы оживляет нарта при помощи волшебного полотенца, и он убивает своего врага, когда тот спит, а затем женится на его жене (в некоторых вариантах он убивает и ее). В исторической песне никаких фантастических предметов нет. Смерть обоих противников на ложе, следовательно, ни о чем не говорит, даже если мы имеем в этом случае взаимопроникновение деталей — слишком много различий в двух этих сюжетах.

12. Историко-героническая песня с таким сюжетом и героем по имени Ачемез в фольклоре соседних народов, насколько мне известно, отсутствует. В то же время сказание о нарте Ачемезе, сыне Ачея, популярно у многих народов Северного Кавказа (у адыгов — Ашамаз, сын Аша, у абазин — Чамаз, сын Ача, у осетин — Ацамаз, сын Аца).

13. Мы можем сделать окончательный вывод: «Песнь о князе Ачее», текст которой мы привели выше, относится к нартскому эпосу и речь в ней идет о нартах.

Перейдем теперь к рассмотрению образа Ачея и той исторической подосновы, которая послужила причиной создания этой песни.

* * *

Попытку рассмотрения и анализа образа Аца и его сына Ацамаза предпринял Т. А. Гурьев. Приведем в краткой форме его выводы и доводы:

1. По В. И. Абаеву, Ацамаз — старое аланское имя. В древнегреческих надписях Северного Кавказа оно встречается 4 раза, в форме «Атамазас». В древнегреческом не было звуков Ц и Ч, поэтому для их передачи греки пользовались буквой Т.

2. Карл Мюлленгоф признал вторую часть имени сы-

на — «маз» — древнеиранским словом со значением «великий». Логично предположить, по мнению Т. А. Гуриева, что этот элемент служил определением для первой части — Ата, которая могла выступать и как самостоятельное имя, ср.: Карл Великий, Петр Великий и т. д. Ладислав Згуста приводит большой список скифо-сарматских имен, в которых легко узнается элемент «Ата».

3. По мнению Э. А. Грантовского, имя Ата «может происходить из различных языков, в том числе из индоевропейских». Поскольку ареал распространения этого имени обширен, то, по мнению Т. А. Гуриева, нет возможности определить его национальную принадлежность. Поэтому он считает его одним из интернациональных детских слов типа «мама, папа, дада, баба» и т. д. Таким образом, имя Атамаз, Ацамаз означало «Ата Великий». Затем, по Т. А. Гуриеву, когда значение слова «маз» предками осетин было забыто, произошло раздвоение имени — первая часть стала именем мудрого старого нарта Аца, а полное — Ацамаз — стало пониматься как имя его сына.

4. Но кто в истории скифо-сарматских племен мог заслужить эпитет «великий»? По мнению Т. А. Гуриева, которое мы полностью разделяем, таким героем был известный по многим свидетельствам древних авторов скифский царь Атей. «Правда,— пишет Т. А. Гуриев,— мы не знаем, носил ли Атей при жизни эпитет «маз», но мы должны признать, объективности ради, что он его заслужил».

Далее Гуриев приводит сведения о царе Аtee, почерпнутые в трудах античных авторов — Плутарха, Страбона, Климента Александрийского, Помпея Трога, Диогена Лаэртского, привлекает и работы современных исследователей. Историческую заслугу Аtea он видит в том, что этому царю удалось объединить «всех скифов Северного Причерноморья от Азовского моря до низовьев Дуная, почему источники и называют его «рекс Скифарум», т. е. «царь скифов». При нем в Скифии чеканились монеты с его именем и изображением всадника.

В дополнение к выводам Т. А. Гуриева приведем несколько выдержек из статьи Д. Б. Шелова, посвященной истории Скифии в эпоху царя Аtea. Ученый считает, что «большинство советских историков видит в Аtee царя объединенной Скифии, простиравшейся от Азовского моря до Добруджи, создателя первого Скифского

государства». С его именем связан период наивысшего могущества скифов и начало упадка их державы, связанное с возвышением Македонии, возглавленной царем Филиппом, отцом Александра Македонского. Говоря о причинах конфликта между Атеем и Филиппом, Д. Б. Шелов пишет: «Македонский царь готовился в это время к самому ответственному этапу борьбы за гегемонию на Балканском полуострове», что и было достигнуто им — после того как македонцы разбили войско афинян и их союзников в битве при Херонее. Филипп захватил власть над всей Элладой. Но сначала Филиппу нужно было обеспечить себе прочный тыл. И здесь помеху он видел в активной политике, которую проводил на западе царь Атей. «Разгром Атея был необходим Филиппу для удержания за собой гегемонии во Фракии, что, в свою очередь, являлось неременным условием для успеха борьбы за политическое преобразование в Греции».

Война была неизбежной. Битва, как пишет греческий сатирик Лукиан из Самосаты, состоялась где-то близ Дуная. Скифы были разбиты, Филипп захватил в плен 20 000 женщин и детей, 20 000 чистокровных коней и множество скота. В этом сражении погиб и сам Атей. В это время ему было 90 лет (в 339 году до Р. Хр.). Позже разгром постепенно слабевшей Скифской державы довершили родственные скифам племена савроматов, надвинувшиеся из-за Дона.

Нетрудно заметить красноречивые совпадения между изложенным и теми деталями, которые присутствуют в карачаево-балкарских нартских сказаниях, и в нашей песне в частности:

1. Полное совпадение имен: Атей — Ачей.
2. И скифский царь Атей и нарт Ачей к моменту битвы — глубокие старцы, но тем не менее участвуют в ней.
3. Оба погибают в сражении.
4. И в истории, и в карачаево-балкарской песне битва происходит на берегу реки; слово «Балыкъ, балыкъ» означает как название конкретной реки (Малка в Кабардино-Балкарии), так и просто «река».
5. У нарта Ачая и у царя скифов Атея были сыновья. Когда царь Атей, затеяв войну с жителями города Истрия, попал в затруднительное положение, он обратился за помощью к Филиппу. Тот послал на выручку свой отряд, но потребовал в уплату за помощь усyno-

вить Филиппа, чтобы оставить Скифию в наследство ему, Филиппу. Неожиданно умер царь истриан, война прекратилась, и, как пишет Д. Б. Шелов, «Атей отослал македонян обратно к Филиппу, заявив, что он помощи не просил и что наследник престола ему не нужен, так как у него есть сын». По этой причине отпадает предположение Т. А. Гуриева о том, что имя старого царя с присоединенным к нему эпитетом стало осознаваться как имя его сына, а самого отца эпос стал именовать просто одним именем. В самом деле, с какой стати Ата Великий — это имя сына, а сам царь стал называться просто Ата? Эпос, который помнит царя Атея, может помнить и то, что у него был сын, со своим, конечно, именем, а не полученным в результате «раздвоения». Вывод Т. А. Гуриева неприемлем и по другой причине. В осетинском языке, как пишет В. И. Абаев, определение, «чем бы оно ни было выражено, ставится всегда впереди «определяемого», «обратный порядок совершенно немислим». Если переводить имя царя согласно законам осетинского языка, мы имели бы Маз Ата, а точнее — Маз Аца, если скифо-сарматы были предками осетин и разговаривали на языке, близком к современному осетинскому. Но этого нет. Во-вторых, авестийское, древнеиранское, как считают Абаев и Гуриев, слово «маз», по словам самого же Абаева, в осетинском языке не засвидетельствовано. Зато оно широко представлено в карачаево-балкарском, притом как самое обычное: «баз» — опора, защита (чередование в начале слова звуков б/м в тюркских языках — обычная закономерность, например, бий-ик/мииник — высокий, биз/миз — шило и т. д.). От этого же слова — «маз» — образуются слова «Мазаллы» — огромный, «базыкъ» — толстый, дородный, «базын» — надеяться (на свою силу). Есть это слово и в других тюркских языках, например, в казахском: «маза» — сила, мощь.

Здесь нам могут возразить: ираноязычные осетины утратили это слово, а карачаево-балкарцы, в этногенезе которых приняли участие аланы (якобы предки осетин), переняли его и сохранили, но само оно — иранское, поскольку встречается в древней священной книге иранцев — Авесте.

Но и мы вправе спросить тогда: где гарантия того, что в Авесте отражен чистейший, беспримесный иранский язык, в который не проникли никакие тюркские слова, — ведь самая древняя рукопись Авесты, извест-

ная науке, датирована только 1278 годом нашей эры? Начало же контактов тюрков с иранцами относится к гораздо более ранним временам. И если даже согласиться с тем, что карачаево-балкарцы заняли это слово у осетин (которые тут же его забыли), то у кого его заняли казахи? Да и зачем? (Кстати, что означает имя «Аца», Т. А. Гуриев не говорит).

К тому же этимологическое объяснение этих двух имен с позиции карачаево-балкарского языка не требует никаких усилий. Имя Ачей — от «ачы» — сильный, крепкий, горький (о вкусе), резкий (о звуке), тяжелая (о ране) и т. д. Нетрудно заметить, что в основе всех этих слов — значение «сила, крепость». Ачей — сильный, крепкий.

Ачезез — слегка измененное магическое имя «Ачимаз» — неуязвимый. Этим именем нарекают детей и сейчас. Именем «Ачей» детей сейчас не нарекают, оно перешло в разряд архаичных, но можно встретить людей с отчеством «Ачезевич».

Если же считать, что это имя звучало как «Ата», то и такое имя как раз распространено именно среди тюрков — кумыков, туркмен, узбеков (Ата), балкарцев и карачаевцев (Атта) — и означает — отец, батюшка. Показательно, что Т. А. Гуриев не привел ни одного примера в доказательство того, что это имя бытовало или бытует у индоевропейских народов.

Приведем и другие факты, показывающие, что речь в песне идет о предках балкарцев и карачаевцев — причерноморских скифах, в которых официальная наука («академическая», как ее почтительно именуют) видит предков осетин:

1. Ни в осетинском, ни в эпосах других народов Кавказа, ни в работах исследователей мы не обнаружили даже намек на существование песни на сюжет «Песни о князе Ачезе». К тому же осетинский эпос — прозаический. Карачаево-балкарский же эпос сохранился в двух вариантах — стихотворно-песенном и прозаическом. Количество строк в первом, правда, относительно невелико — 7—8 тысяч. И это при том, что балкарцы и карачаевцы начали собирать его тогда (после возвращения из Средней Азии и Казахстана), когда остальные народы Кавказа собирать свой эпос практически закончили. И опять накладка: все забыли, а карачаево-балкарцы запомнили?

2. При царе Ачезе скифы однажды захватили в плен

знаменитого греческого флейтиста Исмения, по поводу игры которого приближенные царя выразили большое удовольствие. Сам царь сказал, что предпочитает слушать ржание коня, но, как справедливо замечает Т. А. Гуриев, это не означало, что он был противником музыки, иначе он не разрешил бы ему играть и не держал бы его при дворе. Как писал Диоген Лаэртский, когда знаменитого скифского мудреца Анахарсиса спросили, есть ли у скифов флейты, он ответил: «Даже лозы нет». Иными словами, мудрец хотел сказать, что для игры на флейте и веселья нужно пить вино. По мнению Т. А. Гуриева, это косвенное свидетельство того, что у скифов тогда не было профессиональных музыкантов. Сопоставляя эти сведения с тем, что сказано в осетинском эпосе (старый Аца получает в подарок от бога диких животных Афсати золотую флейту, которая досталась в наследство его младшему сыну Ацамазу), он пишет: «...остаётся непонятным, почему из многих подарков, предложенных ему Афсати, он взял именно его», т. е. «уадындз» (осет. «флейта, свирель»), и объясняет эту странность тем, что, возможно, сказания прежде толковали «мотив чудесного уадындза» старого Аца иначе. «Как видим,— продолжает Т. А. Гуриев,— мотив чудесной музыки в Нартиаде получает историческое объяснение».

Все так, и мы полностью согласны с тем, что образ чудесного инструмента в эпосе так или иначе связан с пленением Исмения. Но правомерно предположить, что скифы, которым понравилась флейта, должны были заимствовать и инструмент, и его название (греческое «сиринга, сюрингс»). Но название свирели в осетинском не имеет ничего общего с этим термином — она называется «уадындз». Зато у балкарцев и карачаевцев, которых Т. А. Гуриев, как и многие другие, потомками скифов не считает, название этого инструмента весьма созвучно греческому — «сирийна». Неужели аланы, якобы ираноязычные, опять передали его соседям-тюнкам и те сохранили его, а «прямые потомки алан», осетины, опять забыли, как и слово «маз». И как песню о скифском царе и его гибели. И как само слово «алан». И как многое другое (см. статью «Путями предков»). Ответов на эти вопросы, к сожалению, сторонники иранства скифов и алан не дают.

Считая фольклор явлением исторического порядка, а фольклористику исторической наукой, выдающийся учёный В. Я. Пропп писал об изменчивости фольклора, о переосмыслении произведений устного народного творчества. Это переосмысление состоит «в изменении старого соответственно новой жизни, новым представлениям, новым формам сознания».

Именно в результате такого процесса в древней песне о скифском царе появились крымский хан и его войско (вместо македонян и их полководца), а само действие перенесено на Кавказ, и вместо реки («балыкъ») появилась река Малка («Балыкъ»). Но историческая основа сохранилась, как мы можем убедиться, весьма полно, учитывая, что со времени битвы на Дунае до времени записи песни прошло 23 века.

1991

ВОЗРОЖДЕНИЕ КРАСОТЫ

С давних времен Кавказ именуют «горой языков». В особенности это выражение применимо к Северному Кавказу, региону, в котором с глубокой древности в условиях интенсивных контактов живут народы, относящиеся к разным языковым семьям и группам: кавказско-иберийской (абхазы, абазинцы, адыги, вайнахи, большая часть народов Дагестана), тюркской группе (карачаево-балкарцы, кумыки, ногайцы), иранской (осетины и таты). Еще «отец истории» Геродот писал: «И живут в том Кавказе народы многообразные». В результате вековых контактов этих «многообразных» народов, постоянного взаимовлияния, в их культуре и быту появилось много сходного. Общие черты — вот что бросается в глаза при первом знакомстве с ними. И гораздо труднее обнаружить черты своеобразия, присущие традиционной культуре каждого из горских народов. В полной мере это относится и к одной из важных и ярких частей духовного наследия наших предков — народной хореографии.

Долгое время на сценах Кабардино-Балкарии исполнялись только те танцы, которые присутствуют, с неболь-

шими вариациями, в хореографии почти всех народов Кавказа. Разумеется, ничего плохого в этом не было, более того, это необходимо. Беда только в том, что постепенно танцы стерлись до полной неузнаваемости, лишились «авторства». Нельзя было понять — какому же народу принадлежит тот или иной танец. Одним словом, сложился некий стереотипный хореографический шаблон, дополненный еще и совершенно одинаковыми костюмами. Дальше — больше: появились, и в невероятном количестве, нелепые сценические постановки, сочиненные ретивыми хореографами — опять-таки исполняемые на всех сценах Кавказа, — «У ручья», «Молодежный танец», «Танец чабанов» (а также кукурузоводов, доярок, косарей; для полного антуража не хватало только пляски знатных хлопкоробов).

Надо ли говорить, что все это не имело никакого отношения к подлинно народным танцам и пляскам, которые тем временем приходили в полное забвение. А ведь танцы, связанные с исторической жизнью, бытом, мифологическими воззрениями и обрядами, — самое ценное и своеобразное, древнее, исконное в народном искусстве. Остановить этот процесс, не дать погибнуть тому, что создавалось веками, — весьма сложная задача, особенно если учесть, как много времени было упущено.

К счастью, у нас были люди, которые понимали великую ценность народного искусства и в нелегких условиях почти полного пренебрежения к нему, делали все возможное для его спасения. Более тридцати лет жизни посвятил собирательской деятельности этнограф и хореограф Мухтар Чукаевич Кудаев. Разыскивал публикации дореволюционных ученых и путешественников — Н. Ф. Грабовского, В. М. Сысоева, И. С. Иванюкова, М. М. Ковалевского, И. С. Щукина, Г. Ф. Чурсина и других. Важно то, что все они записывали не только названия карачаево-балкарских танцев, но и давали краткое — к сожалению, часто слишком краткое — описание их характера, манеры исполнения и музыки. Анализировал М. Ч. Кудаев и работы современных ученых — всех, кто зафиксировал хотя бы несколько деталей, отметил приуроченность или обрядовую функцию того или иного танца.

Но самое главное это то, что М. Ч. Кудаев из года в год вел записи бесед со старожилками балкарских и карачаевских селений, отмечая все, что они могли поведать о народной хореографии. Яснее, чем кто-либо, он

понимал, какую огромную часть богатств своего духа потерял народ, переживший тринадцатилетний сталинский геноцид,— слишком мало осталось подлинных зна-токов. Но все, что было в его силах, этнограф сделал. Результатом этой работы, значение которой трудно пере-оценить, точнее, одним из результатов, явилось создание монографии «Карачаево-балкарские народные танцы» (1984 г.).

В этой книге даны описания 28 танцев и плясок с небольшими этнографическими комментариями. Конечно, данное число невелико, если мы сравним его с тем богатством, которым обладают, например, индийцы, армяне или испанцы (по несколько сот названий). Но разве от этого ценность наших танцев, общее число которых не достигает и ста, однако в которых воплощено народное понимание красоты свободного движения, радость движения, становится меньше? Ничуть, скорее наоборот.

Но танец только в том случае можно считать возрожденным, когда он воплощен на сцене, когда есть исполнители и есть публика, умеющая оценить произведение.

Опять-таки благодаря усилиям М. Ч. Кудаева и группы собранных им молодых энтузиастов был создан фольклорно-этнографический ансамбль танца «Балкария», руководить которым пригласили замечательного хореографа, народного артиста РСФСР, лауреата Государственной премии КБР Мутая Исмаиловича Ульбашева.

Несколько месяцев изнурительных — другого слова не подберу — репетиций на маленькой, тесной сцене санатория «Терек». Нет ни реквизита, ни костюмов. Но за короткий срок все же удалось поставить 12 танцев.

И вот — просмотр, который состоялся 23 апреля в в зале Музыкального театра в присутствии комиссии, созданной Министерством культуры КБССР. С первых же минут многочисленные зрители, почти заполнившие вместительный зал (хотя объявления о концерте не было), захвачены мощью и красотой древних мелодий, темпераментом и грацией исполнителей. Каждый танец сопровождается овациями. И это притом, что танцоры выступали в костюмах для репетиций.

Можно с полной уверенностью сказать, что равнодушных в тот вечер в зале не было: в нем царила радость от долгожданной встречи с ожившей красотой.

Танцы, включенные в программу, носили разнообразный характер: бурный «Тегерек тепсеу» («Круговой»),

плавный «Тюз тепсеу» (букв.: «по линии»), веселый, живой «Той тепсеу» («Свадебный») — постановка этого танца была хороша тем, что совместила раскованность поведения танцоров, позволяющую воссоздать атмосферу сельской свадьбы, с гармонией группового исполнения. Великолепной была песня-пляска ряженных «Озай», которая и открывала программу. В еще не столь отдаленные времена она исполнялась в дни весеннего равноденствия — в канун Нового года (по старинному карачаево-балкарскому календарю). Молодежь тогда обходила с песнями и плясками дома односельчан, которые обязаны были одаривать какой-нибудь снедью ряженных (обряд, аналогичный колядкам). Обряд и танец имели и другие названия — «Чертмен», «Шертмен», «Гюппе».

Большое место в программе было уделено древнейшим танцам балкарцев и карачаевцев, связанным с почитанием языческих богов. Это и стремительная, воинственная песня-пляска в честь бога молнии и покровителя воинов Элии, о котором в нартском эпосе говорится, что он благоволит танцующим; это танец в честь богини огня — Тыпана («Тепена»), исполнявшийся после постройки дома; «Чоппа» — пляска в честь бога-громовника, покровителя плодородия и защитника от темных сил.

Большое удовольствие зрителям доставил древний танец «Арсланбия» (от *арслан* — «лев, львиный» и архаического *бия* — «танец», «львиный танец»). Он имеет два варианта: парный, в котором юноша и девушка демонстрируют свою ловкость и грацию, и групповой, имитирующий обстановку боя, подобно воинственным танцам других народов. Ансамбль показал второй вариант. Танец не случайно называется именно так. В фольклорных текстах и в обыденной речи балкарцев и карачаевцев со львом сравнивают только человека, воина «без страха и упрека», смелого и высоконравственного.

Нет необходимости говорить о всей программе. Важно одно — судя по тому, что представил ансамбль «Балкария», коллектив был на верном пути. Во главу угла его руководители поставили эстетику движения, не перегружая танцы демонстрацией связанных с ними обрядов и в то же время сохраняя необходимый минимум театрализации. Нарушение этой меры, равновесия, требующего в каждом конкретном случае особого внимания, грозило бы художественными потерями.

Вполне закономерно, что после концерта комиссия, в составе которой были хореографы, этнографы, фольклористы, работники министерства культуры, единогласно проголосовала за присвоение коллективу статуса государственного.

Это было начало, и начало прекрасное. И все же, все же... С сожалением думалось, насколько зрительские впечатления были бы ярче, если бы молодые артисты, вложившие всю душу в эти танцы, были одеты в приличествующие костюмы; если бы ансамбль хоть чуточку богаче был оснащен музыкальными инструментами и самое главное — если бы имел сносное помещение для репетиций.

Но ничего этого не было. А были изнурительные репетиции на маленькой пыльной сцене санатория «Терек», была ежедневная работа, поиск средств для пошива костюмов, хождения по инстанциям. Но ансамбль не сдался. С большим успехом прошли концерты во всех балкарских населенных пунктах.

В течение четырех дней, с 17-го по 21 сентября 1990 года, в столице Абхазии городе Сухуми состоялся Первый фестиваль горских народов, у которых бытует нартский эпос. Фестиваль так и назывался — «Нартаа» («Нарты»). В рамках фестиваля предусматривалось проведение конкурса профессиональных ансамблей народного танца. В конкурсе участвовали известные, популярные коллективы — «Эльбрус» из Карачаево-Черкесии, «Симд» из Южной Осетии, прославленный «Алан» из Северной Осетии, «Шаратын» (Абхазия), «Башлам» из Чечено-Ингушетии. Нашу республику представлял молодой коллектив «Балкария». Это было его второе выступление за пределами Кабардино-Балкарии.

По условиям фестиваля, съехавшиеся коллективы дали по одному концерту в селах и городах Абхазии. «Балкария» выступала в Пицунде. Огромный зал Большого Дворца культуры, вмещающий 1200 зрителей, был переполнен. Каждый танец встречали и провожали овациями. После концерта городской совет Пицунды предложил ансамблю провести месячные гастроли по республике, в любое приемлемое для ансамбля время, а также поставить три карачаево-балкарских танца для включения в репертуар ансамбля «Афартын».

С разным настроением ехали на конкурс артисты ансамбля — предстояла конкуренция с известными коллективами, имеющими большие традиции, прошедшими

долгий творческий путь. А у «Балкарии» за плечами лишь год репетиций, три месяца выступлений и ни одного участия в каком-либо конкурсе. Но после концерта в Пицунде появилась уверенность, тем более, что художественный руководитель ансамбля «Шаратын» Эдуард Бэбия, просмотрев на репетиции фрагмент пляски «Чоппа», предрек «Балкарии» большой успех.

И вот — заключительный день фестиваля и конкурс коллективов народного танца на стадионе «Абхазия». В составе жюри — руководители ансамблей, хореографы, ученые — всего более 20 человек. Председатель жюри — Эдуард Бэбия.

Концерт начался с выступления замечательного ансамбля абхазских долгожителей. Вне конкурса выступили два ансамбля — «Афартын» и «Башлам». Из шести профессиональных коллективов, принявших участие в конкурсе, первой выступала «Балкария». Она привезла 5 танцев.

«Озай» — праздничный новогодний, которым открылась конкурсная программа «Балкарии». Многотысячная аудитория в продолжение всего танца стоя приветствовала артистов. «Къарашауай» — инсценировка эпизода из нартского эпоса. «Голлу» — замечательный танец в честь умирающего и воскресающего бога Голлу; яркая, мощная мелодия привела в восторг весь стадион. «Дебет» — пляска, посвященная богу кузнечного дела, прародителю богатырей-нартвов. «Алтын Хардар» — пляска в честь бога изобилия Золотого Хардара.

Регламент конкурсных выступлений был жестким — 25 минут. Однако по настоянию зрителей выступление «Балкарии» длилось вдвое больше, прерываясь овациями и дружными возгласами «Браво, «Балкария»!»

Сразу после концерта был проведен конкурс красоты. Каждый ансамбль был представлен тремя девушками. Из 18 участниц в финал вышли только солистка ансамбля «Алан» и солистка «Балкарии» Марина Токумаева. Победительницей стала представительница Северной Осетии. Диплом лауреата и Хрустальную вазу — приз за лучшее исполнение женской партии — получила Лейля Караева. Еще один диплом лауреата и Фарфоровую вазу — приз за фольклорную направленность репертуара — получил балетмейстер-этнограф «Балкарии» Мухтар Кудаев.

Эдуард Бэбия оглашает решение жюри:

— Главный приз Первого фестиваля горских наро-

дов — «Золотой шлем» — единогласно присуждается ансамблю «Балкария».

Зрители встретили решение жюри бурными овациями, проявив всю меру абхазского темперамента. Не это ли было одной из главных наград трудолюбию и мастерству молодого коллектива?

После возвращения ансамбля в Нальчик я задал несколько вопросов Мухтару Кудаеву:

— Итак, три из четырех главных призов фестиваля — у вашего ансамбля. Конечно, это радостное событие в культурной жизни нашего народа. Первое участие в конкурсе — и победа, притом в конкурентной борьбе с известными, сильными коллективами. Какой из них вам понравился больше?

— Конечно же, «Шаратын» из Сухуми! Это коллектив, который идет своим путем, никого не копируя и никому не подражая. Абхазские танцы в их исполнении не спутаешь ни с какими другими. Самобытный, замечательный коллектив. Блестяще, на мой взгляд, выступил «Алан», продемонстрировав великолепную технику исполнения, изящество и отменный вкус. Это не осталось неотмеченным и зрителями.

— Что дало вам участие в конкурсе?

— Полезно было, что мы смогли сравнить сделанное нами с достижениями других. Было чему поучиться. Это, во-первых. Во-вторых, мы еще раз убедились, что избрали верный путь. И не случайно, надеюсь, Эдуард Бэбия, выражая мнение жюри, говорил в своем выступлении, что и другим ансамблям следует присмотреться к опыту «Балкарии». Это очень лестная оценка. Мы и дальше, в меру своих сил и способностей, будем продолжать работу над возрождением древних танцев балкарцев и карачаевцев. Мы уверены, что замечательное искусство нашего народа будет жить, и полны желания донести до зрителя красоту этого искусства.

Дальнейшее показало, что Мухтар Кудаев не преувеличивал и не ошибался. В течение следующего года с большим успехом прошли гастроли ансамбля в Северной Осетии, Чечено-Ингушетии, Дагестане. Всего за три года — очень короткий срок — в затруднительных обстоятельствах, в тесноте, неурядицах были поставлены 25 танцев, большинство из них впервые. Особо хотелось бы выделить постановку пляски «Къабышханла» — «Пляски бесовок» — в исполнении девушек. Пожалуй, именно здесь ансамбль наиболее приблизился к магии

фольклора. Отточенный ритм, завораживающая, колдовская музыка, замечательные костюмы, грация и мастерство исполнительниц — все это оказывает на зрителей огромное воздействие.

И снова фестиваль. На сей раз в Турции, на первом фестивале тюркоязычных народов собрались многочисленные коллективы со всего света. И снова ошеломляющий успех, превзошедший все ожидания. Древнее самобытное искусство карачаево-балкарцев покорило турецкую публику. Концерты в Анкаре и Конии, двухчасовое выступление по турецкому телевидению, встречи с земляками — потомками балкарцев и карачаевцев, эмигрировавших в Турцию после Кавказской войны, их радость и слезы...

Достигнутый ансамблем успех, в первую очередь, как мы уже говорили, связан с тем, что «Балкария» отказалась от шаблонов, сделав ставку на максимально точное сценическое воплощение и воспроизведение именно специфических черт народного искусства, его национальную окраску. Это во многом удалось коллективу. И в то же время есть и тревожные симптомы. Неудачны и искусственны некоторые инсценировки. Может быть, они и нужны. Но инсценировки требуют чрезвычайно тщательной разработки, иначе это грозит откатом к уровню «Танцев у ручья», «Танцев молодых чабанов» и т. п.

Долгое мелькание на сценах Кавказа псевдокавказских, лишенных черт национального своеобразия танцев, несомненно, привело к упадку вкуса зрителей, многие из которых считают искусством чуть ли не цирковую акробатику — прыжки, кульбиты, сопровождаемые иступленными воплями. Пойти на поводу у этой части публики — означало бы нанести непоправимый урон репутации ансамбля, а она, как известно, складывается очень трудно и долго. А самое главное, это был бы урон для того главного дела, которым призван заниматься ансамбль, — для возрождения древнего хореографического искусства балкарцев и карачаевцев. Будем надеяться, что досадные упущения и эпизодические откаты к избитым шаблонам носят все же случайный характер, что это трудности роста. Те возможности, которые имеются у ансамбля, и большая часть двух новых программ, подготовленных им, дают основания для оптимизма.

ПРЕОДОЛЕНИЕ ТРАГЕДИИ

(Заметки о лирике Кязима Мечиева.)

Мы ставили перед собой одну конкретную задачу — проследить развитие в лирике Кязима только одного, но весьма важного мотива. Он так часто возникал в его стихах, и исследование его имеет такое большое значение для понимания поэзии, мировоззрения и самой личности великого поэта Балкарии, что, не рассчитывая исчерпать тему в рамках одной статьи, мы ограничиваемся ее предварительным анализом.

* * *

В пореформенный период Балкарию, как и весь Северный Кавказ, медленно, но неуклонно втягивало в орбиту капиталистических отношений. Кое-где в горах строились небольшие заводы по переработке продуктов животноводства, предпринимались изыскания и разработки полезных ископаемых. Традиционные занятия балкарцев — скотоводство и земледелие, выработка сукна и войло-

ка — приспособлялись к требованиям рынка. Так же медленно, но верно капитализм разрушал вековые устои жизни небольшого горского народа. Патриархальной замкнутости уже не было, но не оформился и новый уклад. В этих условиях прошлое, при всех его отрицательных сторонах (рутинное течение жизни, отсутствие простора для личной инициативы и развития личности и т. д.), должно было представляться многим как мир, в котором все определено, прочно, в котором освященные временем традиции давали человеку точные ориентиры:

«Тёреде, суурала кибик,
Жюрюген заманлада
Намыс, бет, мархумлукъ да
Кёп эди адамлада.

Энди уа не болдула
Ахшы адетле, къалмай?
Берекет жокъду жерде
Бизге Аллах чамланганлай».

«Когда обычаи чтились,
Словно суры (Корана),
Чести, совести и сострадания
Было много в людях.

Куда же исчезли теперь
Все добрые обычаи?
Благодати нет на земле,
Словно нас постиг гнев Аллаха».

Стихотворением, из которого мы привели эти строки, начинается долгий путь размышлений Кязима о причинах зла, о том, что заставляет людей быть бесчеловечными. Этих причин поэт будет доискиваться всю жизнь, размышления об этом так или иначе отзываются почти в каждом его произведении. Это вызывалось не личными причинами: Кязим пользовался величайшим авторитетом в народе и как поэт, и как искусный кузнец, и как религиозный проповедник, носящий звание хаджи; семейная жизнь его также складывалась вполне благополучно. Это диктовалось отзывчивостью поэта на несчастья и беды каждого ближнего и всего народа, бьющегося в тенетах всевластного зла, разъединяющего и насилующего, диктовалось несовместимостью идеала,

живущего в душе поэта, с тем, что он наблюдал в окружающей жизни. Гениальный поэт и глубокий мыслитель, прекрасно понимавший меру своего дара и влияния на людей, Қязим, как об этом можно судить по его стихам, никогда не мыслил себя вне народа, посторонним. Именно потому, что слиянность его личной судьбы с судьбой народа была нерасторжима, у него так мало стихов, написанных по частным поводам собственной жизни, замкнутых на них; от частного Қязим всегда переходит к общему, к тому, что касается всех. Творчество Қязима — это не что иное, как высшая концентрация раздумий балкарского народа о времени и о себе.

В начале пути поэт только ставит вопросы, в стихах звучат горечь и скорбь за беспросветность жизни сородичей:

«Бедняк, пасущий скот и сам превратившийся
в скотину,
Томится по светлой жизни».

Но эту светлую жизнь бедняк видит только во сне, быстро сменяющемся постылой явью. Поэт рассчитывает на исправление зла проповедью, призывает помнить о смерти и посмертном воздаянии, бренности земной жизни, о бесполезности богатства и бессмысленности насилия («Брат мой, послушай меня...»). Но в этом же стихотворении звучит и сомнение в том, что словом можно что-то исправить, ибо сердца людей «тверды и толсты», а сами они об этом и не ведают. Остается уповать на милость Бога, прощающего грехи.

Будучи на протяжении всей своей долгой жизни глубоко и искренне верующим человеком, Қязим не мог не прийти к тому, к чему приходили тем или иным путем все искренне верующие, незаурядно мыслящие и чувствующие люди: к вопрошанию Бога, предстоянию перед ним — пред тем, кого они считали первопричиной, творцом и владыкой мира. Это вопрошание столь же древне, как и сам поиск корней и причин существования зла. Религиозное сознание обречено своей логикой на мысль об ответственности Бога за все происходящее в мире, ибо все совершается по его воле. Не в силах отринуть мысль о надмирном владыке и в то же время совместить с верой в благость Бога присутствие зла в управляемом им мире, такое сознание вынуждено метаться от смирения перед всемогуществом Творца и мыслью о неиспо-

ведимости его путей к вопрошанию без надежды на ответ, а от вопрошания — к бунту против Бога, точнее, против его невмешательства в земные дела или его «попустительства» злу. Иначе верующий оказывался перед представлением о мире как о цепи случайностей, хаосе событий и явлений, что совершенно непереносимо для человеческого сознания (вспомним знаменитый вопрос одного из героев Ф. М. Достоевского: «Если Бога нет, то какой же я тогда штабс-капитан?»).

С величайшей художественной силой смятенность такого сознания была выражена еще в библейской «Книге Иова»:

«Взываю, а Ты не отвечаешь мне;
Стою, а Ты не глядишь на меня!
Палачом сделался Ты для меня
И бьешь меня тяжелой рукой;
Взвевял, на ветер пустил меня,
И в вихре развеяться обрек».

(Пер. С. Аверинцева).

Обращение Кязима к Богу начинается с обвинения Творца в несправедливости:

«Богачу ты дал много богатства,
Бедняка обрек на нужду.
Это ли твоя справедливость, Аллах,
И то, что судил ты нам, несчастным?»

Это не случайно. Надвигалась первая русская революция, дыхание грозных событий наполняет гневом строки его стихов:

«Недолго длиться этим насилиям,
Лопнут пауки-кровососы,
Рухнут царские дворцы,
И окрепнут усталые ноги».

Бунтарская позиция поэта определялась не только и не столько логикой философского рефлексирования и скорби о несовершенстве мира, но, в первую очередь, болью и тревогой за судьбу народа. Для Кязима немислимо удовлетвориться собственным благополучием, еще менее — стать разочарованным скептиком или найти

успокоение в лоне мусульманской ортодоксии и фатализма. Символом веры поэта можно считать восьмистишие, в котором он изложил свое понимание того, что позволяет человеку называться человеком, того, что требует от него Бог:

«Если в хадж ты отправился, средства скопив,
И если, вернувшись, стал ты святым,
И если даже, о молитвенный коврик ударяя лбом,
Слился душой с Аллахом,—

Но не будешь помогать работе мельниц жизни,
Не будешь жить с людьми по-братски,—
Все напрасно, зачтется тебе мало,
И в книгу твоей судьбы благословение не
запишется».

Активная позиция поэта, его надежда на возможность сделать жизнь справедливой, основанной на гуманных отношениях между людьми, приятие революции, неизбежность и нарастание мощи которой он видел, умеряются сомнениями в правомерности и возможности что-либо изменить силой. Поэта страшит кровопролитие, хотя он и не теряет надежды, что после революции придет обновление:

«Революция будет бурной,
Все смешает она,
Согнет, свалит, сломает
Тех, кто станет спрашивать: «Что это?»

Революция, в представлении поэта, сродни явлениям стихийным: буре, половодью, урагану, противостоять им человеку не под силу. Но без нее «не обновится прогнившее здание»:

«Война запряжет свою колесницу,
Народ пресытится пролитием крови,
Настанут голод и горе,
Исчезнут честь и достаток.

Будут осуждать мои сомнения,
Горьким покажется слово мое,
О долгом веке для людей я молил,
Что делать мне — прольется кровь».

Говоря о себе, что он «войне не товарищ» и всегда будет осуждать насилие, Кязим добавляет:

«Что делать мне, Аллах рассудит (всех),
Кто хочет свободы — выстоит».

В стихах, написанных после 1905 года, вновь возникает мотив вопрошания, обращения к «молчащим небесам». Характерно начало одного из них, прямо обвиняющее Бога в несправедливости («И Аллах на стороне насильников...»).

Но надежда никогда не покидала поэта. Она могла быть расплывчатой, слабой, Кязим не знал, откуда ждать помощи, но она есть, пусть хотя бы как упование («Имя нам — Человек...»). В обращениях к Богу звучит иногда не гневное обвинение, а горестный укор и даже ирония:

«Аллах, ты видишь, мы все стерпели,
Все стерпели, но где же правда?»

Или у тебя не хватает сил, чтобы утвердить ее,
И ты судил нам одно только горе?»

Крушение надежд на скорое, пусть и мучительно трудное, пришествие другой, светлой жизни отзывалось в поэзии Кязима невыносимой болью и тоской. Спасала поэта обретенная долгим трудом глубокая вера в правильность своего пути, в нужность своего дела. С огромной силой эта вера выразилась в стихотворении, написанном в 1910 году, — «Душа моя — птица...»:

«Бог услышит слово мое,
Решит участь мою,—
И, сказав, что это одна из несчастных душ,
Простит мои прегрешения.

И тогда труд мой, в свет обратясь,
Проникнет в мою тесную могилу,
Если я сказал когда-то доброе слово,
Оно поможет моей душе».

Развеиваются в прах смутные (если они и были) надежды Кязима, что где-то далеко, на благословенной родине пророка существует иная, справедливая жизнь.

Паломничества в Мекку, странствия по дорогам Востока, несомненно, расширяли его кругозор, давали новую пищу размышлениям, но и приводили к разочарованию и к новым вопросам, остающимся без ответа:

«Землю арабов исходив, обозрел я ее,
Дивился, глядя на гору Тур (Синай):
— Как прекрасна земля повсюду,— сказал я,—
Аллах, ты все это создал ради человека.

Почему же тогда он так несчастен?
Глаза его слепы, душа стеснена — почему?
Родившись, живя, обездолен он так — почему?
Бездомными, обездоленными забиты все дороги».

Убеждение в том, что мир полностью находится во власти зла, с трагической силой отразилось в стихотворении, также написанном во время одного из паломничеств в Мекку, — «Завещание, сказанное Локману-хаджи в Арабстане»:

«Свободы нет нигде, путь ей
Прегражден. Теперь мы ясно поняли это.
Правда предана, Локман, повсюду,
В мольбе и поклонении проку нет».

И Кязим просит своего товарища передать землякам, многим из которых Аравия представлялась землей обетованной, что их упования тщетны. Тяжелобольной поэт и в часы, которые казались ему предсмертными, думает не о себе, а о своем народе, родной земле, называя ее «райской обителью». Призывая не обманываться рассказными о блаженной родине ислама, он говорит:

«Скажи, что солнце и там восходит и заходит,
Скажи, что богач и там возлежит на тахте, в шелках,
Для бедняка же и утро — не утро,
Плачем и стенаниями начинается оно для него».

Проповедническая струя также не исчезает из творчества Кязима в этот период («Мы братья по вере...»). Но периоды этих иллюзорных надежд на силу призывов к людям осознать свое братство кратковременны, апелляция к религиозным чувствам уступает место отчаянию, смешанному с горестным удивлением перед всемогущей-

ством Бога и его долготерпением. Эти мысли, надо полагать, были для Кязима тем нестерпимей, больней, что его представление о Творце поразительно человечно (стихотворение «Аллах, велящий беглецу — беги, спасайся...»). Бог — с преследователем и беглецом, вблизи и вдали, его образ — свет солнца в ночи, он безучастно взирает на эту бедную землю, но он же выстаивает с Кязимом молитвы, глядит ему в глаза; невидимый, он радуется, когда Кязим доит корову.

Поэт хотел найти корни несчастий не только своего народа — ему нужно понять смысл присутствия зла в мире, чтобы увидеть то, что реально могло бы противостоять ему, пути преодоления зла. Мир для поэта един, едины страдания и радости людей. Снова и снова пытается он найти разрешение мучительных вопросов, сбиваясь на уже пройденные пути, разочаровывается и снова возвращается:

«Приносил я жертвы, совершал хадж,
Молил Аллаха...

Но нет мне в уплату счастья,
Не смог я быть подмогой народу».

Ответы на терзающие его вопросы Кязиму нужны здесь, на этой земле. Для него нет смысла в том, чтобы получить их в загробном мире, ибо «он не может рассказать о них, вернувшись оттуда» («В Мекке я слышал проповедь...»).

Мотив трагического несоответствия реального мира идеалу, живущему в душе поэта, и представления о Боге с его «бездействием» достигает особой силы в стихах, написанных в годы первой мировой войны. Одно из них начинается словами: «Горе осталось на земле со времени первотворения...» Зло вечно, оно укоренилось глубоко. Кязим впадает в прямую ересь, утверждая:

«Будем терпеть, жизнь — правда, душа — ложь,
Ноша жизни — вот (все), что суждено человеку».

«Никто не сможет уподобиться Железному Дереву (одно из названий мирового древа в карачаево-балкарской мифологии), — говорит поэт в этом стихотворении. — Все искупается только честным трудом. Будем же терпеливо служить этому миру».

Мировая война нашла свой отклик в творчестве Кязима. Неслыханное бедствие, скорбь по убитым в неправой войне заставляют его обвинить Бога уже не в поворстве насильникам, не в долготерпении и слепоте к несчастьям людей, а в том, что Бог сам чинит насилия, не замечая их при этом; Бог, который повелел своим рабам «быть подобными смеси масла и меда» в отношениях друг с другом:

«Правдивым будь, повелел Аллах,
Каждому человеку, своему рабу,
Отчего же тогда обрушилась беда
На все человечество (досл.: на всех сынов Адама)?

Мы уподобляемся Богу,
Читая его послание,
Почему же тогда мы живем,
Словно волки с собаками?»

Временами поэта покидает даже вера в нужность того дела, которому он посвятил всю жизнь,— поэзии, «слову правды», как он сам называет ее. Слово бессильно в столкновении с каменной несокрушимостью застывшего бытия:

«Моя каменная кузница — не твердыня правды,
Мое слово и сегодня — стрела, ударяющаяся о скалу».

И далее:

«Мы идем, а реки, из которых мы пьем, сякнут,
Идем, стыдясь лечь и умереть».

Очень важно отметить, что зло, против которого всем своим существом восстает Кязим,— не абстрактное зло, оно социально. Он видит его конкретных носителей — господ, богатеев, князей, он может винить забитость и невежество угнетенных, может обвинять в засилье зла самого Бога, но ни в одном своем произведении не говорит, что человек обречен творить зло. Бесстрашно, а потому и зорко вглядываясь в жизнь, он видит «несовершенство» человека, но никогда в нем не сомневается: он ищет не пути исправления, переделывания людей, а то, что могло бы сделать их, «несовершенных», свободными.

Показательно его отношение к людям. Обвиняя господствующее сословие во многих бедах — угнетении сородичей, кичливости, жестокости, Кязим тем не менее воздаст должное достойным людям и из этой среды. В замечательном стихотворении «Безенгийское кладбище», обращаясь к погребенным, которых он знал, вспоминая о них, поэт говорит, например:

«А, Шакманов Тарюк, мой уважаемый князь...
Хоть и князем ты был, но познал жизнь сполна.
Добра своего и уважения (к людям) не жалел,
Был щитом для своего родного селения».

И совсем иначе, нарушая правило не говорить плохо о мертвых, Кязим обращается к праху другого князя, всю жизнь творившего зло, «сдиравшего кожу со спин бедняков», чьи батраки жили впроголодь:

«Ты ли здесь, Шакманов Аслангерий?
Узко ли, тесно ли твое ложе?
Ай, несчастный, горят, наверное, твои кости,
Когда вспоминаешь о том, что здесь творил».

Принимая революцию и понимая ее задачи и цели, послав сына сражаться в рядах красных партизан, Кязим, однако, был далек от того, чтобы представлять себе будущее в радужных красках. За плечами 58-летнего поэта — наполненная неустанным трудом, исканиями и размышлениями жизнь, огромный опыт. И примечательно, что среди многих лозунгов периода революции, предназначенных к воплощению в жизнь, один из них вызвал сомнения великого старца: установление равенства. Кязим видел, что слишком часто этот лозунг понимают не как требование равных возможностей для всех, а как уравниловку. Такой примитивный подход к многообразию человеческих характеров и способностей, когда, по его выражению, «один горбат, другой зобат, один крив, другой хром», был чреват, что Кязим ясно понимал, обезличиванием людей, их нивелированием, что породит еще большую несправедливость:

«Равенство, которого добиваются большевики, —
Посильное ли это дело?
Для кого-то — равенство, для кого-то — ущемление,
Кто это рассудит сполна?»

Будущее показало всю правомерность таких опасений, высказанных в ту эпоху многими и многими мыслителями: вспомним хотя бы период культа личности Сталина в нашей стране, маоистские эксперименты в Китае или режим Пол Пота в Кампучии.

В послереволюционном творчестве поэта тема вопрошания и предстояния перед Богом не прослеживается. Видимо, причина в том, что большая часть из написанного пока не обнаружена. Не исключено, что эти стихи (периода 20—30-х годов) утрачены безвозвратно. Но нет оснований полагать, что его творческая активность снизилась в эту пору: ведь сохранились же некоторые стихи, написанные им незадолго до смерти, в Казахстане.

Возможно, впрочем, что в этом повинны не в меру усердные редакторы, убиравшие все, что, по их мнению, нарушало «идеологическую чистоту» в его единственной книге «Мени сёзюм» («Мое слово»), вышедшей при жизни поэта после революции, в 1939 году. Ее выход Кязим отметил уничтожающей авторецензией, не признав книгу своей. В стихотворении звучит гнев против того, кто «покрыл позором» старого поэта, «раздел его и напялил на него лохмотья, не спросив, согласен ли» Кязим считать своими написанные безграмотным «половинным» языком вирши:

«Кто потрудился над этим?
Поморозили мои травы!
Жил я вместе с народом —
Сделали меня похожим на пустослова».

Можно ли думать, что Кязим преодолел трагическую для него разорванность идеала и реальности, нашел разрешение вопросов, поставленных перед ним судьбой? Утвердительный ответ, на наш взгляд, будет единственно правильным, хотя мы и не можем сказать, когда состоялось это преодоление. Силу для этого преодоления дало ему то, что всегда жило в нем, как убеждение, то, что всегда то мощно, то приглушенно звучало в его поэзии: необходимость служения людям, слияния частной, единичной судьбы с судьбой народа — источником духовной силы, всем своим существованием утверждающим вечность и красоту жизни, любовь к ней.

Именно поэтому Кязим и в изгнании остался духовным лидером своего народа. Как мог, он утешал людей, веря в грядущее торжество справедливости («Мой бед-

ный народ...»), призывал к мужеству и стойкости («Будем сегодня тверды...»). Едва ли человек, душу которого гнетет мысль о всевластии зла, сломленный им, смог бы написать в годы тяжелейших испытаний, голода и смертей, на чужбине, стихи, подобные его «Благословию» и «Завещанию». Благословляя дорогих ему людей, народ, юношей и старцев, поэт благословляет совершенство жизни, в которой всему есть место, в которой только труд и борьба делают явной суть каждого человека. Глубокая вера в то, что годы прожиты не напрасно, что его труд был нужен людям и долго еще будет нужен, звучит в его стихах, написанных в самый мрачный для него и для всего балкарского народа год, накануне смерти:

«Я не останусь, останется имя мое,
И слово, и дело мое будут прославлены,
И распознается, в чем я был прав и не прав...»

При исследовании одного, отдельно взятого, мотива в творчестве того или иного поэта всегда возникает опасность вызвать у читателя впечатление, что именно этот мотив и является у этого поэта главным. Рассмотренная нами тема, как уже отмечалось, важна и интересна, но назвать ее главной в творчестве Кязима все же нельзя. Диапазон его тем велик, в нем нашло свое место все, что составляет содержание человеческой судьбы, ее свет и ее тени. Главное в поэзии Кязима — любовь к жизни, ко всему живому, сострадание, чувство сопричастности ко всему, что происходит в мире:

«Если мои добрые дела
Помогут моей душе,
И двери рая
Отворятся предо мной —

Словно и оттуда
Буду видеть раны этой земли,—
Горит мое сердце так,
Словно там я умру еще раз».

Согласно героическому эпосу балкарцев и карачаевцев, прародителем народа богатырей-нартов является бог кузнечного дела Дебет Златоликий, олицетворение Солнца. С песен о нем начинается устное творчество народа,

народная литература. Есть высокий символический смысл в том совпадении, что и начало письменной балкарской литературы связано с именем кузнеца, поэта, мыслителя Кязима, как и в том, что возвращение и изучение фольклора и творчества Кязима происходит одновременно.

По бытующей в народе легенде, в ночь, когда над казахским аулом, куда Кязим попал во время переселения, разразилась снежная буря, старый поэт вышел из дому и исчез. Сколько его ни искали, найти не смогли. Певец жизни, повинувшись зову стихии, сам, без принуждения, пошел на ее голос и слился с ней. Такова легенда.

Судьба творческого наследия Кязима уникальна: почти целиком уйдя в народ, оно хранилось в его памяти, в потрепанных тетрадках, которые оберегались как святыни. И сейчас для балкарской литературы, быть может, нет более насущной задачи, чем глубокое творческое постижение этих двух, пусть и неравноценных (ибо ни у одного народа нет и не может быть большего богатства, чем его фольклор), художественных миров — поэзии народной и поэзии Кязима, как явлений нравственных.

1990

ЁРЮЗМЕК И САТАНАЙ-БИЙЧЕ

Исследование выдающегося памятника мировой литературы — карачаево-балкарского эпоса «Нартла» («Нарты») только начинается. Полагая, что до появления фундаментальных научных трудов, посвященных этой теме, читатели должны иметь представление хотя бы об основных сюжетах и героях эпоса, хотим предложить их вниманию некоторые выводы и истолкования.

В первую очередь это сказание о борьбе предводителя нартов Ёрюзмека с небожителем Кызыл-Фуком (в дореволюционных публикациях — Пук). Оно относится к числу самых популярных: записано более десятка вариантов.

Вкратце содержание сказания таково. Однажды, еще подростком, Ёрюзбек увидел, что жители нартских селений несут куда-то съестные припасы. На вопрос, кому все это предназначено, нарты отвечают, что несут дань своему князю («бию») Фуку. Оставив игры, мальчик начинает думать о том, как прекратить уплату позорной для богатырского племени дани. Вскоре Фук наведывается и к самому Ёрюзмеку, когда тот пас овец, и, силой отняв у него несколько баранов, уезжает.

Когда Ёрюзмек вырос, то первым делом запретил уплату дани и стал искать встречи с Пуком, но тот струсил и улетел на небо, где у него был стеклянный дворец. В одной записи, принадлежащей перу С. Урусбиева, причина зависимости нартов от Пука объясняется так: «Так как Пук был бог, то он, разгневавшись на нартов, задержал дожди; произошла засуха, хлеба перестали цвести, деревья стояли без листьев, животные не плодились, женщины не рожали». Нарты начинают роптать на Ёрюзмека. Тогда, по совету мудрой Сатанай, Ёрюзмек влезает в жерло старинной пушки и после выстрела взлетает на небо, находит Фука, отрубает ему голову, и на земле вновь наступает благоденствие. Разумеется, пушка в древнем эпосе появилась поздно, в других вариантах Ёрюзмек взлетает в небо на орлиных крыльях.

Итак, Фук — небожитель, бог. В самой ранней по времени публикации этого сказания, принадлежащей П. Острякову, им оставлено примечание к имени Пук: «Черное божество, Черномор в «Руслане». И тут возникает сразу несколько вопросов: почему Фука убивает именно молодой Ёрюзмек, причем без особого труда? Почему другие нарты, ничем не уступая Ёрюзмеку, тем не менее платили ему дань? Что за божество Кызыл-Фук? (Следует сказать, что его именование «князь нартов» — неправильный перевод словосочетания «нартла бийи» — бог нартов, господин нартов; как выяснено учеными, тюркские слова «бий, бай, бийче» означали в древности «бог, богиня» и только позже получили и другие значения).

Обратимся к сказаниям о рождении Ёрюзмека. Согласно одному из них, бог-кузнец, прародитель нартского племени Золотой Дебет в поисках руды однажды заночевал в пещере. Неожиданно все небо осветилось вспышкой света, и яркая комета, сотрясая горы, упала на землю. Дебет отправился туда и увидел, что комета лежит в яме, образовавшейся от удара, развалившись на две части. Там же лежал мальчик и сосал молоко волчицы, крепко обхватив ее шею. Вокруг, взирая на эту картину, стояли звери и птицы. Старый орел сказал Дебету, что младенец выпал из расколовшейся кометы, волчица же подошла, чтобы съесть его, но младенец одолел зверя. Дебет забрал мальчика, чтобы усыновить его, но по пути остановился у нартских пастухов и, по их просьбе, оставил ребенка им.

В другом, более кратком варианте Ёрюзмека также находит Дебет в тот момент, когда мальчик сосет вымя волчицы.

Следовательно, эпос приписывает Ёрюзмеку небесное происхождение. Приведем ряд деталей, подтверждающих неслучайность этого мотива. Меч Ёрюзмека был выкован Дебетом из осколков той же кометы, в которой слетел с неба сам нарт; мечи других богатырей он кует из обычного железа, примешивая к ней только часть небесного металла. Ёрюзбек вскормлен волчицей, т. е. тотемным, почитаемым животным, и именно о нем повествуется, что он ходил в волчьей шубе. Вступив однажды в пляску с бесовками, принявшими облик людей, он не снимает ее, как того требуют бесы. При прикосновении шубы бесы взвизгивают. «Известно,— пишет А. З. Холаев,— что в недалеком прошлом у балкарцев и карачаевцев бытовало поверье, будто волки уничтожают детей у чертей». И здесь связь образа Ёрюзмека со сферой священного совершенно очевидна.

Приведем отрывок из сказания о том, как нарты покинули землю; часть их ушла в нижний мир, другая взлетела на крылатых конях на небо:

Кёк анасын кёкде тапханды Ёрюзбек,
Хапар сурай олтургъанды бир кесек,
Кёк анасы аны кьонакъ этип алгъанды,
Жел эмчегин аны аузуна салгъанды.
Андан сора Ёрюзбек
Кёк Тейрини анасына улан болгъанды.

Перевод:

Свою небесную мать нашел на небесах Ёрюзбек,
В расспросах он просидел некоторое время,
Мать Неба (или «его небесная мать») приняла его, как
гостя,

Свой воздушный сосок в рот ему вложила,
И после этого Ёрюзбек
Стал матери Небесного Бога сыном.

В этом небольшом отрывке много несоответствий. С одной стороны, неясно, находит ли Ёрюзбек на небесах свою, его породившую мать, или женское божество — Мать Неба (Кёк анасы), или мать верховного бога Тейри. С другой — он ее расспрашивает, она его усынов-

ляет, к тому же оказывается, что усыновляет его мать бога — Тейри. В довершение всего сказание описывает Ёрюзмека (далее) как божество — божество, обладающее неслыханной, космической мощью:

Ол кесини атлы жыйыны бла кёкде бюгюн да
жашайды,
Кёкню, жерни душманладан сакълайды.
Кёк кюкюреген — аны кычыргъаны,
Туманла — аууз тылпыуу,
Терлегени жауун болуп жауады,
От аркъанын душманлагъа атса, элия болады,
Ол ычхынып, жерге да тиеди,
Сырпынын суууруп, жауларын сермесе,
Ол заманда да кёк жашнагъан этеди.

Перевод:

Он со своей конной дружиной и сейчас живет на небе,
Охраняет небо и землю от врагов.

Гром — это его крик,

Туманы — дыхание его уст,

Пот его проливается дождем,

Когда он набрасывает свой огненный аркан на врагов,
сверкает молния,

Иногда, сорвавшись, он (аркан) ударяет и по земле,

Когда он (Ёрюзбек), выхватив меч, рубит врагов,

Тогда тоже сверкает молния.

Увеличивая список несоответствий, укажем еще на одно: нарты в карачаево-балкарском эпосе — сыновья и потомки бога-кузнеца Дебета Златоликого, а предводительствует ими Ёрюзбек, сыном или потомком Дебета не являющийся, усыновленный пастухами, да и сам в детстве пасший овец (до победы над Фуком и женитьбы на Сатанай-бийче).

Объяснить все эти несуразности можно, только если допустить, что Ёрюзбек — второе имя верховного бога Тейри, а весь цикл сказаний об Ёрюзбеке не что иное, как «земная биография» Тейри, который воплотился на земле в образе человека и возглавил нартов в их борьбе с разными чудовищами.

Нетрудно заметить, что в приведенном выше отрывке Ёрюзбек наделен именно таким могуществом, которым в карачаево-балкарской мифологии обладает только Тей-

ри. Нартский эпос, отделяясь от мифологии, определил и раздвоение некогда единого образа — Тейри остался богом, Ёрюзек стал вождем народа великих воинов-нартов.

Но эпос все-таки сохранил следы прежнего единства этих двух образов. Возвращение Ёрюзема на небеса и его усыновление Матерью Неба — это только возвращение Тейри в тот мир, откуда он сошел на землю.

В таком случае становится понятным и то, почему небожителя Пука не могли убить другие нарты — речь идет о смене верховенства в пантеоне. Бога может свергнуть или убить только другой бог, о чем и повествуется в сказании. Поединку Ёрюзема с Фуком предшествует запрещение уплаты дани (это, видимо, были жертвоприношения Фуку). По той же причине нартами предводительствует Ёрюзек — ведь он бог. Победив Кызыл-Фука, Ёрюзек признается вождем и вводит у нартов новый обычай — ежегодное принесение в жертву четырехгодовалого быка, которое должно обеспечить плодородие полей. Очевидно, прежнее божество представлялось имеющим облик быка («бук, бука, бугъа» — общетюркское «бык»); не случайно от Кызыл-Фука зависит плодородие полей и плодовитость скота. Таким образом, введением этого обычая Ёрюзек увековечивал память о своем подвиге.

Более же всего убеждает в первоначальной идентичности Тейри и Ёрюзема отрывок из сказания о том, как некоторые нарты во главе с сыном Пука Батыр-мирзой хотели отравить Ёрюзема на пиру. Оно было опубликовано Остряковым П. в 1879 году. В нескольких вариантах герой везде именуется Ёрюзекем, как и во всех сказаниях мужем Сатанай является он же. Однако в тексте Острякова вместо Ёрюзема действует Тейюр (т. е. Тейри), он же и является мужем Сатанай.

В данном случае этот эпизод можно было бы объяснить как отражение борьбы сторонников побежденного культа Фука с новым культом Тейри. Но дело, видимо, сложнее. И. М. Мизнев высказал предположение, что «эпический образ Кызыл-Фука сформировался под впечатлением злодеяний золотоордынского эмира Кызыл-Бука, сохранившихся в памяти народа. Кызыл-Бук вошел в историю как жестокий вымогатель».

Постоянный эпитет эпического Фука — «кына сакъаллы» — «хнабородый». Возможно, ордынский эмир, как принято было у многих народов Востока, красил бо-

роду хной. Не исключено, что он имел и сына, имя которого сохранил эпос.

Таким образом, произошло, скорее всего, наложение исторических реалий на древнюю мифологическо-эпическую основу.

Следует упомянуть и об одном загадочном сюжете, опубликованном А. Н. Дьячковым-Тарасовым в 1898 году. Об Ёрюзмеке в нем говорится, что ниже пояса он был сотворен из свинца. Ему было предсказано, что он умрет, когда женится: нижняя часть его тогда должна растопиться. Он всячески избегал женщин, но волшебница Шаулух-Инджи, решив завладеть его богатствами, наслала вьюгу. Замерзающий в пути нарт, находясь поблизости от жилья волшебницы, зашел в дом погреться. Там его напоили допьяна, Шаулух-Инджи соблазнила его, и он умер.

Здесь присутствует частый в фольклоре многих народов мотив необходимости для богатыря сохранения целомудрия — с его потерей он лишается силы и доблести. Но, не претендуя на окончательное решение, рискнем предположить, что, возможно, в какие-то отдаленные времена идол Тейри отливали из свинца (или часть идола), что и могло отразиться в этом сказании. То, что в средневековье Тейри почитался как бог-герой, бог-воин, видно из сообщения армянского историка X века Моисея Каланкатуйского о северокавказских гуннах, которые «приносили в жертву какому-то чудовищу, громадному герою, жареных лошадей, называя его богом Тангри-Ханом».

Но в эпосе Ёрюзек изображен именно женолюбивым. Еще более вероятно, что это маленькое сказание — плод народной этимологии, т. е. появилось в результате попытки объяснить значение имени героя. В карачаево-балкарском языке «эри» — корень глагола «плавиться». Сближение этого слова с вариантом произнесения имени — Эризмек — «плавящийся» и породило, может быть, такой странный сюжет.

Нартский эпос не только сохранил многие данные о культе Тейри, но и помогает понять его истоки и показывает неразрывную связь между двумя пластами духовной культуры карачаево-балкарского народа — мифологией и эпосом.

Перейдем к рассмотрению другого интереснейшего образа в эпосе — Сатанай-бийче. Согласно сказанию, «мать нартов» является дочерью супружеской пары — Солнца и Луны. По одной версии, бог земли попросил их отдать ее на воспитание и выпестовал ее сам. По другой, ее похитил Желмаууз — человекоподобное чудовище со стальными зубами, враг луны. Этот Желмаууз (здесь это имя означает «дракон»), являясь богом моря, спрятал девочку на острове и поручил заботиться о ней богине-матери воды — Суу Анасы. Вот описание рождения Сатанай в песне, одном из самых совершенных в художественном отношении произведений карачаево-балкарского эпоса:

Кюндю Сатанайны атасы,
 Айды аны тапхан татлы анасы.
 Айдан аны тенгиз тейри урлагъанды,
 Аны аты Суу Желмаууз болгъанды.
 Тенгиз тейри (аны) айрыкамда жашыргъанды,
 Букъдургъанлай ненча жылны ашыргъанды.
 Ай, тутулуп, кёзю-бети къаралгъанды,
 Ачыуундан жүрегинден таралгъанды.

Перевод:

Солнце — отец Сатанай,
 Луна — ее родившая нежная мать.
 У Луны ее похитил морской бог,
 Его имя было Водяной Желмаууз.
 Морской бог прятал ее на острове,
 Так она провела много лет.
 Луна затмилась, лик ее потемнел.
 В горе она тосковала сердцем.

В этом сказании отражается весьма арханчный, древний пласт верований балкарцев и карачаевцев: родителями Сатанай названы не божества небесных светил, а сами эти светила, божественная чета, уподобленная людям — рожают дитя, плачут, гневаются и т. д.

Суу Анасы — древняя богиня-мать воды рассматривается как божество, подчиняющееся морскому тейри, который поручает ей надзор над похищенной девочкой. Далее рассказывается о побеге Сатанай с острова, ее

скитаниях в лесу вместе с толпой лесных жителей — алмосту, ее приходе к нартам и замужестве.

В мифологических воззрениях предков карачаево-балкарского народа небо рассматривалось как верхнее море. Следы таких представлений сохранились и в языке, и в мифах. Ср., например, слова тенгиз/тенгир «море» и тейри/тенгри/тенгир «небо, бог». Желмауз, согласно мифам, это страшная людоедка-эмегенша, которая пытается поглотить луну. Иногда это имя мифологического существа ошибочно употребляют вместо слова «сарыуек» — дракон, который в мифах многих народов является повелителем именно водной стихии. Поэтому наиболее вероятно, что и рождение Сатанай, и ее похищение Желмаузом (морским, т. е. небесным, чудовищем) происходило в первоначальных версиях сказания на небе, и только потом было переосмыслено.

Черты мифологического происхождения образа Сатанай-бийче сквозят буквально во всех сказаниях и эпизодах, в которых он присутствует. Ее судьба в карачаево-балкарском эпосе описана подробно, впрочем, как и судьба других главных героев — Дебета, Ёрюзмека, Алаугана, Сосурука, Карашауая, Рачикау, Ачемеза, Чюерди, Созара.

И точно так же, как Ёрюзек связан с древним почитаемым животным — волком, Сатанай-бийче связана с другим тотемом балкарцев и карачаевцев.

«Примечательно,— писал А. Ж. Будаев,— что вплоть до 1940-х годов почти в каждом балкарском доме можно было найти пучок шерсти черно-бурой лисы как признак добродетели и изобилия. Считалось, что чем больше пучок, тем больше изобилия, богатства в доме».

В сказании «Ёрюзек и белая олениха» Сатанай обращается в черно-бурю лису, чтобы расколдовать превращенного эмегеном-колдуном в собаку Ёрюзмека. Когда пес начинает преследовать ее, Сатанай принимает свой прежний облик и подсказывает мужу, как избавиться от чар.

Постоянные эпитеты Сатанай — «кьуртха» (ведунья) и «обур» (шаманка, оборотень). Когда ей нужно задержать Ёрюзмека дома до рассвета, она своими чарами добивается того, что сколько бы Ёрюзек ни глядел в окно, там видно звездное небо (для предотвращения женитьбы своего мужа на одной из бесовок, к которой Ёрюзек должен явиться до рассвета).

Сатанай-бийче в карачаево-балкарском эпосе высту-

пает в роли культурного героя — учит печь хлеб, варить бузу, женщин — гадать на камешках, мужчин — по лопатке жертвенного животного. Ей ведомы все лекарственные растения. Она превосходит мудростью не только всех других нартов, но и их прародителя, бога-кузнеца Дебета Златоликого — именно она учит его тайне ядов. Пропитав ими свои мечи и стрелы, нарты побеждают войска, двинувшиеся на страну нартов из Темир-Капу (Железных Ворот, нынешний Дербент). Она в этом сражении командует нартами.

Ее превосходство в мудрости никем не оспаривается, как нечто само собой разумеющееся. Отметим и другое: если Дебет помогает своим потомкам практически — кует оружие, подковывает коней и т. д., то помощь Сатанай другого свойства: от нее нарты всегда получают именно мудрые советы в самых затруднительных ситуациях. Следует подчеркнуть: Дебет именуется в сказаниях «отцом нартов», но «матерью нартов» эпос называет не жену Дебета, что было бы логично, а жену Ёрюзмека — Сатанай.

Образ Сатанай в карачаево-балкарском эпосе — один из самых глубоко и разносторонне разработанных: верная и мудрая жена, нежная мать, наставница и благодетельница людей, культурный герой.

Сказанного вполне достаточно, чтобы сделать вывод: наряду с Дебетом и Ёрюзмеком Сатанай-бийче — одна из важнейших фигур, вошедших в эпос из мифологии, не утратив при этом своего божественного величия и монументальности. Этим и объясняется — тем, что она богиня, а не простая смертная — то поклонение и почитание, которым она пользуется в обществе нартов, гордых, зачастую и заносчивых. По той же причине она именуется «бийче» (богиня), подобно другим богиням карачаево-балкарского пантеона — покровительнице материнства Байрым-бийче или матери мира Умай-бийче. В публикации П. Острякова, которую мы цитировали выше, она прямо названа и сестрой, и женой Тейюра-Тейри (Ёрюзмека).

Чтобы выяснить конкретное происхождение образа, необходимо обратить внимание на одну загадочную особенность карачаево-балкарского эпоса. Почти во всех сказаниях называется одинаковое число прародителей народа нартов, сыновей Дебета, — девятнадцать. Было бы понятно, если бы фигурировало круглое число, как, например, в абхазском эпосе — сто братьев, сыновей Са-

таней. Чем объяснить странный выбор числа 19, сделанный карачаево-балкарским эпосом, притом, что в других национальных версиях Нартиады этого нет?

Выше уже говорилось, что Золотой Дебет, бог кузницы, — олицетворение солнца. Это, вкупе с другими деталями, сохранившимися в текстах, и позволяет прийти к разгадке. Речь идет о так называемом Метоновом цикле, известном многим народам древности — китайцам, вавилонянам, грекам и мн. др. Пытаясь решить трудную задачу — совместить счет времени по луне и счет времени по солнцу, древние звездочеты наткнулись на трудность, которая заключалась в том, что лунные (синодические) месяцы продолжительностью в 29,53 суток не укладывались в число суток солнечного года — 365,25 суток. Примерно треть лунного месяца (тринадцатого) оставалась лишней. Но затем было выяснено, что число дней в 235 лунных месяцах ($29,53 \times 235$) почти точно совпадает с числом дней в 19 солнечных годах ($365,25 \times 19$). Греки называли этот цикл по имени астронома Метона, открывшего его в 432 году до н. э. Древним народам Востока он был известен и раньше.

Таким образом, число сыновей Дебега-Солнца в карачаево-балкарском эпосе — не что иное, как мифопоэтическое отражение открытия древних астрономов; безразлично, открыли этот цикл предки балкарцев и карачаевцев — причерноморские скифы — самостоятельно или позаимствовали его у тех же древних греков, с которыми у скифов были оживленные контакты, или у народов Ближнего Востока, с которыми они сталкивались в своих походах.

Но в таком случае, если наш вывод верен, Сатанай должна быть богиней Луны, а в эпосе должны сохраняться намеки на ее «лунное» происхождение. Перечислим их.

1. В сказании о ее рождении говорится, что она дочь Солнца и Луны. Но это, на наш взгляд, только трансформация прежнего мифа. Отметим, что Солнце и Луна — супружеская пара.

2. В мифологии балкарцев и карачаевцев врагом Луны является Желмауз, вернее, голова чудовища, отрубленная героем Кыйынлы и улетевшая на небо. Луну охраняют крылатые псы, но едва только они задремлют, голова чудовища старается проглотить ночное светило, и тогда начинается ее затмение. Люди старались, подняв шум, разбудить собак, чтобы они оттащили голову Жел-

мауз. Зубы у нее были стальные. В сказании о рождении Сатанай ее похищает именно Желмауз. И у Луны, и у Сатанай — один и тот же враг.

3. Ёрюзбек убивает Кызыл-Пука (Красного Быка), пользуясь советами мудрой Сатанай. Схожую этимологию имеет и слово Желмаууз (у других тюркских народов — Желмогуз): «жел» — ветер и «огуз» — бык, «бык ветра». Существует в мифологии и другое олицетворение — «суу ёгюз» — бык воды, т. е. стихии природы в отдаленные времена олицетворялись предками балкарцев и карачаевцев в образах этих могучих животных. Когда на пиру нартов Тейюра (Ёрюзбека) просят показать его знаменитый меч и сын Кызыл-Фука спрашивает, почему на нем появилась зазубрина, тот отвечает: «Я о стальной зуб твоего отца испортил этот меч». Стало быть, то, что и у Фука, и у Желмауз стальные зубы, и то, что их имена имеют общее слово со значением «бык», подтверждает, что речь идет об одном и том же существе. Но это первоначально, когда могучие быки, олицетворения стихий — ветра, огня, воды, земли, мыслились божествами — покровителями урожая, ведь не случайно Кызыл-Фук может лишить нартов дождя и плодородия. Но, когда в мифологии появились уже очеловеченные божества, прежние боги перешли в разряд чудовищ и произошло раздвоение образа на Кызыл-Фука и Желмауз. Важно то, что один является врагом Луны, а второй убит по совету Сатанай, что подтверждает наш вывод о том, что Сатанай — лунная богиня.

4. Убежав с острова, где ее прятали, Сатанай, бродя с толпой алмосту, натывается на старого великана-эмегена, который пытается ее съесть. Тогда Сатанай открывает перед ним свой лик и ослепший от его сияния эмеген срывается со скалы и разбивается.

5. Облик бродящей без одежды по лесам и горам Сатанай производит в природе тот же эффект, что и сияние луны, притом — в ночной природе:

Ариулугъу ташны, тауну жарыта,
Хар бир затны ол кесине къарата,
Сатанайны кёргенде тохтай элле суула да,
Кечеде да жарый эдиле тюзле, таула да.

Перевод:

Красота ее, освещающая камни и горы,
Все взоры обращала на себя.

При появлении Сатанай останавливались реки
И ночью светлели долины и горы.

6. Белизна тела Сатанай подчеркивается и в других национальных версиях Нартиады. В предисловии к сборнику абазинских сказаний В. Меремкулов пишет: «Главная героиня нартского эпоса Сатанея славится белизной своего тела. В абхазских нартских сказаниях оно подобно свежеснятому сыру».

Несколько цитат из абхазского эпоса: «Белая кожа Сатаней-Гуаши была такой ослепительно яркой, что отражение блеска ее, падавшее на море и от моря на горы, часто сбивало корабли с верного направления». Это не что иное, как поэтическое описание ясной лунной ночи на побережье моря. Далее в том же сказании описываются ее прогулки — от долины реки Бзыбь до устья реки Кубины, а оттуда к Черному морю, т. е. это восход и заход Луны. По пути Сатаней купается в холодной воде рек и озер, и тогда «от нагой купальщицы исходил свет, похожий на свет восходящего солнца». Похожий, но не солнечный — лунный.

Примеров такого рода можно было бы привести немало, но полагаем, что и этих достаточно.

7. Лунарное происхождение образа Сатанай подтверждает и этимология. В карачаево-балкарском языке от корня «сат, шат» производятся слова со значениями «ясный, отчетливый»: «шат биледи» — ясно понимает, «шатык айтады» — говорит отчетливо, четко, «шатал» — ясный, отчетливо видимый, «шатлы» — очевидный, четкий.

В «Сравнительном словаре турецко-татарских наречий» (1869 г.) Л. З. Будагова отмечается слово «сюден» — красивый. Еще ближе подходит киргизское «сатанг» — красивый, стройный. Вторая часть имени — «ай» во всех тюркских языках означает «луна». Таким образом, значение имени главной героини эпоса — «Ясная луна» (Сатан ай).

Заметим, что ни с какого другого языка имя Сатанай (Сатаней, Шатана) не объясняется. Абазинский фольклорист В. Н. Меремкулов ограничивается тем, что выделяет в нем элемент «ан», означающий в абхазском языке «бог». Ш. Х. Салакая говорит, что абхазский языковой материал, «к сожалению, не может внести ничего нового в расшифровку интересующего нас имени». Кабардинские языковеды М. А. Кумахов и З. Ю. Кумахова

считают этимологию имени Сатаней «совершенно неясной». Все толкования, предложенные другими исследователями, они считают неудовлетворительными: толкование П. У. Аутлева, который производил имя героини эпоса из иранского «сат» — сто и «ан» — мать, что означает, по его мнению, «мать сотни», никак не согласуется с морфологией. «Еще менее убедительно,— пишут эти исследователи,— объяснение А. М. Гадагатля, согласно которому имя Сатаней состоит из адыгских «сэ» меч + «тэн» дарить + «ай» — ласкательный суффикс и означает «меч дарящая». В 1935 году осетинский лингвист В. И. Абаев писал, что о происхождении имен Сатана и Сослан нельзя сказать ничего определенного, кроме того, что они не могут быть отнесены к иранскому слою осетинского языка. Таким образом, он тогда отвергал предположение Д. Лаврова, сделанное в 1880 году, что в этом имени отразилось имя аланской принцессы Сатиник, что кажется Кумаховым, как и Е. М. Мелетинскому, сомнительным. Однако уже позже Абаев, как и французский ученый Жорж Дюмезиль, присоединился к мнению Д. Лаврова. Это совершенно непонятно, так как на почве осетинского языка ни то, ни другое имя объяснения не имеют — ни имя Сатана, ни имя Сатиник. В. И. Абаев удовлетворяется тем, что аланская принадлежность имени «не вызывает сомнений» (а если оно аланское, то, согласно Абаеву,— осетинское).

Добавим сюда мнение французского языковеда Э. Бенвениста, который писал: «Что сказать об именах Созырыхо, Хамыц, Сослан, Батраз, Барастыр, Шатана, если не то, что они говорят о своем иноязычном (не иранском) происхождении?»

Удовлетворительным, на наш взгляд, можно считать только такую расшифровку, которая опирается на сами тексты сказаний, подкрепляется ими. Таковым является только объяснение имени героини на почве карачаево-балкарского языка.

Из сказанного можно сделать только один вывод: на древней стадии бытования эпоса Дебет и Сатанай (Солнце и Луна) представлялись супружеской парой, родителями 19 богатырей, составляя в целом олицетворение всех компонентов Метонова цикла. Именно поэтому «матерью нартов» в карачаево-балкарском эпосе именуется Сатанай, а не жена Золотого Дебета — Матчалыу (Бабчалыу, Мичилиу, Мичиуан). Именно поэтому

образ Матчалы так бледен и невыразителен: почти никаких действий эпос ей не приписывает. В некоторых вариантах она только подменяет Сатанай. Но в некоторых текстах даже роль жены Дебета у нее отнята и, скажем, матерью Алаугана, старшего сына Дебета, прямо названа Сатанай.

Возникает вопрос: почему же в таком случае Сатанай — жена Ёрюзмека? На наш взгляд, это явилось следствием того, что с наступлением эпохи железа и широкого применения орудий и оружия из железа, век героев и героизма вступил в фазу зрелости. Стало казаться естественным, что Сатанай — жена не мирного труженика Дебета, отрешенного от повседневного занятия нартов — войны, а витязя Ёрюзмека, первого среди богатырей, тем более что и он имеет небесное, божественное происхождение. Разумеется, такой пересмотр совершился не в результате совещания сказителей или их умысла, а в ходе развития самого эпоса, а устное бытование сказаний облегчило этот пересмотр. Ведь даже в XIX веке, когда эволюция эпоса давным-давно завершилась, встречались сказители, которые называли мужем Сатанай Сосурука — приемного сына Сатанай (по забывчивости, конечно).

Заслуживает внимания то обстоятельство, что и в традиционных благопожеланиях (алгышах) вместе с именем Сатанай упоминается опять-таки Дебет, а не Ёрюзбек. В них Дебет и Сатанай — идеальная пара, идеальная супружеская чета, хотя прямо об этом не говорится. В селении В. Чегем, купая младенца в воде, стекавшей с «Камня нартов», если это был мальчик, говорили: «Будь таким же кузнецом, как Дебет». Если же это была девочка: «Будь такой же полной луной («толгъан ай» — красавицей), как Сатанай».

В благопожелании, которое произносили при первом входе невесты в дом жениха, ей желали родить сына, который был бы таким же мастером, как Дебет, и девочку, которая была бы подобна Сатанай.

Как писал известный этнограф С. А. Токарев, «нет воинственных народов, есть народы на воинственной стадии развития». Воинственная стадия развития карачаево-балкарского народа осталась далеко позади, поэтому все вернулось на круги своя — Дебет и Сатанай, мирные труженики в качестве идеала. Но если бы этот народ находился на этой стадии, то, не приходится сом-

и его надо исполнять, потому что это долг. Он возложен на человека раньше его рождения, свыше, и потому ответ знает только Небо. Я понял, что и он не мудр, и спросил: «Разве ты разговаривал с Небом и оно поручило тебе отвечать именно так?»

Учитель сказал: Наверное, он прогнал тебя. Ибо он был ленив и прятался в свою каменную мудрость, как черепаха в свой панцирь.

Ученик: Да, учитель, именно так он и поступил.

Учитель сказал: Ответ третьего отгадать нетрудно: стремления и желания не всегда достигаются, а это порождает страдания, потому что стремления и желания есть и у других. Все они мешают друг другу, начинают бороться между собой, а борьба порождает все новые и новые страдания. Возникают жадность, зависть, жестокость. Поэтому лучше отойти в сторону и предоставить суетящихся своей участи. Нет страданий, когда нет желаний. Не это ли он сказал тебе?

Ученик: Да, учитель. Но я спросил его: «Тогда не лучше ли было нам совсем не родиться? И для чего тогда Вечное Небо породило нас? Для того ли, чтобы люди сказали, что оно совершило ошибку? И разве ты, поучающий, что лучше совсем не иметь стремлений, чем страдать из-за них, не стремишься изо всех сил приобрести славу мудреца, так, что даже Творца обличаешь в ошибке? Разве не лучше и не легче отрешиться самому, не призывая к этому других?» Но он был хитер и сказал, что призывает к своей истине людей только из сострадания к ним.

Учитель сказал: Что же ты ответил ему?

Ученик: Я сказал: «Человеку, который упал в яму и хочет из нее выбраться, ты говоришь, чтобы он лег на ее дно и умер. Твоя мудрость — это мудрость смерти. Ты боишься это сделать в одиночку и потому призываешь к смерти и других, чтобы утешиться тем, что они признали твою правоту».

Учитель сказал: И тогда он предсказал, что ты сам придешь к той истине, которую он распространяет, потому что окончательной истиной жизни является смерть, небытие?

Ученик: Да, учитель. И теперь я хочу, чтобы и ты ответил на мой вопрос.

Учитель сказал: Не потому ли тебя не удовлетворили ответы прежних учителей, что они стояли на шатких

основаниях? И еще: нужен ответ, который равно годился бы для всех.

Ученик: Да, учитель.

Учитель сказал: Желаете ли ты получить ответ сразу, а объяснение потом?

Ученик: Сначала ответ.

Учитель сказал: Ты прав. Я должен показать тебе путь, а потом пойти по нему с тобой. Итак, скажу тебе цель и ты поймешь путь: человеку лучше всего стремиться к праведной, то есть к чистой, незапятнанной жизни.

Ученик: Что есть праведная жизнь?

Учитель сказал: Человек — это средоточие и квинтэссенция Вселенной. Все, что есть вне его, есть и внутри его. Есть нечистота наружная, есть внутренняя. Грязь прилипает к телу снаружи, с грязью внутренней человек рождается. Внешнюю грязь человек очищает водой, внутренняя же уничтожается только огнем его души. Ибо внутри его, в сердце его изобильно рассыпаны семена пороков, могущих прорасти на этой внутренней грязи, как в благодатной почве, и заполнить его душу, истощить ее силы и погубить ее. Так гибнет дерево, не защищенное от паразитов и вредных насекомых.

Ученик: Это, наверное, так, учитель, но я спрашивал, что есть праведная жизнь, к которой должно стремиться?

Учитель сказал: Всему живому силу дает свет, свету же — огонь. Все, что испытано огнем, — чисто. Праведная жизнь есть свет, стремление к ней — это тот огонь, в котором сгорают семена и побеги пороков. Когда человек помогает жить всем другим живым существам, всему существу — человеку, птице, растению, ручейку, когда он помогает процветанию живого, — это и есть праведность и созидание, это есть дарение света и тепла. Стремление к такой жизни есть в сердце каждого — в одном меньше, в другом больше, жарче. Все зависит от того, каково то божество, та святыня, которым служит человек. Один поклоняется своему чреву, другой — своему успеху, карьере, или родным, или племени, или стране и т. п. Чем более велика святыня человека, чем шире круг того, к чему он относится с благоговением, тем ближе он к праведной жизни.

Ученик: Верно ли я понял тебя, учитель, что наиболее праведен тот, кто относится с благоговением ко всему живому?

Учитель сказал: Да, верно. Но всякая святыня ну-

ждается в защите. Так и жизнь. Есть то, что выше тебя, есть то, что ниже тебя. Здесь я хочу сказать о жертве. Ты срываешь с дерева плод и съедаешь его, чтобы утолить жажду или голод, не спрашивая, хочет ли дерево этого или нет, забиваешь овцу, чтобы накормить своих детей. Это есть необходимость, это есть жертва. Животное или растение обречено на жертву, более высокое жертвует себе более низким. Но если ты совершаешь жертвоприношение без необходимости, не вынуждаемый голодом или жаждой, это есть убийство, это есть грех. Без нужды не срывай и листочка с дерева. Будь кроток, как рыба, но будь и храбр, как тигр, когда нужно защитить жизнь от греха.

Ученик: Но ты не сказал о человеке, учитель.

Учитель сказал: Да, я хочу поведать о человеке отдельно, поскольку это существо особое. Только он способен осознать, что есть нечто более высокое, чем он сам, и нечто более низкое. Животное признает власть человека, вынуждаемое к тому силой или голодом. Но человек признает равным себе другого человека — ибо даже животное признает равным себе животное своего вида, и волк не ест волка, и тигр — тигра. И потому принесение в жертву человека человеком есть убийство и великий грех. Всякое деяние есть жертвоприношение. Мы жертвуем своим временем, своими силами, своими чувствами на каждом шагу. Жить — значит приносить жертвы. Но только человек способен делать это добровольно, и, более того, лишь добровольная жертва является истинной, поэтому человек может пожертвовать и своей жизнью, но никто другой над ней не властен. Не жертвуй высоким ради низкого, но низкое приноси в жертву высокому. Человек же, признающий высшим только себя, может только требовать жертв, но не способен на них сам, поэтому вокруг такого человека витает облако смерти, впитывающее и не возвращающее свет. Свет в нем умирает. Итак, стремись к созиданию, жертвуя ради высокого.

Ученик: Учитель, скажи о созидании.

Учитель сказал: Подумай о том, что все вокруг нас движется: и этот ручей, и насекомые, и облака, и звезды, и ветер, и море. Не находимся ли и мы сами в постоянном движении? Не потому ли темница является для нас страшным наказанием, что ограничивает наше движение? Не изменяются ли наше тело, и мысли, и сло-

ва все время — от детства к молодости, зрелости, старости?

Ученик: Да, учитель.

Учитель сказал: Итак, все находятся в пути. Кто-то вырывается вперед, кто-то отстает, кто-то сходит с дороги, усталый. Буду ли я прав, уподобив жизнь Пути, и только Пути?

Ученик: Да, учитель, движение и путь.

Учитель сказал: И так же не прав ли я буду, говоря, что этот путь куда-то ведет? Не движемся же мы от старости к молодости или от зрелости к детству, а только в одном направлении? И не мудр ли тот, кто стремится идти твердо и уверенно, помогая идти и другим, идущим в этом направлении, ибо и они помогут тебе, если ты вдруг оступишься?

Ученик: Именно так, учитель.

Учитель сказал: Но теперь ты спросишь меня: почему же не все принимают эту истину? И не лучше ли просто лечь у обочины, не испытывая тягот пути? Так думали твои прежние учителя. Но нам путь предопределен. Можно идти вперед и вверх или назад и вниз, но невозможно остановиться, когда все движется, помимо нашего желания. Путь жизни не всем под силу. И все движутся по нему на свой лад — одни летят, другие бегут, третьи ползут. Одни — прямо, другие — сбиваясь с пути, третьи — поперек движения, четвертые — и вовсе назад, пятые пытаются остановить это вечное движение. Но никто и ничто не стоит на месте.

Ученик: Значит, все зависит от наличия силы?

Учитель сказал: Да, все дело в силе духа. Зачатками ее наделены все, хотя и в разной степени. Но у одних она возрастает, у других уменьшается. Я уже говорил тебе о семенах зла в сердце человека. Эта сила, когда ее употребляют не на честное преодоление пути, а то и дело сходят с дороги, отвлекаясь чем-то случайным, впадают в соблазны и плутают в потемках, растрачивается впустую. Наверстать упущенное часто оказывается невозможным делом — сил уже нет или нет времени.

Ученик: Но откуда она берется, эта сила?

Учитель сказал: Не думай, что человеку достаточно только своей души, и он может всю жизнь обходиться только ею, отъединясь от всех. Ибо тот дух, который мы называем Жизнью, Живым, объединяет все в единое целое, подобное телу человека. И потому отъединение

означает болезнь. Разве не начинается гнить палец, когда кровь, текущая в нем, не участвует в едином токе крови? Перетяни его шнурком, и ты убедишься, что я прав.

И потому помогающий жизни и свету наделяется частью жизни и света, а помогающий смерти и тьме, греху наделяется смертью и тьмой, точнее, сам становится тьмой, умирающей, исчезающей, когда является свет. Свет есть здоровье, грех — болезнь, вечная смерть есть последняя стадия болезни духа. Человек греха — это пустая оболочка, ибо дух ее покидает, он живет только в чистоте. Помоги жизни, и жизнь поможет тебе. Отдай за нее душу, и она вернет ее тебе.

Ученик: Значит, двигаться, созидать, быть чистым и легким — выгодно?

Учитель сказал: Да, в конечном итоге. Представь себе двух человек, осужденных на смерть. Им предложены выбор: можно есть, пить, наслаждаться бездельем и развратом, воровать и грабить и т. п., но предупредили, что в один неизвестный миг они исчезнут, рассеются, как дым; или трудиться в поте лица, не лгать, не воровать, не грабить, не убивать, не развратничать, творить добро и получить вечную жизнь — поскольку, помогая жизни вокруг себя, ты помогаешь жизни внутри тебя. Один поверил и спас свою жизнь, другой же сказал: «И до нас умирали люди — и добрые и злые, и от них оставались только холодные трупы. Воскресших же я не видел и в вечную жизнь не верю. Потому буду жить по своему произволу». Он умер и стал тьмой, небытием, ничто.

Выгоды бывают разные, маленькие и большие, а помогать жизни, жертвуя всем этой цели, и спасти свою жизнь — это самая великая выгода. Но есть много людей, которые замечают только маленькие выгоды, а когда вдруг начинают подозревать, что не это было самое нужное, уже поздно. Поэтому одна из мудрейших поговорок гласит: «Поистине, глаза есть, а горы Тайшань не заметил».

Ученик: Но что мешает людям осознать выгоду созидания?

Учитель сказал: Ответь мне и ты: кто движется наилучшим способом?

Ученик: Тот, кто движется свободнее — подобно рыбе в воде, лани по земле и птице в воздухе.

Учитель сказал: Не означает ли это, что свобода является высшей целью человека? Разве не к ней стре-

мится он, часто того не ведая и извращая пути, ведущие к ней? Копит деньги, чтобы стать свободным от нужды, но попадает в тяжкую зависимость от накопленного. Старается сделать карьеру, чтобы никому не подчиняться,— и вынужден лстить и подчиняться всю жизнь. Это ложные пути к свободе, и их очень много.

Ученик: Но почему человеку нужна свобода?

Учитель сказал: Потому что только свободный может прийти к истине, а истина приведет его к новой, еще более высокой свободе. Истина — это свобода, и свобода — это истина.

Ученик: Но если человек стремится к свободе, не означает ли это, что ее у него нет и что человек — это узник?

Учитель сказал: Да, сын мой, это именно так. Но есть узники, которые осознают, что им нужна свобода, и есть узники, которые не знают этого. Вот эти вторые и заблуждаются, не понимая, что же им нужно, или, погрязнув в рабстве, боятся свободы, когда им говорят о ней. Пес, долго просидевший на цепи, когда его отпускают, страшась шумных улиц, возвращается к своей конуре и своей цепи. Так и люди. Некто, увидев с дороги лежащую у обочины пищу, свернул с пути, да там и остался. Другого поманили, и он сошел с пути и стал служить за чашку риса. На свете много рабов карьеры, золота, зависти. И тот, кто будет служить этим рабам, служить несвободным, сам станет несвободным.

И наоборот, тот, кто служит жизни, живому, которое устремлено к свободе, увеличивает ее меру. Если твоя рука нескована, она поможет твоему глазу, а глаз — ногам, и так все тело станет свободнее. Помогая другим, ты помогаешь себе, потому что ты часть всего. Мешая другим, ты мешаешь себе.

Потому, сознательно или бессознательно, все живое любит свободу. Нам нравится свободный полет птицы и бег лани, но не нравится неуклюжий ход черепахи или прыжки лягушки. Нам нравится яркая окраска шкуры тигра, потому что она связана в нашем восприятии со здоровьем и силой, то есть со свободой, и нам не нравится слизняк, потому что его оболочка напоминает нам о болезни, нездоровье, то есть о несвободе.

Ученик: Но чего не должно делать, чтобы прийти к праведности и созиданию?

Учитель сказал: Я расскажу тебе, чего не должно делать, чтобы сохранить чистоту души, которая и есть

здоровье. Однажды я встретил чиновника из соседней деревни. Он был так зол, что даже забыл поздороваться. Он кричал, что мир погряз во зле и пороках, что судьбы, все до одного, — издоимцы, что военачальники утонули в роскоши и помышляют только о разврате и деньгах и предаются пьянству, что крестьяне ленивы и лживы и что древнего благочестия нет ни в ком. Но оказалось, что причина его праведного негодования в том, что ему не удалось посадить своего племянника на доходную должность в канцелярии. Я спросил: «Послушай, разве ты сам всегда поступаешь по совести и законам благочестия? Разве не ты, подкупив судейских, оттягал половину участка своего брата, разорив его? И не ты ли лжесвидетельствовал однажды в суде в пользу начальника канцелярии?»

Он смутился, но только на одно мгновение, а потом закричал: «Но я не мог поступить иначе, меня заставили, меня напугали! У меня большая семья, как я ее прокормлю, если пойду против начальников, если не буду иметь большого участка?! Но я не хотел!»

Я спросил: «А разве других не пугают? И разве у остальных нет семей? Ты хочешь, чтобы честными были другие, тогда и ты станешь поступать согласно своей совести. Но, если ты не можешь их сделать таковыми, стань честным человеком сам». Конечно же, он не послушался этого совета, ибо созидание и праведность — дело трудное.

Итак, пекись о своей чистоте и праведности своих, а не чужих дел и помыслов. И если ты находишься среди толпы тех, кто, подобно стаду буйволов, лежащих в болоте, лежит в теплой грязи пороков, обличи их не прежде, чем омоешься сам.

Учитель сказал: Расскажу тебе и о тех, кого уподоблю хитрой лисе. Когда звери подчинялись дракону, все старались научиться плавать, подражая ему. Но затем тигр одолел дракона, и звери стали подражать поступку тигра. Новый повелитель был суров и не терпел ослушания и, если ослушники находились, немедленно съедал их. У тигра и его приближенных жизнь была сытой и беспечальной, ибо во всяком поступке можно было при желании узреть умысел против повелителя, а значит, съесть его. Звери стали роптать.

Тогда тигр, боясь увеличения числа недовольных, ввел новый закон — некоторым зверям в знак особой милости разрешили изменить окраску и разрисовать

свои шкуры в цвет шкуры тигра. Удостоенные такой награды избавлялись от участи быть съеденными. Между зверями началось соперничество. Каждый старался войти в число окрашенных. Ропот стал слабеть, но не исчез вовсе, потому что тигр сохранил достаточное количество неокрашенных, чтобы пищи было вдоволь.

Лиса не была удостоена этой милости, поэтому вела смелые речи, прослав вольнодумной и мудрой. Но среди приближенных тигра она становилась другой и из кожи вон лезла, чтобы угодить им. Наконец, ее желание и усердие были замечены, и придворный живописец выдал ей краску, которой она провела на своей спине полосы, как у тигра. К тому же ее назначили начальником над мышами, в насмешку. Ибо всякая хитрость видна как сверху, так и снизу, если и незаметна издали. Поэтому над ней смеялись и в логове тигра, и неокрашенные звери, прежде почитавшие лису защитницей справедливости, именуя не иначе, как «мышиным тигром».

Ученик: Учитель, чему бы ты уподобил ложь?

Учитель сказал: Обманывающий обманывает одного или многих, но не всех. Поэтому он обманывает сначала самого себя. Ложь подобна ржавчине. Один обман порождает тысячу других, и обманщик весь превращается в ложь, и от него остается только пестрая оболочка.

Ученик: Верно ли я тебя понял, учитель, что главные враги чистой, праведной жизни — страх и ложь?

Учитель сказал: Ложь и страх — это одно и то же. Какая надобность человеку лгать, если он не боится? Он лжет потому, что страшится кого-то или чего-то, чтобы избежать того или иного события и т. д. Точно так же разновидностью страха является и жадность. Жадный обуреваем страхом, что кто-то завладеет его добром, что кто-то накопит больше его, что накопленного мало и т. п. Жадность — один из самых лютых видов страха. Потому что можно, хотя бы на время, притвориться правдивым, любящим или смелым. Но притвориться щедрым нельзя. Страх — вот единственный корень пороков и враг свободы. Поэтому-то мы и ценим мужество так высоко, и его присутствие в самом низком человеке вызывает в нас уважение даже к нему. Я говорю о мужестве, а не о смелости. Ты, должно быть, помнишь мои слова: «Благородный муж всегда смел, но смелый муж не всегда благороден». Ибо смелость благородных — это мужество.

Ученик: Учитель, а что ты думаешь о лени?

Учитель сказал: Разве она не есть страх работы? Из того, что я сказал о страхе, исключений нет.

Ты ищешь истину и вопрошаешь о ней. И ты уверен, что твоя единственная цель — это только она. Но так ли это, сможешь доказать только ты один. Я скажу тебе о тех, кто ищет истину, и тех, кто только кажется таковым — себе или окружающим.

Найти истину — не означает ли увидеть внутренним оком то, что было невидимо, а увидев, идти, чтобы убедиться? Ибо человек, который думает, что нашел в темном лесу дорогу, но сам все время натывается на деревья, не нашел ее. Упорствуя, он рискует заблудиться навсегда.

Ученик: Но как распознать истину?

Учитель сказал: Мы говорим о жизни и ее истине, а не о том, что очевидно — что трава растет, ручей течет и что небо синее, — не так ли? Я уже сказал, что жизнь есть путь, движение. Но есть множество загадок, на распутывание каждой из которых уходит вся жизнь человека, и каждая малая истина по-своему велика. Кому уподобить человека, открывшего истину? Тому, кто части разбитого прекрасного изваяния собрал вновь, проникнув в его смысл и назначение частей, которые, будучи собраны, не противоречат друг другу. Или тому, кто увидел связь вещей, которую прежде не видел никто. Чем полнее обнаружена связь всего со всем, тем полнее истина.

Ученик: Учитель, скажи мне о наказании.

Учитель сказал: Я говорил тебе о ПУТИ ЖИЗНИ. Но этот путь пролегает не в пустоте. По воле Вечного Неба мы добываем себе пропитание, не сходя с дороги, в поте лица. Представь себе дорогу, обсаженную садами, которые неусыпно охраняются стражей. Ты можешь потрудиться в этом саду и получить вознаграждение, двигаясь все дальше и дальше и не преступая пределов дозволенного. Но, если ты, не трудясь, будешь пользоваться чужим трудом в этом волшебном саду, не обнаружит ли тебя в один из дней стража? Обремененный ворованным, не станешь ли ты идти по Пути шаткой походкой?

Ученик: Но разве мало преступников, которые провели всю свою жизнь в благоденствии, не претерпев никакого наказания? Конечно, я помню твои слова о веч-

ной смерти, постигающей пособников и носителей зла, я спрашиваю о наказании их в этой жизни.

Учитель сказал: Поистине, таких людей немало. Но разве можно сказать, что они действительно благоденствовали? Разве не одолевал их страх, когда они похищали чужое? Разве не мучала некоторых из преступников совесть, прежде чем они одолевали ее?

Скажу и другое. Пусть некий вор забрался в сокровищницу, ограбил ее и скрылся. Избежав наказания, он провел свой век в роскоши. Не будет ли после этого стража начеку? Наворованным будут пользоваться дети вора или его внуки и правнуки. Они и могут понести наказание вместо отца или деда, или прадеда, ибо ничто в мире не остается безнаказанным, ничто не исчезает. Поэтому в мире нет и не может быть безвинных страдальцев, потому что миром правит Закон. Этот закон установлен не людьми, а самой природой; и обойти его нельзя, а тем более обмануть. Похищенное есть взятое в долг (будь то чужое имущество или жизнь), об этом не ведают люди, но ведает Закон, который мы называем Судьбой. И долги отцов оплачивают дети.

Ученик: Значит, всем правит неумолимый Закон Судьбы, подобный тому, что мы наблюдаем в природе: если в одном месте прибавится, в другом уменьшится; камень, брошенный вверх, падает обратно и т. п. Но нет ли способа избежать воздействия этого Закона — ведь он есть нечто закостенелое, не имеющее разума?

Учитель сказал: Ты и прав, и не прав. Животное, не зная Закона Судьбы, подчиняется закону, заложенному в него природой, и живет, не нарушая его. Человек — самое свободное существо. Иные живут, подобно животным, не ведая никакого закона, и подвергаются всей его жестокости, нечаянно нарушая установленные пределы. Другие слышали о нем, но не верят, и тоже наказываются; от самых древних времен до наших дней такие люди борются с судьбой, не веря в нее. Итак, было время, когда люди вовсе не подозревали о Законе Судьбы и были ниже его. Затем они узнали о нем и стали подчиняться ему — я не говорю о всех, но о многих. Эти многие поняли, что противодействовать судьбе так же бессмысленно и невозможно, как и бороться с законом природы. И только немногие поняли, что можно возвыситься и над Законом. Если нарушитель его неизбежно карается судьбой, о чем я уже говорил тебе, потому что он не выше Закона, то избегнуть

его действия можно, только поднявшись над ним. Если ты, шагая по земле, можешь упасть в яму или сорваться в пропасть, или на тебя упадет камень, то, взлетев в небо, ты избавлен от этих опасностей.

Ученик: Но как это сделать, учитель?

Учитель сказал: Ты был, действительно, прав, говоря, что Закон есть нечто механическое, он весь основан на расчете. Как относятся к тебе, так относись к другим и ты; на благодарность отвечай благодарностью, на урон — уроном, за помощь плати помощью. Не есть ли такой подход — расчет-обмен, купля-продажа? Да, это так. Дело не в том, чтобы не нарушать Закон, а в том, чтобы над ним подняться, выйти из цепи обменов. Были люди, и даже целые народы, которые пытались предусмотреть все случаи, учесть все, что может произойти в жизни человека, и составить руководство, свод правил, согласно которым надо поступать. Но оказалось, что это невозможно, что жизнь настолько богата всем, настолько разнообразна и непредсказуема, что человек, пытающийся запомнить все эти правила, запутывается и, хуже того, теряет умение думать самостоятельно, полагаясь на авторитет Закона, а не на свою совесть, на свой дух. К тому же, то, что правильно в одно время и в одном случае, неправильно в другом месте и в другое время. Но только тот возвышается над цепью Закона, кто понял его. Эта цепь подобна могучей реке. Не пытайся остановить ее — пытайся стать легче и взлететь над ней, а для этого стань щедрым. Отдавай больше, чем получаешь. Тысячами нитей взаимообмена каждый человек связан с другими людьми и предметами. Но все, что ты даешь, делает тебя легче, выше, свободнее, а все, что ты получаешь, — тяжелее. Если ты отвечаешь добром на добро и злом на зло, все в мире остается на месте, и ты тоже. Но, если ты ответишь добром на зло, ты тем самым показываешь, что оно не смогло поразить тебя, что ты не уязвлен им: стрела, метившая в тебя, прошла под тобой, ибо ты возвысился.

Я говорю тебе то, что ведомо лишь немногим. Но придет день, когда в мир явится Великий Учитель, который возвестит ему истину лучше и глубже, чем я, и весь мир услышит Его. Но это произойдет нескоро, в далекой стране на западе.

А теперь я спрошу тебя: получил ли ты истину?

Ученик: Я не знаю, учитель, я еще не все воспринял. Но в твоих словах нет неправды.

Учитель сказал: Сказанное мною — пока только слова, в которых моя, а еще и не твоя истина. Ты действительно еще не увидел, не познал и не сделал ее своею, неустанно убеждаясь в ней. Я поступил бы жестоко, если бы рассказал тебе все, подавляя твою свободу додумывать и достраивать ее, ибо только так она и может стать твоей. Поэтому нет никого опасней, чем ложные учителя, предлагающие некие рецепты на все случаи жизни. Особенно опасны те из них, которые предлагают способы, чтобы исключить из жизни борьбу, то есть самое главное в ней — движение. Но стремиться, сын мой, надо не к тому, чтобы исключить, уничтожить борьбу, а к тому, чтобы она велась по правилам, исключить подлые способы борьбы. Но, когда этим лжеучителям говорят, что их рецепты жизни противоречат Жизни и самой натуре человека, что жизнь подчиняется вечным началам борьбы и различия, что подчинение правилам, которые проповедают ими, приведет к ужасам, поскольку уничтожение борьбы приведет к уравниванию всех, то есть к подавлению инстинкта движения в человеке, эти учителя говорят, что их рецепты верны и хороши, а люди и жизнь не правы, несовершенны и испорчены. Они говорят, что не святая и вечная жизнь права, а их жалкие правила или, того хуже, правило.

Ученик: Ты сказал «различение»?

Учитель сказал: Ты знаешь и различаешь воду, огонь, воздух, землю. Твое зрение позволяет различать множество предметов, животных, людей, птиц, деревья и цветы. Составляют ли они, тем не менее, единство, которое мы называем природой?

Ученик: Да, учитель, они все взаимосвязаны.

Учитель сказал: Итак, различные, они едины. Было бы лучше, если бы все они находились в смеси и не отличались друг от друга?

Ученик: Нет, учитель. Это был бы хаос, не выносимый для разума.

Учитель сказал: Но различное и единое — благодаря чему они различены? Не пребывают ли они в борьбе, которая одна и дает им их образ? Так и люди. Если бы все они были одинаковы, жизнь превратилась бы в гнилое болото. Только огонь борьбы позволяет отделить, отличить добрых от злых, хитрых от мудрых, мужественных от трусов, сильных от слабых, талантливых от бездарных, истину от лжи.

Ученик: Но то, что зло так же необходимо, как и

добро, и нет одного без другого, как нет ночи без дня, сказано очень давно.

Учитель сказал: Да, сын мой, это сказано давно. Я лишь хочу добавить, что благородному необходимо бороться против зла. Но окончательно победить и уничтожить зло невозможно. Поэтому нужно и должно вечно сражаться с ним, чтобы вечно побеждать или проигрывать и снова побеждать. Нет вечной победы, есть вечное сражение. Почему? Потому что каждый человек, родившийся в этом мире, рождается с семенами зла и добра в душе, и они проявляются в его речах и поступках. Он должен сам познать зло и добро, истину и ложь, красоту и безобразие, сам сделать выбор между ними, ибо в этом его свобода и для этого она ему и дана. Поэтому не верь тому, кто скажет, что зло можно уничтожить окончательно. Спроси его: «А чем будут заниматься победители? Не тем ли, что начнут бороться друг с другом?»

Ученик: Ты сказал, что корни всех пороков — в страхе, что все пороки — лишь разновидности страха. Не означает ли это, что главная борьба — это борьба со страхом в себе и в других?

Учитель сказал: Воистину, это так. Если содержание жизни — это борьба, то разве не страх есть главная помеха и главный враг? Велик, и хитер, и коварен этот противник, и многолик, но велика и победа над ним. Избавиться от него нельзя, но можно найти в своей душе грозного противника ему, и он наденет на врага человека железную узду. Имя этого врага страха — достоинство. Достоинство есть вид мужества. Если страх — родитель всех пороков, то и мужество — родитель всего благородного.

Человек, не имеющий в себе достоинства, подобен скоту или зверю, но хуже их. Покорность скотины и жестокость зверя — в их природе, они таковы по необходимости, поскольку не имеют разума и не различают возвышенное от низменного. Поэтому не все, имеющие облик человека, являются таковыми.

Учитель сказал: Но здесь я хочу предупредить тебя. Если ты понял сказанное, а также понял и то, что я тебе не говорил, и имеешь способность поступать согласно понятому, не спеши думать, что ты и есть единственный знающий. Ибо ты не ведаешь еще, что всякий человек несет в себе какую-то тайну, а некоторые владеют великими тайнами. Поэтому, если некто кажется челове-

ком никчемным, не заслуживающим никакого внимания, не думай, что это так и есть. Пока человек не умер, он остается возможностью мысли и деяния, а каковы они будут, неведомо ни ему самому, ни другим.

Скажу и другое. Никогда не спеши обличать кого-либо за глаза, а если говоришь ему правду в глаза, говори свое мнение по поводу его поступка, но не говори ему, что он плох и что ему следует быть другим,— это унижает человека. Но никогда еще унижение не сделало и не сделает человека лучше и чище. Еще хуже, когда ты станешь возмущаться тем, что человек не таков, каким он должен быть по твоему мнению, не стремись переделать человека — с этой задачей справиться может только он сам, и только он сам имеет на это право. Даже малые дети сопротивляются такому насилию, даже они проявляют своеволие, потому что главное для человека — доказать себе и другим, что он свободен, что он не кусок глины, из которой можно лепить что угодно.

Воспринимай людей такими, какие они есть, и не требуй с них того, что они сейчас не могут сделать или никогда не будут в состоянии сделать. У каждого своя задача в жизни, и не каждому дано избирать свою дорогу. На сосне не растут яблоки, и дуб не дает персиков.

Ученик. Но что есть цель человека по отношению к себе?

Учитель сказал: Все, что сказано о человеке мудрого и ценного и что еще будет сказано, направлено на то, чтобы человек увидел свою сущность со стороны и, увидев, очистился, стал вполне человеком. Но не всем это дано, и, как я уже говорил, не все люди — вполне люди.

Рассказывал мне смотритель императорского зверинца: «В стаде обезьян,— говорил он,— обязательно есть вожак, самый сильный самец. Другие, более слабые обезьяны-самцы не осмеливаются глядеть ему прямо в глаза — это означает, что они вызывают его на поединок. Поэтому, из-за страха, стоит вожаку приблизиться к ним, те замирают на месте, а потом начинают вести себя подобно самкам. Так они изъявляют вожаку свою покорность».

Не доводилось ли и тебе наблюдать, как некоторые мужчины ведут себя подобно этим самцам, стоит лишь кому-либо из начальствующих подойти к ним? Если доводилось, ты видел превращение человека в самку обезьяны.

Это лишь один пример, показывающий, что во многих людях суть остается сущю животного. Разве вор не есть крыса в облике человека? Разве грабитель не есть по сути своей волк? Разве обжора, поклоняющийся своему чреву, многим отличается от свиньи? Разве убийца — не тот же тигр, а вовсе не человек? Разве трус не ближе к зайцу, чем к человеку?

Ученик: Я понял тебя учитель. В каждом есть семена всех пороков и всех добродетелей. Но в душе благородного побеждают трудолюбие, красота, мужество и разум. Душой же низкого человека овладевают страх, лень, жадность и ложь. Но есть ли такое слово, учитель, которое определяло бы низменного человека?

Учитель сказал: Да, сын мой. Человек, говорящий правду, может показаться лжецом, любящий — равнодушным, умного могут принять за глупца. Но никто и никогда не примет благородного человека, свободно мыслящего, говорящего и поступающего, за несвободного, за раба, как невозможно спутать небо с землей и огонь с водой. Если кого-то называют глупым, или злым, или трусливым, это может оказаться ошибкой. Но если кого-либо называют рабом — значит, так оно и есть. Сначала человек становится рабом какого-либо порока, потом — рабом другого человека, потому что истинное рабство коренится в нем самом. Более оскорбительного слова, чем слово «раб», в мире нет.

Если можешь и хочешь, сделай то, что я тебе сказал, своей истиной и восславь совершенство Жизни как ее полноту, в которой нет недостатка и из которой нельзя изъять и малую пылинку без ущерба для всего.

Ученик: Учитель, ты сказал о страдании, что оно есть наказание за грехи отцов или за свои грехи. Но если второе всякий должен признать справедливым, то как быть с первым? Мой ум не постигает этого. Если малое дитя мучается или его мучают за те беды, которые причинил жизни его дед, или прадед, или мать, или прапрамать, не слишком ли это жестоко? Не справедливее ли было бы, если бы каждый отвечал за себя? Иначе Творец должен быть тираном и мучителем, наслаждающимся страданиями.

Учитель сказал: Ты, верно, забыл то, что я говорил о Едином. Муки одной твари есть муки всей Жизни, Живого. Ты полагаешь, что Творец есть нечто обособленное от всего Живого, посторонний наблюдатель. Это не

так, ибо все Живое — это и есть Бог. Муки любого существа, от комара до малого ребенка и седовласого старца, как и их радости,— это муки самого Бога, познающего себя в борьбе и через различение идущего к высшему единству Себя.

И на этом мы закончим нашу беседу. Да благословит вас Небо — ибо оно есть родина свободы!

1978

ВЗГЛЯД ВОЛКА

Много на свете всякой нечисти, которая стремится нанести вред людям, разных бесов и злых духов. Заклятым врагом их является волк — единственное живое существо с немигающим взглядом. Поэтому только волк видит и преследует бесов.

Из карачаево-балкарских верований

Теперь об этом говорят и пишут, теперь можно — разрешили. Можно оплакивать. И говорят. Пишут. Плачут. Кто-то искренне, освобождаясь от боли, занозой засевшей в сердце, кто-то притворно, в надежде приобрести лавры великого народолюбца. Появляются стихи, написанные уже тогда, впитавшие в себя живые чувства, протест против чудовищного злодеяния и пролежавшие в столе четыре десятка лет, появляются и звучат песни, сложенные в горькой атмосфере чужбины, но есть и грубо, наспех сработанные вирши, эксплуатирующие память о народном горе.

Потому-то с некоторой долей настороженности начинаешь читать каждую новую публикацию, посвященную тринадцати годам жестоких испытаний и лишений, перенесенных балкарским и другими народами в 40—50-е годы. В третьем номере журнала «Минги Тау» за 1993 год много интересного. Его можно читать, ничего не пропуская, от первой до последней страницы. Но вот среди давно и хорошо известных авторов новое имя: *Ибрагим Жангуланов*. Зепака («Ссылка»): Книга воспоминаний.

Эта маленькая — она занимает всего 50 страниц —

повесть о человеке и его судьбе, о пережитом захватывает с первых же строк. От нее невозможно оторваться — такова сила спокойного, но мощного течения авторской речи. Эта книга потрясает, хотя у автора полностью отсутствует стремление потрясать или удивлять, он как бы вовсе и не думает о читателе.

Только, дочитав до конца, спустя какое-то время начинаешь спрашивать: «Что это?» Книгу Ибрагима Жангуланова не нужно анализировать; мне, во всяком случае, этого делать не хочется. Она — не для этого. Нужно попытаться ответить на поставленный вопрос. И первое, что приходит в голову,— это не литература, это за ее пределами, там, где «кончается искусство и дышат почва и судьба».

Эта книга не могла не появиться, и именно такой, какая она есть,— как биография человека, совпадающая с судьбой всего народа на одном из ее этапов. Прав писатель Ибрагим Гадиев, подчеркивая это. Он прав и в другом. Цитируя фразу из книги Жангуланова: «Вчера, не в силах унять тоску по всему, что было вокруг, тоскуя с такой силой, что просто видеть ему было недостаточно, Котурай разделся догола и стал кататься по крапиве» (речь идет о возвращении на родину), Гадиев говорит: «...увы, ни я ничего подобного не мог написать, и ни у одного из мастеров слова я такого не читал». Потому что все это не выдуманно, не сочинено, а выхвачено из самой жизни. Такой и должна была стать народная книга, выражающая народную думу о трагическом периоде своей истории. О страшных делах и непереносимом горе пишет Ибрагим Жангуланов, но пишет так, что читателю ясно — он не пугает и не жалуется, не ищет сочувствия. Он бесстрашно говорит о том, что было с ним и с его народом,— без утайки, без позы, без всего, что называется литературщиной. Так говорят перед Богом.

Тяжелое сиротское детство. Рассказ о роде Жангулановых и размышления об истории народа. Забитый немцами до смерти парнишка-ногаец, принятый ими за шпиона. Бесчеловечный комендант Рябых (сколько их было там, этих Рябых, в лагерях для спецпереселенцев). Умиравшие с голоду, молчаливые, превратившиеся в тени чеченские женщины и дети. Балкарские старики, женщины и дети, десятками гибнущие от сыпного тифа. Больница, в которой уже на грани между жизнью и смертью лежит Ибрагим. Его младший брат, на послед-

ние копейки покупающий для него молоко, которое забирают санитары. Земляк, оказавшийся проходимцем, — подбив мальчишек на побег, чтобы добраться до Кавказа, он прикарманивает часть заработанных ими денег, из-за чего они оказываются в тюрьме и спасаются только благодаря доброте коменданта-корейца. Авария, снова тюрьма, работа на стройках. Но ни разу, нигде Ибрагим Жангуланов не сбивается на жалобу. Эта маленькая книга — очень мужественная, мужская книга. Шум и ярость отпыхавшей исторической эпохи не заглушают в ней голос повседневной человеческой доброты, не дающей затравленному, преследуемому и унижаемому юноше озлобиться, упасть, наделяя его силой для сопротивления обстоятельствам, и выстоять, остаться человеком — значит, сохранить свое достоинство.

«Я, Жангуланов Ибрагим, сын Хамзата, один из балкарцев, живущий трудами своих десяти пальцев, хочу написать о том, что видел на своем коротком веку, о том, что испытал сам...» — так начинается повесть «Зепака», предваренная молитвой за Балкарию. Замечательно, что, сразу же взяв такую высокую ноту, Ибрагим на протяжении всей книги не опускается до мелочей, может быть, и нужных в другом повествовании, но неуместных здесь, не опускается до бытоописания — нет, все крупно, значимо, весомо, лаконично. «Так что же, — спросит удивленный читатель, — что же, выходит, в этой книге нет ни одного недостатка? Так не бывает!» Осмеливаюсь утверждать: бывает. В ней нет ни одного недостатка. Потому что это не литература, а жизнь, нашедшая свое точное воплощение в слове. Да, эту книгу написал Ибрагим Жангуланов, но подлинным ее автором является народ, это его судьба и его дума, и не только о прошлом, но и о настоящем, и о будущем.

Не во имя прошлого писал свою замечательную книгу Ибрагим Жангуланов, а во имя будущего, для нас, сегодняшних. Этой книге суждена долгая жизнь, потому что это подлинное свидетельство народного духа о самом себе.

Убежден, что не один читатель, дочитав последнюю страницу и проглотив ком в горле, скажет, обращаясь к народу, о котором написана эта книга: «Слава тебе, непокорный! Все было сделано для того, чтобы тебя не стало. Ты, как раненый волк, затравленный, с трудом приходящий в себя, но не побежденный. С диким, злобным воем и хохотом кружит вокруг тебя гнусное скопи-

ще бесов — хапуг, трусов, карьеристов, подхалимов, лжецов, предателей, клеветников — и лижет твою кровь, и вопит: «Падай! Падай!», но все тверже твои шаги. А бесы вопят все громче, вопят, но трепещут — вот-вот ты откроешь глаза, и их насквозь пронзит огненный, немигающий, божий взгляд волка».

Об этом последние страницы книги. Читайте. Гордитесь — если имеете право. Стыдитесь — если еще можете. Ибрагим Жангуланов. «Ссылка». Третий номер журнала «Минги Тау».

1994

ВРЕМЯ ВЛАСТИ *

В детстве, часто слыша в разговорах взрослых — обыкновенных балкарских крестьян — выражения типа «государство не дурак», «государство даром ничего не дает», «государство не обманешь», я удивлялся: «Как же так? Взрослые люди, а не понимают, что государство — это все мы вместе, а не кто-то один, командующий и определяющий. Почему они так говорят?»

Позже я понял, что правы, конечно же, они. Не думаю, что мои односельчане, многие из которых не умели читать и писать, получили свое понимание сути государства из чьих-то уст. Нет, они просто по-крестьянски трезво смотрели на жизнь, не отворачиваясь от нее и не обвиняя, не создавая себе иллюзий и самое главное — не жмурясь от страха. Они никогда не были государством, как и подавляющее большинство землян, а только его подданными, входящими в семью, род, племя, народ, нацию.

* Печатается в сокращенном варианте.

Прав был и Людовик XIV, когда заявил: «Государство — это я». Он не сказал: «Род (племя, нация) — это я». Та, совсем небольшая часть французского общества, которой в то время принадлежала власть в королевстве, с полным на то правом, могла повторить вслед за ним: «Государство — это мы».

* * *

Прав был великий А. С. Пушкин, когда писал:

- Все мое,— сказала злато.
- Все мое,— сказал булат.
- Все куплю,— сказала злато.
- Все возьму,— сказал булат.

Любой страной управляют или люди богатые (злато), или люди сильные (булат). Точнее, в государстве есть и те и другие, вопрос в том, кому принадлежит владычество в данный период. И те и другие нужны любому обществу, построенному на разделении функций. Государственная власть принадлежит одному из сословий, но никогда — всему обществу. Разумеется, правящая элита всеми силами маскирует этот факт, объявляя себя «всенародно избранной», «выражающей интересы всей нации» и т. п. На самом деле правящее сословие думает и печется главным образом и прежде всего только о своих интересах. Это особенно наглядно проявляется в тот, например, момент, когда одно государство завоевывает другое. Обычно рядовые граждане оказывают отчаянное сопротивление агрессору. Но правящее сословие, стоит только завоевателям пообещать, что его привилегии сохранятся и при новой власти, сразу же становится на их сторону.

Представление о разделении функций в обществе известно давно. В наиболее четком виде оно было реализовано в Древней Индии, при установлении кастового строя. Все население делилось на четыре варны (сословия): варна брахманов, жрецов (говоря современным языком, интеллектуалов), варна кшатриев, воинов (людей, находящихся на службе,— чиновников, солдат и т. д.), варна вайшьев, свободных людей — торговцев, земледельцев, ремесленников (буржуазия), и низшая

варна — шудр, которым поручались самые тяжелые и грязные виды физического труда.

Французский ученый Жорж Дюмезиль обнаружил отголоски этих представлений в фольклоре многих индоевропейских народов, считая их присущими только их предкам. Но, при внимательном рассмотрении, оказывается, что такой же взгляд на устройство общества присутствует в фольклоре и многих других народов.

Древнегреческий философ Платон изложил в своем труде «Республика» свой взгляд на идеальный строй, основанный на разделении людей на три сословия — философов, которые управляют, воинов, которые сражаются, и земледельцев и ремесленников, которые создают богатство (вне остаются рабы).

Казалось бы, эти древние воззрения — только продукт своего времени, нечто, оставшееся в далеком прошлом. На наш взгляд, однако, это не так. Современное общество продолжает строиться на разделении труда и функций, а стало быть, сохраняются и сословия, но не в столь жесткой форме, поскольку возможности перехода в другое сословие намного расширились и факт рождения не является препятствием, скажем, для сына кузнеца стать профессором теологии, или миллионером, или генералом.

* * *

Сословие, находящееся у власти, выдвигает из своей среды правящую элиту — своего рода мафию. Обычно под словом мафия понимают группу уголовных преступников, занятых разными нехорошими делами — грабежами, убийствами, вымогательством, торговлей наркотиками и т. д. Но при чем здесь государство? В. И. Ленин очень точно определил государство как аппарат насилия, подавления. Здесь и кроется тайна сути государства — это власть одного сословия над всем обществом, осуществляемая на основе силы. Правящее сословие сосредоточивает в своих руках все три вида власти — экономическую, политическую, идеологическую. И поскольку в борьбе за власть законы нравственности только создают помехи, постольку участники этой борьбы, объединяясь в организации, создают, по сути дела, мафии и пользуются теми же правилами. Можно сказать, что мафией является любая организация, которая борется за власть, — она неизбежно будет пользоваться обма-

ном, демагогией, террором — одним словом, всеми видами насилия — любая партия, общественно-политическое движение и т. п. Почему? Потому что иначе оно проиграет. Борьба за власть — не рыцарский турнир, и тот, кто хочет добиться успеха в ней, должен быть готов на все. «Политика — грязное дело». И, как очень точно сказал в одном из интервью Георгий Гурджиев, люди, которые хотят участвовать в политике и оставаться честными, или наивны и просто путаются под ногами у профессионалов, или рискуют стать орудиями в руках других.

* * *

Можно представить себе такую картину: население некоей страны, участвуя в «демократических» выборах, невзирая на подкуп, демагогию, щедрые посулы, фальсификацию результатов на местах и т. п., все-таки выбрало в президенты чрезвычайно честного, умного, высокопрофессионального человека, народолюбца и гуманиста. На другой день после выборов к нему явятся дяди с большими карманами или большими погонями и скажут: «Будешь делать то, что мы скажем, или...», а далее последует большой выбор неприятных вариантов будущего. Потому что в мире правит сила — деньги, оружие и демагогия. Почему?

— Потому, — отвечают религиозные мыслители, основываясь на священных писаниях, — что человек есть преступник и потомок преступников. Таково огромное большинство людей; тех, кто искупил свои грехи и преодолел последствия грехопадения наших предков (в чем оно состояло, еще предстоит разобраться), — счистанные единицы — праведники, святые, пророки. Каждый день каждый человек преступает границы нравственности; и речь идет не о рецидивистах, а о нас с вами — каждый лжет, лицемерит, лебезит, лжесвидетельствует, клеветает, сплетничает, предает. Этому списку человеческих пороков нет конца. И кто может сказать: «Ну, я соврал. Подумаешь, грех!» Но у нас нет весов, взвесив на которых, мы могли бы сказать, что данный грех велик, а другой мал. Мы не знаем, каковы будут последствия нашего, казалось бы, «проступка».

Автор не хотел бы выглядеть в глазах профессионального читателя доморощенным моралистом. Все это

«уж сколько раз твердили миру, но только все не впрок». Автор пытается честно ответить на вопрос: почему нигде и никогда человеческое общество не могло обустроиться на началах правды и справедливости, приходя в итоге к ответу Ф. М. Достоевского: «Зло сидит в людях глубже, чем думают господа социалисты». Древний спор о том, что новорожденный человек — чистый лист (табула раса), на котором можно начертать что угодно, или он рождается с определенными задатками, склонностями и чертами характера, выигран теми, кто придерживался второго мнения. И слава Богу, что это так. Иначе давным-давно нашлись бы диктаторы, которые стали бы лепить из людей послушных роботов, «новых людей». Многие такому воспитанию, дрессировке поддаются, но все — никогда. Художественная литература часто и точно отражала этот процесс омертвления. Всего два примера. В повести Н. В. Гоголя у вполне благополучного, всем довольного майора Ковалева с лица совершенно бесследно и без видимой причины исчезает нос. Нормальный человек стал бы биться над этой загадкой, перебрал бы всю свою жизнь до мелочей, во всем усомнился, т. е. заглянул в себя. Но как воспринимает все это майор и что предпринимает? Как неполадки в механизме своем и, стало быть, в государственном — ведь он его часть. Поэтому он обращается в полицию, жалуется начальству и т. д. Иначе говоря, требует исправить, починить его механизм — так гражданин, у которого сломались часы, обращается к часовщику. Когда же нос так же неожиданно водворяется на свое законное место, бравый майор сразу же забывает об этом странном происшествии и возвращается к прежней жизни. Так машина, в которую вставили выпавшую деталь, снова начинает работать в заданном ритме.

Иван Денисович, герой повести А. И. Солженицына, — узник Гулага. Чего же добивается от него, бывшего крестьянина, лагерное начальство, поставленное над ним государством? Одного — чтобы Иван Денисович стал роботом: поел, поработал, поспал, опять поел, поработал, поспал, ни на шаг не отклоняясь от этого ритма. Повесть замечательна, на мой взгляд, тем, что показывает, как человек всеми доступными ему в лагерных условиях мерами пытается остаться человеком, сохранить внутреннюю свободу (которой тот же майор Ковалев лишился полностью). Государство — не организм,

оно — механизм, в котором хорошо майорам Ковалевым, но плохо Иванам Денисовичам.

* * *

Но если государство есть нечто враждебное человеку, почему же оно существует так долго? Почему нельзя обойтись без него? Потому что человек есть существо, в котором борются два начала — стихийно-вождеющее (душа) и рассудок, начало механическо-волевое. Вот тот круг, в котором заключено божественное, гармоничное — дух. Но только немногие могут стать людьми духа, потому и живут в памяти всех народов имена праведников и святых. Удел большинства — метаться между властью механического и стихийного, каждое из которых пытается подчинить его целиком. Если полностью побеждает первое, человек превращается в робота, живую машину, если второе — в игрушку своих страстей и желаний, в бешеного зверя.

Поэтому-то и нужно государство: нужно и майору Ковалеву, и крестьянину Ивану Денисовичу, и многим, многим другим, почти всем нам, — как регулятор наших отношений, закон, сила, противостоящая человеческому своеволию и тяге к произволу. Да, конечно, оба эти начала непримиримы из-за противоположной их направленности. Государство, являясь порождением механического начала в человеке, выступает по отношению к нему как нечто внешнее, чуждое, стремясь сформировать его по своему образу и подобию и пользуясь внешними же средствами. Но изменить человека может только сам человек. Возможность достичь состояния свободного духа есть высшая милость Бога, дарованная живому существу.

* * *

Деление общества на людей умственного и людей физического труда — несомненно; вопрос в том, кого отнести к ним, поскольку нет того или другого умственного или физического труда в «чистом» виде, умственным является любой труд; иначе это не работа, а просто абсурд (например, пересыпать кучу песка на другое место, а потом обратно; Достоевский, приводя этот пример, писал, что человек может выдержать любые муки и привыкаться к самым невыносимым обстоятельствам, но

выдержать подобный труд не сможет — или сойдет с ума, или убьет того, кто заставляет его делать это).

Но вот, например, буржуа — это представитель умственного труда или физического, тот же фермер? Куда отнести, скажем, режиссера в театре или танцовщика в балете?

Поэтому, может быть, следует делить по принципу: люди, занятые материальным производством, и люди, занятые производством духовным. Стало быть, буржуа попадет в первую категорию, а режиссер и танцовщик — во вторую. Итак, в одной группе крестьяне, рабочие, буржуа, в другой — чиновники, художественная интеллигенция, ученые, священнослужители. В характере первых доминирует начало стихийное, в характере вторых — механическое (особенно, конечно, это ярко проявляется у чиновников). В сфере материального производства руководит буржуазия, в сфере умственного труда — чиновничество, политики. Но власть в государстве все-таки, несмотря на кажущееся «мирное сосуществование», принадлежит или людям злата, на службе у которых состоит сословие людей умственного труда (приходится пользоваться этим определением, поскольку не все они заняты духовным производством в чистом, так сказать, виде); или люди булата берут всю власть в свои руки, и буржуа превращаются из владельцев собственности в директоров заводов, спекулянтов и т. д.

* * *

Тот, кто находится у власти, накладывает отпечаток на все явления жизни в данном государстве. Богатые правят с помощью денег; все продается и все покупается в этом обществе, все представляет собой товар, на который есть спрос или нет спроса. Условно можно разделить буржуазию на четыре группы: уголовную, торговую, промышленную и финансовую. Все они присутствуют с самого начала зарождения буржуазного строя, вопрос только в том, кто на каком этапе преобладает. Можно сказать в таком случае, что основателем власти богатых является бандит, уголовник. На первой стадии этого строя преобладают именно тенивики, а уже потом власть перетекает к торговой, промышленной и в самом конце к финансовой буржуазии — если, конечно, процесс развивается последовательно, ровно. «Все куплю».

Сильные («сословие булата» — администраторы,

военные и прочие) правят с помощью силы, установленного порядка, опираясь на армию и штат чиновников, а также на одно сословие (например, дворян). «Все возьму».

Но если первые, то есть богатые, воздействуют на общество с помощью материальных средств — кого-то стимулировать, кому-то, как говорится, «перекрыть кислород», а сильные регулируют общество с помощью власти в ее чистом виде — административно-военной и основателем такого строя является палач, то с идеологом дело обстоит иначе. И первые, и вторые, в общем-то, требуют внешнего подчинения, в душе ты можешь с ними не соглашаться. Но идеолог требует именно подчинения и внутреннего, и внешнего, он желает подчинить мысли человека — «думай и поступай как велит единственно верная идея», а хранителями и стражами этой идеи идеологи объявляют себя. Основателем идеократии является фанатик. Иногда приходится читать о «конце идеологии». Конечно, все типы власти были всегда и всегда совмещались, с преобладанием одной из них. Государствами, в которых идеология превалировала, считают СССР и Германию периода фашизма, полагая, что это были последние государства в истории, в которых все и вся было подчинено идеологии. На самом деле, конечно, они не были последними в этом ряду, а как раз наоборот; возможно, эра идеократических государств по-настоящему только разворачивается. Усиление влияния науки делает идеократические тенденции еще более явными. Там и сям проводятся конференции и симпозиумы, на которых анализируются вопросы о правомочности вмешательства в генный код (генная инженерия), о методах, с помощью которых можно определять социальное будущее людей, то есть на «научной» основе формировать элиту, которая будет регулировать жизнь общества, превращенного в немнящее, бессловесное и потому «счастливое» стадо, потребности которого будет определять та же самая элита. Средства массовой информации и их бурное развитие, а тем более появление психотронного оружия (может быть, оно уже есть) делают угрозу такой перспективы вполне реальной.

Примеры правления идеологов в той или иной стране — Древний Египет, период правления маздакитов в Иране в раннем средневековье, время инквизиции в Европе и т. п.

Разумеется, нельзя определять формы правления

каждого из этих сословий как однозначно отрицательные. «Нет худа без добра и добра без худа». Идеального строя нет, поскольку нет идеальных людей.

Буржуа строит государство-рынок, чиновник — государство-учреждение или государство-казарму, идеолог — государство-лабораторию. Но у идеократических образований есть одна особенность — они эфемерны и кратковременны. Дело в том, что люди живут не в безвоздушном пространстве, им нужно пить, есть, одеваться и т. п., то есть иметь налаженную экономику, а здесь идеолог бессилен. Поэтому правящая каста быстро теряет свою власть, которая переходит к чиновникам или к буржуа. Это случилось, например, в СССР, где уже через десять-двадцать лет власть перешла в руки номенклатуры, а прежние твердокаменные большевики попали в разряд лишних и закончили свою жизнь в Гулаге. Идеология долго еще влияла на процессы в государстве, но уже в качестве средства, а не цели.

Фактически та партийная элита, которая правила страной в послевоенное время, хотя и выглядела кастой идеологов, ею фактически не являлась, поскольку вынуждена была заниматься вопросами, «жрецам» чуждыми: экономикой, политикой, армией и т. п., и, само собой, своей некомпетентностью раздражала профессионалов.

Но точно так же эфемерна власть сословия людей физического труда, она проявляется только на очень короткие периоды и проявляется как власть стихии — в восстаниях, бунтах, революциях и т. п. Организовать нечто долговременное, прочное это сословие не может.

Таким образом, можно охарактеризовать эти два сословия как подчиненные: люди физического труда, пролетариат, если брать затасканное слово, обеспечивают обществу хлеб насущный, интеллектуалы (интеллигенция, «мыслящий пролетариат») — пищу духовную. И поэтому — в этом смысле Пушкин абсолютно прав — всерьез за власть борются только чиновничество и буржуазия, а пролетариат и интеллигенция могут только склоняться (сами того часто не сознавая) на ту или другую сторону.

* * *

Речь о том сословии, которое неправильно, на мой взгляд, называют интеллигенцией. Потому неправильно,

что под словом «интеллигент» подразумевают человека, не только имеющего образование, но и высоконравственного, и талантливое, и умное. Поэтому и говорят с упреком, когда оказывается, что образованный человек не соответствует такому представлению: «А еще интеллигент!»

Произошла подмена из-за того, что перепутали людей, обладающих духовностью, с людьми, окончившими вуз и занятыми умственным трудом. И это заблуждение укоренилось достаточно глубоко, с ним трудно бороться. Но пора уже понять, что люди духовные встречаются во всех без исключения условиях, а не только среди людей умственного труда. Возникло это заблуждение в России, скорее всего, во второй половине XIX века, в результате того, что образование стало доступным для более широкой массы населения, чем прежде. Разночинцы и преувеличили значение образования до такой степени, что свели к нему все многообразие духовной жизни человека, полагая, что образованный человек и есть человек духовный, а крестьянин, к примеру, таковым быть не может — как же, ведь он университета не кончал. Был поставлен знак равенства между «научным знанием», всегда относительным (а зачастую это знание оказывается грубейшим заблуждением), и духовностью, то есть соединением лучших человеческих качеств — трудолюбия, бескорыстия, мужества, ума и веры. Как-то оттеснялись в сторону те простые факты, что дурак с образованием есть худший тип дурака, что вузы были не всегда, а умные люди были всегда и т. д.

* * *

Попробуем посмотреть на происходящее с максимально общей точки зрения. Если, например, даже в XVII веке события, происходящие в Китае, никак не влияли на социально-экономические процессы, скажем, в Южной Америке, то чем дальше, тем сильнее стало ощущаться единство мира. Мир стал единым и ощутил это — вот то главное, что произошло в XX веке. Все связано со всем. Стало быть, весь мир надо рассматривать как одну страну, пусть он и делится на множество государств; иными словами, провести аналогию между отдельной страной и всем миром. Так была создана модель «цивилизационной триады». Как пишет в своей очень интересной статье «Дрейфующие цивилизации» М. Глобачёв, одним из прообразов этой триады «мы обязаны

сыну Востока Мао Цзэдуну, поделившему ойкумену на сверхдержавы: «мировой город» и «мировую деревню», что дало повод московским идеологам обвинить его в предательстве заветов марксизма. На Западе же ряд положений его схемы был основательно развит».

Далее М. Глобачев кратко излагает общий смысл схемы: «Современный мир распадается как бы на три ареала: высокоразвитые страны условного Севера, по преимуществу среднеразвитые государства бывшей советской сферы влияния и традиционалистские общества слабо развитого Юга. Граница между ними постоянно размывается: выползая из «мировой деревни», на «город» активно надвигается «мировой бидонвиль» (по-русски: слобода, или посад, жилое пространство между градом и весью, отделившееся от сельских корней, но не вросшее в чисто городской быт). Здесь позабыт прежний уклад общинных ценностей и не выработаны адекватные новые отношения. Социально-психологическая доминанта — эрозия всех структур и разобщенность людей, «всеобщее смешение и упрощение» (К. Н. Леонтьев) — атомизация со скудными остатками родственных и этнических привязанностей» (Дружба народов. 1992. № 9).

Приведем еще цитату из этой работы, дающую одно из объяснений тому, что происходит на территории бывшего СССР: «Этнические конфликты как таковые, конечно, имеют место во всех этих краях, но они составляют лишь внешнюю оболочку событий. В глубине их — бесконечное дробление интересов на стыке тектонических плит цивилизаций. В «первом мире» («мировом городе». — М. Дж.) они согласуются благодаря тонким механизмам общественного договора; в «третьем» («мировой деревне». — М. Дж.) — еще слабо вычленены из бытия общины и до поры подавляются ею. Там же, где оба крайних уклада поглощены разбухшей сверх меры «слободой», дробление интересов оборачивается коллективным безумием. Интересы всех и каждого так далеко разбежались друг от друга, настолько изолированы психологически и не поддаются взаимной увязке, что люди пытаются достичь их, находясь как бы не в реальной человеческой и природной среде, а в безжизненном пространстве среди манекенов и муляжей, являющихся всего лишь безучастными объектами приложения тех или иных сил».

Итак, превращение целых стран и регионов в пригород, слободу, отделяющую «мировую деревню» от «мирового города», вызвало распространение того типа личности, который именуется «маргинальным», то есть человека, находящегося как бы между полюсами, в нейтральном пространстве, и обладающего особой психологией, двойственной и двоящейся. Он сохраняет слабые остатки прежней, крестьянской системы ценностей, потеряв их суть, и приобретает только зачатки новой, городской культуры. Поэтому все его связи с обществом крайне слабы, а интересы сосредоточены только на самом себе. Но, поскольку «человек один не может», маргинальной личности приходится пускаться на поиски общности, в которую он может вписаться. И здесь, сталкиваясь с массой таких же, как и он сам, выбитых из привычного уклада одиночек, маргинал обнаруживает, что такого сообщества, основанного на естественной общности интересов и выгод, вокруг него нет. Болезненное ощущение одиночества и слабости вместе с желанием ощутить в себе силу, которую дает коллектив или хотя бы масса, или просто толпа, приводит маргинала к мысли, что такое, нужное ему сообщество нужно создать. Самый легкий и быстрый путь к этому — идеологический: пара броских лозунгов, призывы к объединению против тех или иных врагов и т. п. Преизобилие призывов к объединению — показатель отсутствия единства, признак сильной атомизации общества. (Не случайно, что чаще всего такие призывы звучали в странах социалистического лагеря — бастионе «мировой слободы»). Естественно, что достичь такого единства легче всего, выдвинув и создав образ врага. Маргинальное общество всегда будет раздувать и поддерживать этот образ, потому что с его исчезновением исчезает и необходимость объединяться, все рассыпается и наступают новые поиски. Разумеется, в этом образе концентрируется все отрицательное, в образе «своих» — все положительное. Иначе и быть не может: ведь маргинальная личность и маргинальное общество стоят посередине, иначе они мыслить не могут — только парными оппозициями. Именно такими потребностями объясняется непомерно большая роль идеологии в государствах, представляющих «мировой посад»; и крушение идеологии означает крах общества, быстрый распад на множество мелких установок — вза-

мен рухнувшей официальной, государственной. Поскольку любой человек, а маргинал в особенности, ощущает жгучую необходимость в причастности к какому-либо человеческому сообществу, эти установки могут быть какими угодно, лишь бы они выполняли главную цель — дать иллюзию силы и единения. Поэтому воздух, атмосфера такого общества, состоящего из людей середины, — воздух провокации. Здесь все иллюзорно, все двойится, и любой человек оборачивается не тем, кем казался только что, — это граница двух миров.

Одним словом, маргинальное общество — это общество, в котором возможно все, поскольку оно состоит из людей, слабо или вовсе друг с другом не связанных, не имеющих под собой общей почвы (ни в городе Богдан, ни в селе Селифан). Именно такую картину «дрейфующих цивилизаций» мы и наблюдаем в СНГ. Внутри бывшего Советского Союза М. Глобачев относит национальные миры прибалтийских республик к «городу», народов Средней Азии — к «деревне». И в тех, и других роль маргинального элемента невелика, в отличие от славянских республик.

* * *

Что касается Северного Кавказа и населяющих его народов, то все они в большей или меньшей мере захвачены этим общемировым процессом, то есть разграничением на три названных ареала как внутри своего региона, так и на фоне всей российской «слободы». «...Настоящий — не имитируемый — традиционализм не совместим не только с прогрессом, но и с элементарным технологическим комфортом, — пишет М. Глобачев. — Побеждает, как правило, последний; в случае даже частичного восстановления традиционных идей и обычаев (как в Иране) неизбежна деградация техносферы, сколько-нибудь устойчивые симбиозы исключаются».

Традиционный уклад, а вместе с ним и традиционные культура и система ценностей народов Кавказа претерпели в XX веке радикальную ломку в результате социалистических экспериментов (коллективизация, выселение и т. д.), понеся страшный урон. В связи с развитием промышленности процесс разрушения «деревенской» культуры пошел семимильными шагами. Некоторые национальные движения еще пытаются, вполне, впрочем, сознавая безнадежность таких усилий, возродить утра-

ченное, вернуться к ценностям прошлого. (Что касается именно балкарцев, то маргинальный элемент среди них уже велик; большая часть населения, живущая в селениях, инстинктивно и в силу прирожденного консерватизма хотя и держится за традиции, но доля маргиналов постепенно увеличивается).

Увеличение доли маргинального элемента в разной степени заметно у всех народов Кавказа — где больше, где меньше. И этот процесс ускоряется с каждым годом. Взглянув на карту, легко заметить, что Кавказ представляет собой густую сеть городов, средняя численность населения которых колеблется от пятидесяти до трехсот тысяч. Эти города расположены недалеко друг от друга, в 60—100 километрах, и окружены множеством селений, фактически превратившихся в пригороды, «слободы», чему еще больше способствуют современные средства передвижения,— от любого, самого отдаленного, селения до ближайшего города не более часа-двух езды на автомашине. Этнограф или социолог, пожелавший исследовать процесс перехода «мировой деревни» в «мировую слободу», нашел бы на Северном Кавказе самую благоприятную почву для деятельности, тем более, что этот процесс у разных народов находится на разных стадиях.

На первый взгляд, процесс маргинализации выглядит и представляется ростом самосознания того или иного народа. Но, если быть точным, это не совсем так. Атомизация общества, как уже было сказано выше, вызывает в человеке потребность ощутить себя членом, частицей какого-нибудь коллектива, существующего на данный момент, а таковым является народ, к которому человек принадлежит самым фактом своего рождения, эту общность не нужно создавать. К этому коллективу и обращается мысль маргинала, немедленно начинающего декларировать и эксплуатировать какую-либо национальную идею, причем зачастую и не очень важно, какова эта идея,— важно то, что благодаря ей создается круг людей, занятых одним делом. Если человек «деревенской» или «городской» культуры, прекрасно осознавая свою принадлежность к определенной нации, относится к этому факту спокойно, как к чему-то само собой разумеющемуся, как к одному из фактов биографии, то маргинал будет всячески выпячивать свою национальную принадлежность, говорить об этом к месту и не к месту— ведь это для него единственный способ связи с другими

людьми, но еще и способ состояться как личность, точнее, ощутить себя личностью. Болезненное декларирование национальной принадлежности, выдаваемое за защиту национальных интересов, и выглядит зачастую как рост национального самосознания (иное дело, когда народ действительно ущемлен в своих правах и требует их возвратить). По этим же причинам маргинальная личность всегда склонна к идее национальной исключительности; таким способом маргинал, не имеющий настоящего творческого потенциала, пытается возвеличить себя, а не свой народ — он для маргинала только средство.

Политические последствия таких процессов предвидели многие мыслители. Стоит упомянуть в этой связи интересную статью Г. П. Федотова «Будет ли существовать Россия?», опубликованную в Париже в 1929 году. Много из того, что предвидел Федотов еще тогда, сбылось в наши дни с поразительной точностью. Мы приведем здесь несколько цитат из этой статьи. Необязательно, конечно, соглашаться с оценкой, которую прямо или косвенно дает будущим событиям Федотов, — важно оценить предвиденные им факты.

«...Никто не станет отрицать угрожающего значения сепаратизмов, раздирающих тело России. За одиннадцать лет революции зародились, развились, окрепли десятки национальных сознаний в ее расслабевшем теле. Иные из них приобрели уже грозную силу. Каждый маленький народец, вчера полудикий, выделяет кадры полуинтеллигенции, которая уже гонит от себя своих русских учителей. Под покровом интернационального коммунизма в рядах самой коммунистической партии складываются кадры националистов, стремящихся разнести в куски историческое тело России. Казанским татарам, конечно, уйти некуда. Они могут лишь мечтать о Казани как столице Евразии. Но Украина, Грузия (в лице их интеллигенции) рвутся к независимости. Азербайджан и Казахстан тяготеют к азиатским центрам ислама.

С Дальнего Востока наступает Япония, вскоре начнет наступать Китай. И тут мы с ужасом узнаем, что сибиряки, чистокровные великороссы — сибиряки, тоже имеют зуб против России, тоже мечтают о Сибирской Республике — легкой добыче Японии».

Интересен взгляд Федотова на национальную политику царской России. Она, по его мнению, «тяжкая для

западных, культурных (ныне оторвавшихся) ее окраин — для Польши, для Финляндии (то есть для народов, близких к «мировому городу». — М. Дж.) — была, в общем, справедлива, благодетельна на Востоке» (то есть для народов с традиционной, «деревенской» культурой). Федотов, таким образом, подтверждает срединное, маргинальное положение России, положение «слободы», о чем, естественно, он не подозревал.

И последняя цитата: «...Большинство народов, населяющих Россию, как островки в русском море, не могут существовать отдельно от нее; другие, отделившись, неминуемо погибнут, поглощенные соседями. Там, где, как на Кавказе, живут десятки племен, раздираемых взаимной враждой, только справедливая рука суперарбитра может предотвратить кровавый взрыв, в котором неминуемо погибнут все ростки новой национальной жизни».

* * *

Разумеется, нельзя во всем согласиться с Федотовым, особенно с его идеализацией дореволюционной России и ее национальной политики: «Восток легко примирился с властью Белого царя, который не ломал насильственно его старины, не оскорблял его веры и давал место в просторном русском доме». Можно ли думать, что эта политика, тяжкая для Польши и Финляндии, как пишет сам Федотов, была действительно легка для восточных окраин? С какой стати русский царь стал бы благодетелем «полудиких» народов? Неужто он любил их больше, чем поляков или финнов? Благодетельность русского самодержавия для народов, входивших в Российскую империю, заключалась, как можно сделать вывод из этой статьи, в том, что если бы их не присоединила Россия, то они попали бы под власть других крупных держав: Кавказ захватили бы турки или персы, Украину — Польша и т. п., а это имело бы для этих народов печальные последствия. Федотов, возлагая все надежды на сохранение империи на русскую культуру, которая единственно одна и может быть центром духовного притяжения для всех населяющих империю народов, как бы забывает о том, какой ценой, какой кровью она (империя) была создана, пытается доказать, что Россия не была типичной колониальной державой со всеми вытекающими из этого факта последствиями и

что империи рушатся не в результате происков «националистов», а в силу объективных причин экономического, социального, политического характера. Разумеется, отрицать действительно благодетельное и мощное влияние великой русской культуры на культуры всех народов России означало бы впасть в грубейшее заблуждение; столь же неприемлемо считать одни народы культурными, а другие — полудикими. Такое разделение не более, чем стереотип, поскольку от «культуры» до дикости всего лишь один шаг. Вряд ли кто-нибудь осмелится сказать, что немцы в начале века были полудиким народом или что таковыми были русские или камбоджийцы. Но разве концлагеря были организованы не теми же «культурными» немцами? Разве те, кто рушил храмы по всей России и сгонял народ в ГУЛАГ, были иностранцами, и разве не камбоджийцы, с их тысячелетней культурой, убивали мотыгами других камбоджийцев на глазах у всего мира? Нет на свете диких или полудиких народов. Есть нации, которые преуспели в науке, технике, образовании, и есть те, которые в этих областях отстали, — только и всего. Оказывается, что обладать устойчивой нравственностью может только личность, а не вся нация, не весь народ. Впрочем, весьма возможно, что Федотов употребил слово «полудикие» в смысле «необразованные, невежественные».

Но если отвлечься от оценок, которые дает событиям и причинам, их порождающим, Федотов, то глубина его прозрений поражает. Можно полностью согласиться и с той интегрирующей ролью, которую может сыграть только русская культура, — если найдутся силы, которые не дадут ей стать прошлым, найдут связующую нить, порванную катаклизмами нашего века. Но еще важнее та роль суперарбитра, которую, по мысли Федотова, должна сыграть Россия при разрешении споров между малочисленными народами. Захочет ли она играть эту роль? Или, что тоже вполне вероятно, изберет старую, подленькую политику всех империй — «разделяй и властвуй»? Но второе означало бы полный крах самой России в результате усиления центробежных сил и постоянной напряженности, ослабляющей государство.

Создание СССР было попыткой спасения великой империи в прежних границах от полного краха, грозившего ей в 1917 году. Через семь десятилетий Союз развалился. Помимо внешних причин и усилий противостоявших Союзу стран (о которых можно только га-

дать), было множество и чисто внутренних, например такая. Известно, что психический склад творца всегда отражается в его творении, как и его мировоззрение. Творец СССР, Иосиф Сталин, был по своему психическому складу фанатиком-экспериментатором. Естественно, он сделал из страны то, что было ему ближе и понятнее всего,— тюремную лабораторию. Точно так же, если бы он был религиозным фанатиком, государству старались бы придать черты церкви или мечети. И вот с началом «перестройки» народу дали гласность, но не дали занятия, не организовали сразу же его труд. Разумеется, заключенные кинулись рушить свою тюрьму. Что касается создания СНГ, то у Б. Н. Ельцина не было выбора: или нужно было дать двум десяткам автономий России статус союзных республик, устранив нелепое деление народов на полноправных и неполноправных, в результате чего от самой России мало что оставалось бы, или бросить на произвол судьбы союзные республики, но сохранить автономии в составе России, чуть подняв их статус. Борис Ельцин предпочел второе.

* * *

Но было еще и нечто другое, более глубинное. Отцы-основатели социализма полагали сами и внушали другим, что социалистический строй есть строй новый, что подобного строя в истории человечества не было (распространенное и поныне заблуждение). Как прекрасно показал в своей книге «Есть ли у России будущее?» Игорь Шафаревич, тот режим, который был в Древнем Египте или, например, в государстве иезуитов в Перу, немногим отличался от того, который властвовал в СССР. В самом деле, какая разница, объявить ли всю собственность принадлежащей фараону или государству? Никакой. Все дело в том, что между глубокой древностью, эпохой, когда понятия собственности еще нет и все мыслится ничьим, и эпохой, когда появляется и господствует понятие «мое — не мое», лежит период промежуточный — «наше — не наше», с которым связано появление самых первых, примитивных государств. С одной стороны, понятие собственности уже есть, с другой — она считается общей, принадлежащей роду — племени. Стало быть, нужны особые люди, которые справедливо будут делить плоды общественного труда,— чиновники, которые и становятся действительными хозяевами всех

богатств, хотя и не говорят об этом вслух. Таким образом, социализм есть возрождение тех социально-экономических отношений, на которых базировались самые примитивные государства, с их стремлением регулировать и контролировать все и вся и потому обреченные на застой. Ничего нового в идее социализма не было.

* * *

Данное отступление от темы необходимо, чтобы хоть в какой-то мере показать всю сложность того времени, в которое мы живем. В особенно трудном положении оказались малочисленные народы. Гул и грохот, которыми сопровождается конец эпохи, заглушают их слабые голоса — не до них.

«Мировая деревня», — пишет М. Глобачев, — как субъект культурной экспансии относительно маломощна, «посад» же и вовсе импотентен в этом качестве. Но, защищаясь от давления модернизации, они непрерывно выдвигают и стремятся внедрить «в тыл врага» свои идеологические «авангарды» в виде различных форм фундаментализма («мировая деревня») или леворадикального популизма («посад»).

Но дело не только в том, что «деревня» и «посад» стремятся защититься от идеологического давления «города», но и в том, что прежде всего они пытаются защититься от давления экономического. Если «мировая деревня» практически была беззащитна от использования городом ее экономических ресурсов (создание колониальных империй) и остается таковой и поныне, то страны, перешедшие в категорию «слободы», «посада», начинают сопротивляться. В категорию «мировой слободы», видимо, надо включать, кроме стран бывшего соцлагеря, и многие арабские государства, обеспечивающие себя за счет продажи нефти и газа. Развал СССР, как лидера «мировой слободы» и как супердержавы, чья проарабская позиция обеспечивала в той или иной мере баланс сил, привел к тому, что «мировой город» и его лидер — США — получил гигантский перевес и возможность оказывать огромное влияние на все процессы в мире, без оглядки на противостоявший коммунистический лагерь. Но поскольку свято место пусто не бывает, то на роль лидера «мировой слободы» неминуемо выдвинется другое государство — скорее всего Китай. И, если Россия в будущем займет однозначно прозападную по-

зицию, следует ожидать создания блока арабских стран с Китаем.

Мир стал действительно единым, благодаря средствам транспорта и массовой информации, и хорошо осознал свое единство. И в этих условиях вековая борьба «людей злата», «людей булата» и идеологов за власть, но теперь уже не в отдельных странах, а во всем мире, приобретает черты вселенские, грандиозные. Если прежде, например в античности или в средневековье, в одной стране управляли буржуа (купцы), а в другой — чиновники, и они, часто не подозревая друг о друге, могли сосуществовать, находясь как бы в разных измерениях, то теперь это невозможно. Кто-то должен властвовать в «мировом городе», окруженном «мировым посадом», за которым простирается «мировая деревня». Созрели мощные силы, уже вступившие на путь этой борьбы за власть над миром, которая становится все острее. Финансовая олигархия, с ее ненавистью ко всяким границам, перегородам, разделяющим страны и народы, рассматривает их как помехи мировой торговле, временное зло, которое подлежит устранению, как только наступит удобный момент. Идеологическим оружием этой олигархии служат различные виды космополитизма, нивелирующего все и вся, пропагандирующего, конечно, исподволь, культ денег, ставших мощной силой благодаря превращению доллара в мировую валюту — для нее барьеров уже нет.

«Сословие булата» (чиновники), наоборот, сделало ставку на национализм, выдвигая на первый план борьбу за развитие и выявление национально-самобытного, — конечно, вовсе не потому, что «люди булата» являются более патриотами, чем «люди злата». Ответ заключается в том, что у чиновничества нет достаточно сильного оружия против силы денег, которыми искусно пользуется противник. Кроме того, если в стане мировой буржуазии лидирующие группировки уже определились, то чиновничество таких лидеров выявить не смогло — для этого нужна идеология, новая теория. Вполне возможно, впрочем, что таковой станет подновленный социализм, если он сумеет преодолеть глубокий кризис, постигший его в конце тысячелетия. Не случайно это учение с самого начала претендовало на власть над всем миром — ни больше и ни меньше. В том, что тот социалистический строй, который существовал в СССР и других странах социалистического лагеря, являлся по своей сути порожд-

дением чиновничества, армейского духа (ведь военные — это те же чиновники, служащие), сомневаться не приходится. Стоит обратить внимание хотя бы на господствующие речевые штампы: «лагерь социализма», «битва за урожай», «передовой отряд рабочего класса» и т. д. и т. п. Даже пионеры ходили по улицам по-армейски — с барабаном, горном, со знаменем. Всюду дух иерархии — а без этого чиновничество не может, — всюду: даже спортсмены делятся чуть ли не на десяток рангов: третий разряд, второй, первый, кандидат в мастера спорта, заслуженный мастер спорта. То же и в науке, и на производстве — всюду.

* * *

Но может оказаться и так, что на роль идеологии мирового чиновничества в его борьбе за устройство мира на тех началах, которые близки ему, станет претендовать фашизм. Это, правда, менее вероятно, поскольку фашизму нужно будет отказаться от стержневой для него идеи о превосходстве одной, «избранной» нации и приобрести черты, делающие его приемлемым для чиновничества разных стран. Над фашизмом, в частности германским, с самого начала витал дух феодализма, то есть упование на мощь одного народа, который сумеет подчинить себе силой весь остальной мир. Точно так же социализм, провозгласив мессианскую роль пролетариата, рассчитывал с его помощью покорить весь мир. Но социализм объявлял лишним, в отличие от фашизма, не ту или иную нацию, а класс, то есть старался опереться на более интернациональную базу. Крушение и фашизма, и социализма (конечно, только временное) показало, что ни тот, ни другой путь не ведут к успеху. Поэтому в будущем следует ожидать появления идеологии тоталитаризма, провозглашающей интернационализм в качестве стержневой идеи. Одновременно этой новой идеологии, дающей обоснование всемирной власти чиновничества, нужно будет отказаться от провозглашения ненужности буржуазии и придумать механизм, лишаящий ее возможности пользоваться властью над экономикой и финансами, то есть оставить ей какую-то долю частной инициативы и превратить ее одновременно в чиновников. Разумеется, буржуазия с этим смириться не захочет (один из таких механизмов уже придуман — прогрессивное налогообложение: чем больше доходы, тем

выше налоги). Но это в будущем. Пока что побеждают «люди злата», поскольку пользуются легко управляемой силой — деньгами и товарами. Кроме того, у мировой буржуазии есть мощная опора в лице США — ее база и ее витрина. Базой и опорой тоталитарных режимов (т. е. стран, где у власти находилось чиновничество) служил прежде Советский Союз. Это была опора, но не витрина — слишком низкий жизненный уровень населения позволял выполнять эту роль только с помощью пропаганды, но реальность быстро опрокинула мифы о благосостоянии, благополучии и процветании советского народа.

Нельзя думать, что подобными мифами не пользуется и буржуазная пропаганда, выставляя в качестве своих достижений уровень жизни в США, Японии и Западной Европе. Но если социалистические страны делали это очень грубо — в жизни было одно, а говорилось совсем другое, противоречие и обман были очевидны, то буржуазная пропаганда действует тоньше — демонстрируя витрины магазинов, набитых товарами, но умалчивая, как они добыты и благодаря чему; умалчивается о том грабеже, которому подвергаются слаборазвитые страны, вынужденные продавать свое сырье в обмен на бытовую технику, одежду и т. п. и особенно оружие, точно так же, как некогда народы Африки меняли золото и слоновую кость на зеркала, бусы и винчестеры. Если бы «мировой город» опирался только на свои ресурсы, в частности нефть, вряд ли положение его было бы таким, как сейчас.

* * *

Вывод, к которому можно прийти на основе сказанного, гласит, что первым властелином планеты будет мировая буржуазия, она выиграет битву. Но, разумеется, победа ее будет не окончательной. Являясь организатором экономики, буржуазия взывает в борьбе за умы людей к понятиям свободы и демократии, прав личности, прежде всего к свободе экономической, обещая сытую, обеспеченную жизнь; взывает, доказывая выгоды материальные. Понятно, о том, что многие в этой борьбе за преуспевание останутся за бортом, идеологи буржуазии умалчивают. Если же кто-то об этом напоминает, следует резонный ответ: «Разве все люди равны по своим способностям, дарованиям, характеру и т. д.? Нет. Стало

быть, это самой природой заложенное неравенство должно отражаться во всех сферах — в обладании имуществом, властью и т. д. Но преуспевшие должны помогать слабым». Против этого трудно возразить. Однако, если всмотреться в ту перспективу, к которой ведет общество управляющая им буржуазия, мы заметим, что в конечном счете свободная конкурентная борьба в сфере производства кончается чрезмерной концентрацией национальных богатств в руках небольшой группы магнатов, ростом безработицы и преступности, обнищанием масс, а затем социальным взрывом. Единственной мерой, которая способна более или менее продолжительное время поддерживать социальную стабильность в буржуазном обществе, является подпитка бедноты за счет населения другой или других стран. Если же такой возможности нет, наступает час чиновничества, армии и возглавляющего их диктатора. Только чиновничество может обеспечивать социальный мир — оно опирается на силу, которая приведена в действие требованием порядка, его необходимостью для общества и регулирующего начала. Но, подобно тому, как власть буржуа приводит в конце концов к хаосу в социальной сфере, поскольку он стремится к неограниченной власти над всеми богатствами, точно так же власть чиновника с его стремлением к регуляции всего и вся приводит к полнейшему застою, и в первую очередь в сфере экономики. Общество начинает задыхаться, ему снова нужна «свобода», и на престол вновь садится буржуа. Цикл повторяется.

* * *

Конечно, это только грубая, самая общая, схема. При большей ее детализации выявится множество переходов, компромиссов и вариантов. Но это уже, так сказать, детали, к нашей работе не имеющие отношения.

Другое дело — вопрос о роли двух других сословий в этой борьбе: сословия людей физического труда и сословия людей труда умственного (для краткости назовем их пролетариатом и интеллигенцией).

Вся физическая мощь общества сосредоточена в пролетариате как основной массе населения любой страны. Поэтому задача и буржуа, и чиновника в их борьбе за власть над обществом заключается, главным образом, в том, чтобы привлечь на свою сторону эту огромную

силу. Тут-то и выступает на арену интеллигенция, рьяно начиная обосновывать необходимость смены общественного строя, служа или чиновничеству, или буржуазии — в зависимости от того, кто из них является восходящим сословием. Это как бы составители заклинаний (прокламаций, листовок, памфлетов, манифестов, брошюр, ученых трудов, издатели газет и журналов и т. д.), с помощью которых восходящее сословие ставит себе на службу «подземные», стихийные силы народных масс. Победитель — чиновник или буржуа — получает все (или почти все), чего добивался. Парадокс заключается в том, что два сословия, которые несли основную тяжесть борьбы — пролетариат и интеллигенция, не получают ничего (или почти ничего) в материальном плане или плане власти над социальной сферой. Единственное их приобретение в ходе истории — увеличение степени личной свободы и связанных с этим «прав». Большая часть рабочих остается рабочими, большая часть интеллигенции — тем же «мыслящим пролетариатом», которым она была и до того. Не случайно после всех революций оба эти сословия начинали чувствовать себя обманутыми — «за что боролись?».

Вспомним хотя бы два произведения Алексея Толстого — «Гадюка» и «Голубые города», герои которых переживают трагедию столкновения мечты, путь к воплощению которой они видели через победу революции, с грубой действительностью, в которой их мечтам нет места, они никому не нужны, — ни их мечты, ни они сами с их прямоотой и полнейшим нежеланием приспособляться к новым условиям. «Царство Мое не от мира сего».

* * *

Разбушевавшуюся народную стихию, кто бы ни победил в революции — буржуа или чиновник, приходится умирять диктатору с помощью армии — в Англии эту роль сыграл Кромвель, во Франции — Наполеон. Но заметим, что оба они были на службе у буржуазии и оба захотели установить господство нового чиновничества и обоим это не удалось, поскольку восходящим сословием их эпохи являлась буржуазия. Что касается России, то, позволив буржуазии на короткий период нэпа тешить себя иллюзиями о реставрации капитализма, новое партийное чиновничество во главе со Сталиным беспощад-

но расправилось с ней, а затем и всеми другими социальными слоями, из которых могло появиться новое поколение буржуа. Никогда и нигде, ни в одной стране мира власть чиновников не была столь безраздельной, как в СССР.

Конечно, это крайняя, радикальная форма тоталитаризма, апофеоз чиновничества, доходившего в своих проектах всеобщей регуляции до абсурда, который и не снился Угрюм-Бурчееву, вплоть до мечты о полном подчинении и переделке природы. Как выразился один из героев Андрея Платонова, стопроцентный, законченный бюрократ Шмаков: «Все беды от природы. Вечно в ней что-то происходит...» Это к вопросу о том, чье правление лучше. Все зависит от конкретных условий, менталитета того или иного народа и т. д. А в целом, видимо, «лучше» эпохи зрелого строя — будь страна под властью чиновников или под властью буржуа. Мучительны начало и конец. К тому же общество подобно природе — «вечно в нем что-то происходит». Устроиться раз и навсегда — невозможно. И слава Богу.

* * *

В самом начале XX века появилась знаменитая статья Дмитрия Мережковского «Грядущий хам». Анализируя современную ему ситуацию, Д. С. Мережковский пришел к неутешительному выводу об уже наступающем господстве человека массы, начале эры, в которой тон будут задавать люди середины. Когда достаточно большая масса людей получила доступ к образованию, не все из них обладали достаточными способностями и возможностями для восхождения к высотам, огромное большинство получило минимум, сочтя в то же время, что оно вполне теперь «культурно». Религию такие полузнайки, точнее, религиозную веру, будут считать признаком отсталости и невежества, наступит век атеизма и отказа от моральных ценностей, веками пропагандировавшихся религией. Начинается эпоха невиданных в истории войн и потрясений. Нет надобности пересказывать содержание всей статьи. Для нас важна мысль о том, что невозможно сразу же овладеть достижениями культуры всей массе. Необходимо пройти через период, названный Мережковским в этой статье «мещанским».

Этот период еще не миновал и не скоро, наверное, минет. Слишком мало времени прошло, и слишком бур-

ным оно было, чтобы надеяться на то, чтобы взамен разрушенной традиционной культуры создалась какая-то другая или чтобы отвергнутое возродилось в каких-то новых формах.

Во всяком случае, то несравнимо большее, по сравнению с прежним, количество людей, которое стало учиться в вузах в XIX—XX веках, гордо именуя себя интеллигенцией, на самом деле таковым не являлось и намного уступало в уровне мышления прежним поколениям (если, конечно, брать в целом, а не отдельные исключения, например, гениальных ученых, поэтов и т. д. — выходцев из низов).

Но сама эта новая интеллигенция, точнее, полуинтеллигенция, будет считать себя выше темной массы, не получившей образования, и равной в то же время настоящим интеллигентам — как же, в одних и тех же вузах учились.

Естественно, очень большая часть интеллигенции разделяла столь лестное мнение о своем сословии, полагая, что диплом об окончании вуза есть удостоверение о наличии у нее всех перечисленных выше достоинств, а не просто бумага о том, что ее обладатель проучился пять лет и обладает знанием о том или ином предмете, и то неизвестно, насколько прочным. О способности к обобщениям и открытиям и говорить нечего — она или есть или ее нет, и никакой вуз, и никакая сумма информации здесь не помогут. И, конечно, никакой вуз не научит ни мужеству, ни бескорыстию, ни вере, ни любви к истине. К сожалению, очень многие люди с высшим образованием наивно полагают, что они выше («умнее»), чем люди без оногo — например, чабаны, шоферы или каменщики. Заблуждение, конечно, смешное, но отказаться от него интеллектуалу, представителю «сословия тщеславия», как определил его Гегель, достаточно трудно.

Когда-то интеллигенции подсунули подлую мыслишку о совместимости аморализма и таланта. И, разумеется, отыскались аргументы: что великий Микеланджело Буонарроти, чтобы написать сцену распятия Христа, велел распять живого человека; что Достоевский был завзятым игроком и полусумасшедшим; что Пушкин был отпетым развратником и т. п. Зло было не в том, что в гениальных людях обнаруживали слабости и пороки, а в том, что как бы исподволь внушалось, что гениями они были чуть ли не благодаря наличию у них этих

пороков. Именно эта мысль греет Сальери в трагедии А. С. Пушкина, когда он собирается отравить Моцарта. Моцарт не сомневается в том, что «гений и злодейство — две вещи несовместные». Эта мысль не приходила в голову Сальери, и только после убийства он начинает сомневаться:

Что, если это сказка
Тупой, бессмысленной толпы, и не был
Убийцею создатель Ватикана?

Известно: не кровью подписываются договоры с дьяволом о продаже души, а обыкновенными чернилами, и не к каждому продающему душу он является лично — велика была бы честь. Просто дают совет — напиши о том или ином, власть предержащем, просто подсовывают бумажку — подпиши, дорогой, получишь премию (должность, дачу, звание и т. д.). И подписывают.

* * *

Временное крушение идеологии коммунизма в СССР и развал системы социализма должны иметь последствия громадные. Во всем мире было очень много людей, которые, следя за тем, что происходило там, говорили себе: «Что ж, конечно, не все проходит гладко, трудности велики, ошибки огромны. Но, может быть, в конце концов все образуется?» Теперь эта последняя и самая грандиозная попытка людей построить справедливое общество провалилась. В умах и душах медленно гаснет надежда. С чем же остается рядовой гражданин мирового города, слободы или деревни, думая о будущем?

С одной стороны, на него давит бездушная машина государства, которой нет никакого дела до его повседневных забот и тревог, распоряжаясь его жизнью и временем по своему усмотрению — то посылает его на войну, смысла которой он не понимает, то увеличивает налоги, то в один прекрасный день он оказывается безработным. С другой стороны, ему два тысячелетия говорили, что как человек он равен любому другому, и вот уже два века твердят о его правах. Как ему сладить со своей душой, в чем найти утешение? Это ситуация мирового идеологического кризиса, за которым могут последовать кризисы, экономический и социальный. Крах коммунистической идеологии является крахом всех

государственных идеологий (а она таковой и являлась, в первую очередь). Король оказался голым (и все другие короли — тоже). К сожалению, Ганс Христиан Андерсен не написал, что произошло после и что стал делать король, когда подвластные ему граждане стали смеяться над ним и его портными, а иные, может быть, даже и требовать его свержения. Наверное, приказал позвать полицию и разогнать не в меру разошедшихся граждан. Итак, последнее средство, которое осталось для властителей — открытое применение силы. Без оправданий, без камуфляжа. Или подчинение — или смерть.

* * *

Отделение церкви от государства было огромной ошибкой буржуазии. В борьбе с феодализмом она считала, что религия слишком тесно связана с дворянством, а ее самонадеянные идеологи, как говорится, вместе с водой выплеснули и ребенка. (Большевики, как известно, пошли еще дальше). Ошибкой, потому что только религия способна давать человеку утешение в его тяготах и муках, примирять его с миром. Все, что изобреталось взамен, оказалось недолговечным, а зачастую было и просто нелепым (вроде государственного культа Богини Разума, введенного Робеспьером). И в этом еще раз обнаруживается родство человеческого радио, интеллекта, и его детища — государства, с их стремлением свести к логике и машине все и вся. Дух человека не может удовлетвориться плодом логики, высшее начало в нем рано или поздно обнаруживает подмену: вместо хлеба с небес — камень. Только объявляя себя хранительницей плодов духа, последовательницей заветов Евангелия и Корана, власть может хоть в какой-то мере скрывать свою суть — культ силы.

* * *

Одно из последних произведений Велимира Хлебникова, весьма загадочное, заканчивается словами: «Все умирает». Эти слова — как определение процесса, шедшего в XX веке. Все умирает. Значит, что-то воскреснет.

1993

ДУША БАЛҚАРИИ

1

Национальный характер. Народная душа, душа народа. Ментальная структура, менталитет. Ментальность. Воля народа, народные чаяния. Употребляя эти и другие слова, претендующие на соответствие реалиям, мы часто и не задумываемся: а что же это такое — народная душа, национальный характер, дух народа, наконец? Единственное, что можно утверждать уверенно, — то, что в каждом случае говорящий подразумевает некое соответствие, аналогию единичного человека и личности коллективной, народа, этноса, рассматривая этнос как суперличность. Доказывать верность такой аналогии не является нашей задачей, мы принимаем ее как аксиому: каждый человек является частичкой, клеткой народного организма, который, в свою очередь, является частью человечества, а шире — биосферы.

2

Прежде чем перейти к основному вопросу — о компонентах национального характера балкарцев, следует сказать о том, что является влиянием, скрепляющим мас-

су людей в единый организм, цементирующим началом. Обычно называют язык, территорию, культуру, экономику, сейчас стали добавлять и национальный характер, предопределяющий стереотип поведения в определенных ситуациях. Все это, конечно, верно. Но есть народы, не имеющие территории (цыгане). Есть народы, не имеющие или не имевшие единого языка (евреи до недавнего времени). То же самое можно сказать и об экономике и культуре. Что же остается? Национальный характер, менталитет? Да, но это нечто субъективное, трудноопределимое. Так что же? На наш взгляд, таким скрепляющим началом, если и не для всех этносов, то для огромного большинства, является **НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ**.

Она может быть осознанной данным народом или неосознанной, но она обязательно присутствует в глубинах национального духа, дожидаясь того удобного момента, когда настанут реальные условия для попытки ее воплощения. (Хочу предупредить — все, что будет сказано ниже, никакого отношения к той науке, которая оперирует цифрами и фактами, не имеет).

3

Национальная идея — это деяние, которое хотелось бы совершить данному народу, то, что придает смысл его существованию как единице человечества. Не следует, видимо, путать национальную идею со стремлением создать отдельное, независимое государство, поскольку оно есть только одно из условий для воплощения национальной идеи, но не она сама. Когда можно считать человека самостоятельным, взрослым? Вероятно, тогда, когда он создает свою семью, строит дом и начинает жить по своему разумению и своим трудом. Точно так же можно признать верным определение: «Нация — это народ, который созрел для создания независимого государства». На это не способны ни племя, ни союз племен, ни народность — только нация. Тут играют роль множество факторов (наличие общей экономики, культуры, языка, самоназвания, территории, стереотипа поведения, уровня самосознания и, как следствие всего этого, — появление авторитетного лидера и организации; тут и множество субъективных факторов: сила сопротивления, способность к консолидации, готовность к жерт-

вам во имя независимости и т. д. — все это показывает, являет самому народу и миру неслучайность устремления к независимости).

4

Хотим повторить высказанную мысль — создание независимого государства не есть национальная идея, а есть одно из условий для ее воплощения, может быть, в каких-то конкретных случаях и необязательное. Отсутствие такой национальной идеи губительно для любого народа. Частный человек может жить, и жить долго, вовсе не задумываясь о смысле своей жизни, отдаваясь всем случайностям потока времени. Точно так же может влачить существование и целый народ, однако назвать это жизнью в полном объеме нельзя. Такой народ не может сказать о себе: «Я властелин судьбы, я иду по дороге, которую изначально избрало мое сердце». В одних случаях такой народ, утративший или не нашедший национальную идею, или отказавшийся от нее, влачит существование, в других — заканчивает самоубийством; то же самое происходит с народом, исполнившим свое призвание и не нашедшим его продолжения (или нового призвания). Утрата национальной идеи, чем бы это ни было вызвано, — самое страшное, что может случиться с этносом: незачем и нечем жить.

5

Национальная идея, как и идея, пришедшая в голову индивидууму, может быть ошибочной или неисполнимой, и при усилиях воплотить ее — привести к краху и идеи, и самого этноса. Ведь перед ним, как и перед частным человеком, всегда остается право выбора, то есть та единственная свобода, которая доступна мыслящему существу, — выбрать рабство или смерть, зло или добро и т. п. Смерть этноса в таких случаях может выглядеть случайностью: нападение мощных врагов, эпидемия, междоусобица, гражданская война. Но, как нам представляется, это закономерно, и каждый народ, как и каждый человек, своими деяниями навлекает на себя все грядущие последствия — не в результате того, что миром правит рок, фатум, а как раз наоборот — в результате выбора, обусловленного национальным характером, душой народа.

Пытаясь определить достоинства и недостатки народа, к которому принадлежишь, можно впасть в характерную ошибку: если обнаруживается большое количество пороков, списать это на условия жизни, на исторические беды, которые пришлось претерпеть данному этносу,— мол, в прошлом мы были чрезвычайно замечательным народом, обладали чрезвычайно замечательным менталитетом, но вот произошло то-то и то-то, и мы деградировали, опустились, и надо вернуться, восстановить утраченное и т. д. Второй ошибочный путь — пуститься в похвалы своему этносу, не видя в нем никаких недостатков, или, наоборот, видеть одни пороки.

6

Ни один народ в мире, сохраняющий силу духа и самоуважение, не нуждается ни в похвалах, ни в поношении; ему необходимо в разговоре о нем одно — честно высказанное мнение. Разумеется, это мнение во многом будет субъективным, поскольку даже характер одного человека трудно определить объективно (как замечательно сказал Анри Бергсон: «Человек — это процесс»; тем более это определение приложимо к народу). Но можно полагать, что наряду с чертами, привнесенными в менталитет народа влиянием соседей, условиями жизни, событиями его истории, в нем есть черты неизменные, постоянные, исчезновение которых означало бы попросту исчезновение этого этноса. Определить эти неизменные качества, составляющие самую суть менталитета того или иного народа,— дело чрезвычайно трудное, всегда связанное с риском впасть в грубейшие ошибки, поскольку исследования подобного рода основаны только на наблюдениях. И единственное, что может хоть как-то помочь делу,— это расширить до возможных пределов материал, доступный для исследования, в первую очередь, фольклор, как объективное свидетельство народа о самом себе и непосредственное выражение его духа. Иными словами, это огромный труд, не мыслимый до тех пор, пока не издан свод фольклора. Карачаево-балкарский народ такого свода, к сожалению, пока не имеет. Поэтому данную статью автор рассматривает как предварительную попытку, как подступ к теме. Следует оговориться: речь о балкарском менталитете. Более чем вероятно, что суждения, высказанные мной,— если они

верны — в той же мере относятся и к карачаевцам; но во избежание каких-либо неточностей, могущих произойти от незнания существенных деталей, сейчас лучше ограничиться балкарцами.

7

Возвращаясь к тому, что было сказано выше о национальной идее, добавим, что ее отсутствие или утрата не означают прозябания в смысле нужды, бедности и т. п. Нет, народ может жить вполне обеспеченно и благополучно — это будет прозябание духовное. Одним из показателей такого состояния будет, на наш взгляд, большое число самоубийств и рост эмиграции, а также социальные болезни — распространение наркомании, пьянства, порнографии, проституции и т. п.

8

Национальная идея — нечто до такой степени сросшееся с самим духом народа, то есть с самой его сутью, что, когда попытка ее реализации приводит совсем не к тем результатам, которые ожидалось, целый этнос оказывается в ситуации героини пушкинской «Сказки о рыбаке и рыбке» — у разбитого корыта. На наш взгляд, это случилось на наших глазах с русским народом. Смешно слушать или читать о том, что, мол, большевики обманули великую страну, повели не по тому пути и т. п. Как могла кучка людей, будь они все до одного семи пядей во лбу, обмануть огромный народ, чьим трудом была создана величайшая империя, накоплены духовные ценности мирового значения, достигнуты успехи во всех без исключения областях искусства, науки, производства, военного дела, мореходства, освоения новых земель, имевший многовековой религиозный опыт? Нет, дело обстояло совсем не так.

9

Впервые высказав устами простого монаха еще в XVI веке свое понимание положения России в мире как третьего Рима, русская мысль непрерывно и напряженно размышляла над тем, в чем же особенность России, в чем ее призвание и значение. Еще одним вопросом, стоявшим перед русскими мыслителями, был вопрос о

причинах необычайной мощи, таившейся в русском народе; впрочем, на это дан ответ им самим в былинном цикле о подвигах Ильи Муромца. Расслабленный богатырь, сиднем сидевший тридцать три года, испив святой воды, привезенной из Иерусалима, становится непобедимым. Нет преграды, которую он не мог бы преодолеть, нет противника, равного ему по духу и силе. Так в художественной форме народ осмыслил и выразил свое отношение к принятию христианства. Но эта огромная мощь была направлена по ложному пути и употреблена на создание мировой империи, приведя к неисчислимым жертвам в непрерывных войнах, больших и малых, длившихся целые столетия. И можно только изумляться, что наряду с этим были созданы великие произведения философской, научной и богословской мысли, замечательная живопись, единственная в своем роде литература, огромное количество архитектурных памятников,— всего не счесть.

Но главной причиной, приведшей Россию к катастрофе 1917 года, было расхождение между национальной русской идеей, глубоко укорененной в русском народе, и той истиной, которая была высказана устами Иисуса Христа: «Царство Мое не от мира сего». А национальной идеей русского народа и было как раз построение Царства Божьего на земле. Когда-то, в X веке, Русь приняла при князе Владимире христианство — живую воду, наполнившую ее дух необоримой силой, из уст Кирилла и Мефодия. Через девять веков, при другом Владимире, Россия испила до дна мертвую воду атеизма, не вняв предупреждениям великих пророков — Гоголя, Достоевского, Лескова, Леонтьева и других. Сознательно или нет, угадав национальную идею русского народа, большевики внушили народу, что благодаря учению двух других «братьев» — Маркса и Энгельса — можно построить рай на земле, рай, называемый коммунизмом, пройдя через чистилище, именуемое социализмом. И вот крестьяне рушат церкви, ломают весь уклад жизни, читают по складам «Мы не рабы, рабы не мы», а тем временем вместо рая на земле, вместо страны Ионии, грезившейся Сергею Есенину, вместо мужицкой земли обетованной возводится новая Вавилонская башня, создается Египет на Волге с усатым фараоном во главе и особой кастой жрецов, блюдущих чистоту самого верного учения (Политбюро, ЦК КПСС и т. п.). Настолько велика сила национальной идеи, на-

столько велико стремление народа воплотить ее. На алтарь этой идеи принесены немислимые, неслыханные жертвы, а в конце концов оказывается, что «строители башни» разговаривают на разных языках, что все было обманом; но самое страшное это то, что национальная идея земного рая, понимаемая как максимальное равенство всех со всеми, — идея ложная, что Царство Божье не от мира сего. Вот подлинная причина той великой боли, которую сейчас испытывает дух русского народа, и, по нашему твердому убеждению, любой честный человек, к какому бы из народов России он ни принадлежал, даже к тому, который пережил, как балкарцы, чеченцы, ингуши, карачаевцы, калмыки, крымские татары, турки-месхетинцы и другие, ужасы сталинского геноцида, должен чувствовать себя не только свидетелем этой боли, но и ее соучастником. Есть ли выход и какой — покажет время.

10

Но теперь нам нужно определить, что имеется в виду, когда мы говорим «народ», «нация», или «этнос». Лучшее, на наш взгляд, определение этого явления дано в работах Л. Н. Гумилева. [К сожалению, они стали доступны нам только после завершения данной статьи. Но как бы там ни было, пройти мимо открытий выдающегося историка мы не можем, хотя бы потому, что нельзя говорить о предмете исследования, не сказав о том, что это за предмет и в чем его сущность].

Согласно учению Л. Н. Гумилева, этнос — это «устойчивый, естественно сложившийся коллектив людей, противопоставляющий себя всем другим аналогичным коллективам, что определяется ощущением комплиментарности, и отличающийся своеобразным стереотипом поведения, который закономерно меняется в историческом времени».

Комплиментарность может быть положительной или отрицательной, что и определяет деление на «своих» и «чужих».

Стереотип поведения — есть система навыков (поведенческих), которые передаются из поколения в поколение и складываются в процессе приспособления этноса к окружающей его среде — ландшафтной и этнической. Свои стереотипы поведения для данного коллектива совершенно нетягостны и принимаются за единственно

возможную норму. Но чужие, особенно на обыденном уровне, «воспринимаются как чудачества или дикость, вызывают удивление, насмешку или злобу», то есть при столкновении двух разных стереотипов поведения наблюдается полная гамма реакций — от полного неприятия до полного понимания чужих норм.

В самом сжатом виде теория этногенеза представлена у Л. Н. Гумилева следующим образом.

В результате того, что достаточно большие участки суши иногда подвергаются воздействию космического излучения, у части населения, проживающего на этих участках, начинается процесс микромутаций (изменений наследственного кода). Появляется поколение, среди которого много людей с повышенной активностью. Эта активность, в свою очередь, — результат их большей, чем у основной массы, способности аккумулировать из окружающей среды свободную энергию (биохимическую) живого вещества. Согласно учению В. И. Вернадского, эта энергия есть «активная, действенная, меняющая окружающую организм среду и проявляющая давление, напор в окружающей среде, если можно и нужно, разрушающая препятствия».

Такие сверхактивные люди названы Л. Н. Гумилевым «пассионариями». Пассионарность — признак наследуемый, следовательно, количество активных, пассионарных людей в этносе может увеличиваться, что приводит к изменению стереотипов. Начинается фаза подъема, великих деяний народа, объединенного личностями пассионарного типа, создания великих произведений культуры, завоеваний, далеких походов, религиозных и социальных реформ, образование империй и т. п. Пассионарии, в их самом общем определении, — это личности, в которых власть идеи превалирует над инстинктом самосохранения. Они сильнейшим образом влияют на свое окружение, заряжая их своей энергией, и тогда инертная масса начинает действовать так, словно вся она состоит из таких же энергоизбыточных людей. «Наиболее заметно явление пассионарной индукции во время войн, когда пассионарным полководцам удается вести за собой войска, состоящие в основном из гармоничных людей (т. е. людей, не имеющих собственной инициативы и заботящихся в основном о поддержании своей жизни и жизни своего потомства. — М. Дж.). Так, Наполеону и Суворову в Италии удавалось одерживать блестящие победы, но, как только войска оставались без их руко-

водства, успехи сменялись поражениями». Источником пассионарной индукции (заражения энергией) могут быть и рядовые солдаты — если они пассионарны. «Пассионарная индукция лежит в основе успехов многих знаменитых ораторов, чьи речи потрясали слушателей или приводили их в неистовство. Однако при прочтении текстов этих речей они отнюдь не производят подобного впечатления».

Л. Н. Гумилев отмечает, что пассионарная индукция гораздо сильнее «действует на людей той же этнической принадлежности, что и пассионарии — источники индукции. Все это указывает на тот факт, что пассионарная индукция является одним из основных факторов, благодаря которому этнос действует как единое целое».

Для объяснения этого явления Л. Н. Гумилев ввел понятие «пассионарное поле». Поскольку любая работа, любое действие требуют затрат энергии, а коллективные действия тем более, стало быть, этнос есть «пассионарное поле одного ритма, ибо у другого этноса свой ритм. Именно эти ритмы мы и улавливаем ощущением «своего» и «чужого», но индивидуальное сознание не находит объяснения чувству и предпочитает игнорировать его».

И далее: «Ритм не является прирожденным. Он — свойство не особи, а этнического коллектива. Новорожденный имеет унаследованный от предков генотип и фенотип, но этнического ритма у него нет. Постепенно младенец входит в жизнь, и его биологическое поле начинает колебаться в унисон с полями окружающих. Это своего рода резонанс. Поэтому ясно, что для этнической принадлежности основное значение имеет воспитание на самых ранних этапах биографии особи, а не расовая принадлежность». Отличительную черту этноса — ощущение «своего» и «чужого» — младенец приобретает через традиции. Если у человека есть способность резонировать на чужое этническое поле, жить в его ритме, он может прижиться в чужой этнической среде. «Но такие случаи, — пишет Л. Н. Гумилев, — редки и не всегда безболезненны. Например, известный ориенталист и офицер русской армии казах Чокап Валиханов чувствовал себя, по собственному признанию, своим и в русском офицерском собрании, и в казахском ауле, но эта раздвоенность переносилась им очень тяжело. Исходя из сказанного, этническое поле находится не в телах особей, а между ними, и, следовательно исследуя народы

этнологически, мы изучаем не внешность явлений, а их сущность в пространстве и во времени».

На наш взгляд, понимание этноса как энергетического поля, работающего в своем, отличном от других, ритме, является самым ценным в теории Л. Н. Гумилева.

В этой теории, чрезвычайно насыщенной ценнейшими наблюдениями и выводами, есть ответ и на вполне закономерный вопрос: что происходит, когда сталкиваются два этноса, у которых ритмы совершенно отличны друг от друга, и что случается, когда они близки? Дело в том, что, согласно теории Л. Н. Гумилева, отдельные этносы входят составными частями в грандиозные системы, которые он назвал суперэтносами. До появления пассионарной теории эти системы назывались «цивилизациями», «культурами», «мирами», например: «христианский мир» в средневековье, «мусульманская цивилизация» и т. п. Борьба между отдельными этносами, входящими в суперэтнос, ведется за преобладание, за доминирование, а не имеет в виду войну на полное подавление противника, как в случае столкновения двух суперэтносов.

Между различными этносами, согласно этой теории, существуют три формы отношений:

а) симбиоз — «форма взаимопользующего сосуществования этнических систем в одном регионе, при котором симбионты сохраняют своеобразие. При такой форме контакта этнические коллективы имеют наборы приспособительных навыков, используя различные части ландшафта или разные ландшафты. Так, великороссы селились в основном по долинам рек, оставляя степные просторы казахам и калмыкам, а лесные водоразделы — угорским народам»;

б) ксения — «форма нейтрального сосуществования этносов в одном регионе, при которой они сохраняют своеобразие и не сливаются, но и не вступают в отношения, характерные для симбиоза. Между этносами не возникает острых конфликтов, но и не происходит разделения функций при адаптации в ландшафте»;

в) химера — «форма контакта несовместимых этносов разных суперэтнических систем, при котором исчезает их своеобразие. Выросшие в зоне контакта люди не принадлежат ни к одному из контактирующих суперэтносов, каждый из которых отличается оригинальными этническими традициями и ментальностью». И далее характеристика химеры: это — «общность деэтнизи-

рованных, выпавших из этносов людей». Таким образом, благодаря «концепции этнического поля, колеблющегося с определенной частотой, или ритмом, химера представляет собой наложение двух различных ритмов, создающее какофонию. Эта какофония воспринимается людьми на уровне подсознания и создает характерную для химеры обстановку всеобщей извращенности и неприкаянности, а также порождает антисистемные умонастроения», то есть приводит к распространению жизнеотрицающих учений.

Химеры могут создаваться и за счет «вторжения представителей одного суперэтноса в области проживания другого, после чего агрессор пытается жить не за счет использования ландшафта, а за счет побежденных. Результатом в конечном счете всегда бывает распад и гибель химеры, так как победители деградируют не в меньшей степени, чем их жертвы».

(Вероятно, этим же термином — химера — можно характеризовать и мироощущение человека, выросшего в зоне тесного этнического контакта, именно отдельного человека, который воспринимает мир как ужасную какофонию, поскольку чувствует в себе влияние двух или даже трех ритмов. Осознание своего положения может привести его или к тому, что он сознательно выберет себе ритм одного из этих этносов, осознает себя его частью, или постарается отбросить их оба, то есть станет человеком без национальной принадлежности. Последнее, конечно, наихудшее.) Этнический ритм — вещь стойкая; как пишет Л. Н. Гумилев, вчерашний царь может стать рабом, а раб — царем или чиновником, социальный статус переменить можно, но изменить свою национальность, свой стереотип поведения, свой однажды уже приобретенный этнический ритм практически невозможно.

Теперь остается сказать о том, какова судьба зародившегося в результате пассионарного толчка суперэтноса или этноса. Пассионарные личности, передавая свои гены потомству, жертвуя собой во имя различных целей при нормальном ходе этногенеза, который является не состоянием, а процессом, приводят этнос к консолидации. Этнос переживает несколько стадий, переходя из одной в другую, по мере увеличения энергии, пока не достигает пика, а потом, теряя эту энергию, растрачивая ее на различные деяния, часто и на междоусобицы, или поглощается другими, более молодыми и активными

народами, или продолжает свое тихое существование в форме реликта отошедшей в прошлое эпохи.

В нашу задачу не входит, разумеется, перечисление всех идей и положений этнологии — науки, созданной Л. Н. Гумилевым, как и применение ее выводов к нашей теме. Заметим только, что здесь берется, опять-таки, аналогия коллектива (этнического) и индивидуальной личности в ее развитии, то есть уподобление рождения, роста, старения и смерти человека — и этноса.

Необходимо сказать, что не со всеми выводами теории Л. Н. Гумилева можно согласиться (здесь мы их не касались). К сожалению, ученый, объединив историю с географией, выявив огромную роль и влияние климата и ландшафта на этнические процессы, совершенно не касается лингвистики, истории языков и их происхождения. Более того, создается впечатление, что эти вопросы для него совершенно несущественны, что язык — нечто вроде одежды, которую носил один этнос, а при его исчезновении стал носить другой, сменивший его. И это, на наш взгляд, то есть игнорирование вопроса о происхождении и функционировании языков, есть самый существенный недостаток теории Л. Н. Гумилева.

Остается сказать о том, что в этнологии Л. Н. Гумилевым введено и такое понятие, как «этническая доминанта», суть которого вполне идентична тому, что мы называем «национальной идеей». Этническая доминанта определяется как «система политических, идеологических или религиозных ценностей, создающаяся при появлении любой этнической целостности и служащая для нее объединяющим началом», как «совокупность явлений в общественном сознании людей, объединяющихся в новую этническую систему». Этническая доминанта начинает складываться уже в самом раннем периоде (инкубационном) зарождения нового этноса или суперэтноса.

* * *

Нельзя пройти мимо небольшой по объему, но очень богатой мыслями, идеями, выводами работы Вальтера Шубарта «Европа и душа Востока», написанной накануне второй мировой войны. Даже просто пересказать ее невозможно, поэтому мы ограничимся тем, что приведем некоторые положения книги Шубарта, самые важные для нас.

По Шубарту, «народы и расы не являются ничем

первоначальным, они являются образованиями, формируемыми духом ландшафта», духом территории, на которой образуется данный этнос. «Чуждые расы поэтому становятся сходными при сожительстве на общей земле, и родственные расы становятся разными на различной земле». Дух ландшафта, согласно автору, есть одна из постоянно действующих сил истории, второй силой является дух эпохи, эона. «Дух ландшафта обуславливает различия в пространстве, дух эпохи — различия во времени. Если бы не было никакого (расообразующего) духа ландшафта, то все люди одной и той же эпохи должны были бы быть одинаковыми в своих основных духовных качествах. Если бы не было никакого (меняющего расу) духа времени, то все люди одинакового ландшафта должны были бы быть сходными в своей сути».

Согласно Шубарту, существуют только отдельные национальные свойства, связанные с месторазвитием, а не твердые национальные характеры. Эти свойства выступают с различной силой, смотря по тому, с каким прототипом человека, созданным духом эпохи, они совпадают. «Если дух ландшафта сходен с духом эпохи, то они друг друга подкрепляют и усиливают свое действие, и тогда «народ достигает своего культурного зенита, который может совпадать или нет с зенитом его политической мощи». Несходство же двух постоянных сил «вызывает среди людей мучительные судороги и конфликты. Россия последних двух десятилетий являет собой потрясающий пример возможности раздвоения между духом ландшафта и духом эона», — пишет Шубарт.

Далее мы воспользуемся некоторыми выводами Шубарта. Заметим также, что он считает дух ландшафта, земли, более мощной силой, чем силу крови, то есть принадлежность к уже сложившемуся этносу, поскольку дух земли более первоначален и меняется только в течение миллионов лет, и народная душа вырастает именно из духа ландшафта, чеканящего в ней «ее постоянные национальные свойства». «В бесконечных, непересеченных, широких равнинах человек отдает себе отчет в своей ничтожной малости и потерянности. Величаво и тихо смотрит на него вечность и тянет его прочь от земли».

«Совсем иной человеческий тип создают горы. В то время, как степь не имеет ни границ, ни имени, в горах — каждая вершина, каждая долина имеют свое на-

звание и свою индивидуальность. Это благоприятствует укреплению в человеке самостоятельности, но также развивает в нем себялюбие и замкнутость. Это защищает от искусственной централизации, но создает и опасность раздробления. Эллада и Швейцария тому примеры. Суровые местности делают человека твердым, деятельным и заботливым о будущем. Теплые же и плодородные местности развивают стремление к созерцательности. Резкая грань между Севером и Югом, необъяснимая свойствами крови, проходит между большинством народов земли: через итальянцев, испанцев, французов, немцев, через Китай с его северным городом (Пекином) и его южным городом (Нанкином), через североамериканский континент, где разница между северным и южным человеком вызвала самую кровавую войну американской истории».

В качестве примера мощного воздействия духа территории Шубарт упоминает об ассимиляции норманнов в славянской среде, создании американской нации из разноэтничных переселенцев, причем в чертах этой нации «вновь возрождается старая индейская душа», тип, отличающийся от тех народов, чью кровь он воспринял. Другой пример: «Еврей в Германии гораздо ближе немцу, еврей во Франции ближе французу, нежели оба они — еврею русскому».

* * *

Все же нам представляется, что Шубарт сильно преувеличивает силу духа территории. Во всяком случае, возможно, что эта сила проявляется в достаточной мере только спустя несколько столетий, не сразу, и, скажем, итальянец во втором поколении, живущий в США, все же будет ощущать большую близость к сородичам, живущим в Италии, чем, скажем, к мексиканцу или ирландцу, живущим на соседней улице.

* * *

Сказанное Шубартом о влиянии гор на развитие в человеке самостоятельности и себялюбия вполне, на наш взгляд, оправдывается в случае с балкарцами, о чем речь далее. Суровость окружающей среды делала, как и следовало ожидать, балкарцев твердыми, «деятельными и заботливыми о будущем». Живя в основном за счет

животноводства, балкарец должен был обеспечивать скот сеном, готовить впрок продукты — зима в Балкарии долгая, зачастую с сильными снегопадами. И вот здесь вскрывается одно противоречие, скрытое в балкарской душе.

Шубарт устанавливает разницу между двумя типами людей. Один — уходящий в прошлое — прометеевский человек, как он его называет, героический тип. Таков западноевропейец последних пяти веков. Другой тип — мессианский человек, которому принадлежит грядущее. Самыми яркими его представителями, по Шубарту, являются русские.

Основное переживание прометеевского человека — пра-страх, мессианского — пра-доверие. «Прометеевский человек противостоит судьбе как врагу, с которым он борется не на жизнь, а на смерть. Для него трагична не судьба сама по себе, а поражение в борьбе с ней. Русский же един со своей судьбой. Он ей не противостоит. Как античный грек — он ее исполняет и выносит — смиренно доверчивый, а не высокомерно сопротивляющийся».

Прометеевский человек «не верит твердо в сверхземные силы, осмысленно организующие бытие. Он переживает мир, как хаос, только через человека получающий смысл и оправдание. Его всегда мучает боязнь, что мир порвет удила, как только с него будет снята безотдыха творящая рука».

«Европейский человек, направляющий все свои силы и внимание на земное, живет, планируя в грядущих днях, и «сегодня» ускользает у него между пальцев. Его одурачивает фантом будущего. Русский же получает бесконечно больше от жизни. Для того чтобы безмятежно наслаждаться настоящим, надо чувствовать свою связь с вечным...»

Культура, которую создает прометеевский человек (западноевропейец), есть «культура запаса: товаров, ценностей, методов. Русская же культура — это культура расточения: вещей и людей. Русский не сомневается в неисчерпаемости мира».

«Прометеевская культура покоится на страхе перед импровизациями. Ничего она не боится больше хаоса. Для нее это абсолютное ничто. Русский же ждет его с тайной радостью. Для него он является переходом к самому совершенному миру. В русском всегда есть нечто от революционера и разрушителя». Смысл сказанного

Шубартом: европеец не верит в неисчерпаемость мира, высоко ценит земные блага, поскольку боится, что в один прекрасный день их не станет, а потому стремится к сохранению и увеличению их. Русский же, мессианский по своему типу человек, верит, что мир неисчерпаем, относится к нему с полным доверием, невысоко ценит блага и не боится хаоса, поскольку для него, заряженного апокалиптическим духом, хаос есть предвестие, признак того совершенного мира, который стоит за временным беспорядком; короче говоря, он не боится времени и перемен.

Европеец же «ищет порядок во всем — в самообладании, в господстве рассудка над влечениями, он ищет его и в государственном устройстве, в господстве авторитета над гражданами. Русский же ищет прямо противоположное. Душевно он склонен к безмятежности вплоть до инертности, государственно к отсутствию норм вплоть до анархии».

* * *

Из той же работы Шубарта: «Изначальное доверие есть чувство кочевников. Без плана гонит он свои стада вдоль по безграничной, неизмеримой и кажущейся неистощимой степи. Он о ней не заботится; он не знаком с земными тяжестями оседлой жизни; он уверен в неистощимой питательной силе матери-земли. Таков русский — сын степей. Даже в городах сохраняет он этот беззаботно-фланирующий стиль жизни кочевника. Европеец же — это человек заботливой обработки земли, человек, презирающий бродяжничество. Пра-страх ничего общего не имеет с трусостью, так же как и пра-доверие с мужеством. Наоборот: без страха нет смелости. Героизм есть преодоление боязни, а не ее отсутствие. Именно потому, что прометеевская культура исходит из пра-страха и направлена на его преодоление, я назвал ее носителей героическими людьми. Если мы хотели бы привести оценку изначального страха и изначального доверия, то самое большее, что мы могли бы сказать, это, что пра-страх есть проклятие, а пра-доверие — милость...»

То противоречие в душе балкарца, о котором мы говорили выше, заключается в следующем. Карачаево-балкарцы сложились как народ не в горах, а степях, они — потомки кочевников: скифов, болгар, алан, коняедов и млекопийц, как их именовали античные авторы.

Древнее кочевое прошлое наложило глубокий отпечаток на всю их культуру — и духовную, и материальную, образ мышления, который не изменяется быстро, вдруг, вслед за сменой ландшафта. Если Шубарт прав, то здесь и лежат истоки беспечности балкарцев, их невысокой практичности. Их практичность — не врожденная, а приобретенная вековой жизнью в горах. Отсюда и возникает противоречие. Опыт диктует ему необходимость делать запасы, добиваться порядка во всем, необходимость непрерывной деятельности, а стало быть, труда по сохранению достигнутого порядка. Боязнь потерять обретенный порядок диктуется этим же, как и страх перед хаосом. В героическом нартском эпосе балкарцев и карачаевцев прямо подчеркнуто, что главной задачей богатырей-нартов на земле является их борьба с силами хаоса — великанами, драконами и разной нечистью, причем эта борьба предписана им самим богом неба Тейри. Это — основной мотив эпоса.

Поэтому балкарец так высоко, может быть, слишком высоко, ценит интеллект (а что есть интеллект, как не глубоко усвоенный опыт?). В то же время чувство, то есть нечто более глубокое, исконное, чем жизненный опыт, велит ему относиться к миру с доверием, видеть в нем смысл (в природе), высший порядок, верить в судьбу и принимать ее.

Так исконные безмятежность, ясность и доверчивость балкарской души вступают в противоречие с опытом жизни и суровостью природы, требующих практичности, деловитости, постоянного напряжения в предвидении грядущих трудностей, индивидуализма, привычки во всем полагаться в первую очередь на себя, диктата рассудка над влечениями. Потерять самообладание, поддаться порыву для балкарца означает впасть в состояние, граничащее с позором.

Человек, живущий в степи, вероятно, гораздо быстрее достигает равновесия с природой, чем горец. Резко меняющаяся погода, перепады температуры, ливни, за-

суха, наводнения, лавины, обвалы (впору, подобно герою одного из произведений Андрея Платонова, подумать: «Все беды от природы. Вечно в ней что-то происходит»). Поэтому равновесие человека и природы в горах — неустойчивое, временное, ненадежное. Но родная природа для балкарца, тем не менее — не враг и не хозяйка, позволяющая людям копошиться у ее ног, скорее, суровый учитель, отец. И, как учитель, природа и награждает, и карает, но никогда не остается безучастной. Победить горы нельзя, потерпеть поражение, вступив в борьбу с ними, — можно. Поэтому есть только один способ достичь равновесия — вечно учиться у них, учиться с любовью и уважением.

* * *

Таким образом, балкарец во многом и весьма существенно схож с прометеевским человеком, каким его рисует Вальтер Шубарт, человеком, который «рассматривает мир, как хаос, который он должен сначала по заданию Бога, а затем и собственным кулаком, укротить и оформить». В то же время балкарец наткнулся на невозможность оформить по-своему мир, в котором он живет, и, сохраняя многие «прометеевские черты», пришел к идее сыновства-ученичества.

* * *

Интересны идеи Шубарта о двух типах мышления: выразительное — мыслительная форма отдающей себя души, когда чувство доминирует над мыслью, — мышление поэтов; и целевое, когда доминирует мысль, — это мыслительная форма властного человека. Выразительным мышлением, по Шубарту, обладают, например, русские, изливающие «свое внутреннее содержание в окружающий мир вне зависимости от того», как они с ним справятся.

Мышление балкарца скорее целевое, оно не импульсивно; поэтому оно очень ценит факт, документ. По этой же причине оно крайне исторично и методично. Причину историчного мышления Шубарт видит в том, что человек ищет в прошлом «уроков на будущее, причем грядущее он выводит из бывшего. Так надеется он найти защиту против неожиданности и импровизаций».

Балкарец всегда предпочитает последовательность изложения события, хронологию.

Шубарт различает две культуры — памяти и забвения. «Первые хотят увековечить то, что человек когда-то создал или о чем подумал». «Забвение есть акт самоосвобождения, память есть средство для сохранения своей духовной власти».

И в этом смысле культура карачаево-балкарцев — культура памяти: чем точнее зафиксировано что-то, тем лучше.

* * *

Богатый балкарец смотрит на бедного свысока, бедняк смотрит на богача чаще всего без зависти, но с осуждением, особенно если тот обогатился каким-то незаконным или даже преступным способом; позавидовать он может, если богатство свалилось на соседа неожиданно, скажем, он получил наследство или нашел клад.

* * *

«Русский,— пишет Шубарт,— глубоко ощущает: все мы в какой-то степени грешники. Европейец же разделяет: ты виновен, а я нет».

Балкарец в этом отношении ближе к русскому. Он полагает, что нет людей, застрахованных от ошибок и прегрешений,— сегодня ошибся он, а завтра могу совершить еще более тяжкий проступок я. Одним словом, осуждать он не спешит. В карачаево-балкарском фольклоре поэтому много пословиц и поговорок об изменчивости всего сущего: «Дуния кезиудю» — «Мир — чередование»; «Дуния былай турмаз» — «Мир изменчив, мир меняется» и т. д.

* * *

«Оценка по заслугам и по вине,— отмечает Шубарт,— не вяжется с чувством любви».

Но если балкарец отказывается судить человека, оценивать его по вине, то оценивать по заслугам вполне в его характере. Особенно высоко он ценит практическое действие: например, кто-то построил мост или исправил дорогу и т. п. Каким бы добрым и бескорыстным,

или честным ни был в своей жизни человек, если он не способен на конкретное, осязаемое дело, в глазах балкарца он останется человеком, достойным не презрения, конечно, но жалости.

* * *

Поскольку в нашей работе важную роль играет воззрение о разделении духа на внутреннее (женственное) и внешнее (мужественное), нам придется привести здесь и мнение об этом, достаточно подробно высказанное Шубартом. Итак, согласно ему, мужественны: воля к власти, превосходство идеи права над идеей любви, действия над созерцанием, рассудка над чувством, критика, рационализм, индивидуализация, принцип разделения, механика.

Женственны: жертва, благоговение, смирение, терпение, интуиция, доступность вдохновения, вера, принцип целостности, органичность. По большинству этих позиций балкарская национальная психология мужественна; из женственных черт ей присущи, пожалуй, только две — вера и терпение (об этом далее).

* * *

Далее Вальтер Шубарт несколько уточняет свои взгляды: «Мужчина отделяется от целого и стремится к автономии. Он становится одиноким, монадой, личностью. Женщина же чувствует себя связанной с целым миром. Она, как растение, уходит корнями в природу. Мужчина ощущает свое тело, как инструмент и средство, как оружие, которым он борется. Женщина ощущает свое тело, как первоисточник и основу своей сущности, как сосуд, в котором она скрыта. Мужской принцип есть принцип смерти, женский же — принцип вечной жизни.

Азиатские большие культуры — китайского, русского и индусского континента — всегда имели сильный женственный оттенок. В пророческой проявляются преимущественно мужские силы, и в этом ее проклятие. Азиатские же культуры дышат уверенностью вечно себя ощущающей жизни... Женщина легче переносит страдания, нежели мужчина, ибо она не оказывает никакого сопротивления».

С этим интересным рассуждением можно согласиться, хотя некоторые положения спорны. Как мы уже говорили, на наш взгляд, женственное есть внутреннее духа, мужественное — его внешнее, две составляющие одного единого целого. Но если женский принцип определим как принцип вечной жизни, и с этим спорить трудно, то мужской принцип, связанный с первым (женским), также есть принцип жизни, но жизни, пограничной со смертью, с небытием. Мужское есть оболочка женского, ее защита от внешнего, враждебного, опасного и поэтому находится в зоне риска, где дыхание небытия не дает полной свободы импровизации. Мужское не есть принцип смерти, а есть принцип, лежащий между жизнью и смертью.

Предварительное исследование вопроса позволяет считать, что у карачаево-балкарского народа есть своя национальная идея.

Но здесь хотелось бы лишь высказать один пример власти национальной идеи над народной душой, теперь уже отрицательной идеи, вернее сказать, использованной во зло. Мы имеем в виду период фашизма в Германии. Сколько раз выражалось удивление тем, как могла нацистская партия повести великий народ, чрезвычайно деятельный и талантливый, обладающий замечательной культурой, по пути озверения и дикости. Причин тоже было названо много, в том числе и такая, на мой взгляд, одна из главных: а именно великое множество раз отмеченная страсть немцев к порядку. После первой мировой войны, закончившейся поражением Германии и ее союзников, в обстановке голода, разрухи, инфляции, экономического кризиса, пережитого страной, начисто ограбленной странами-победителями, и пришел к власти фашизм, обещая то, чего больше всего жаждала немецкая душа,— порядок, и не просто возвращение к старому, но новый порядок, прочный, устойчивый: рабочий — работу, мелким буржуа — процветание и защиту от крупных, а тем — большие прибыли. Могла ли душа Германии, истерзанная войной и хаосом, вызванным ее последствиями, не соблазниться на эти посулы? Нет, не могла. Но в результате второй мировой войны

потерпела крах не только идея о наведении нового порядка в мире, опираясь на военную силу, — рухнула и сама идея об установлении незыблемого порядка хотя бы в одной стране, рухнула и вера в такую возможность: оказалось, что жизнь — это только слабая корка на бурлящих силах вулкана, что под этой коркой, говоря словами Тютчева, «хаос шевелится». В 1979 году, побывав в ГДР и суммируя свои впечатления, я пришел к выводу, что самое точное определение, которое я могу дать, — это то, что Германия — очень тихая страна. Один из моих товарищей обратил внимание на то, что немцы на любой, по нашим понятиям, не очень трудный вопрос, часто отвечали: «Это сложно, надо подумать». Для такого целеустремленного народа, как немцы, эта тишина, эта задумчивая медлительность, если она затянется надолго и станет тягостной или бесплодной (в смысле поиска новой национальной идеи), таит опасность принесения жизни в жертву сконструированным схемам, поскольку она в эти схемы не вмещается. Эксперименты над природой, как магистральный путь науки, начавшийся в Новое время, все расширялись, пока не привели к экспериментам над обществом, над самим человеком. Ужасные последствия такого подхода и к природе, и к человеку наглядно продемонстрировал наш век.

Много об этом написано, еще больше сказано. Главный урок, который получило человечество, можно определить словами: «Нельзя делать из живой жизни средство, она — цель». В подходе и к природе, и к человеку нужно руководствоваться только заветом Гиппократа: «Не навреди». Всякой идее угрожает опасность при ее воплощении оказаться извращенной и принести вред, а не пользу, а тем более, она грозит идее национальной, поскольку ее влиянием пытаются воспользоваться различные силы. И так как ее влияние огромно, то огромен будет в этом случае и урон (при извращении идеи, разумеется), нанесенный народу и человечеству. (Еще раз оговариваемся, что национальная идея не есть в нашем понимании идея создания государства, а есть цель, для которой существует или создается государство. Но национальная идея может существовать и двигать народом, и не имеющим своего государства). Главной же целью и человечества, и народа, и отдельного человека является свобода, а главным мучением — трудность постижения ее смысла. Не об этом ли слова Иисуса Христа: «Познайте истину, и истина сделает вас сво-

бодными»? Иначе говоря, люди несвободны, они должны стать свободными, для этого им нужно постичь, познать истину. Свобода — цель, истина — средство, зло — извращенное понимание свободы, или несвобода.

11

Если кто-либо из наших знакомых расскажет нам о характере человека, которого мы не знаем, в таких выражениях, которые не позволяют уяснить пол этого человека, это, понятное дело, вызовет наше недоумение, и мы первым делом спросим: «Так кто же он — мужчина или женщина?» И, только выяснив это, мы сможем вполне понять сказанное, поскольку пол человека не есть только сумма тех или иных внешних признаков, он имеет определяющее значение для понимания психологии личности. Если мы принимаем как аксиому аналогию между индивидуумом и этносом, говоря о психологии народа, вначале мы должны выяснить, какое начало в его менталитете является преобладающим — мужское или женское.

12

Целый ряд глубоких и тонких наблюдений высказан по этому вопросу замечательным австрийским ученым (евреем по национальности) Отто Вейнингером. В частности, он говорит следующее. Нельзя считать ни мужчину, ни женщину по отдельности выразителями человеческой сущности, таковыми они являются только в их совокупности. Нельзя также думать, что каждый отдельный человек целиком принадлежит одному полу, будь то мужчина или женщина: в каждом мужчине есть женские черты характера, в каждой женщине — мужские. Характер человека, многие его склонности и привычки определяются соотношением и того, и другого начала в его душе. Поэтому есть женственные мужчины и мужественные женщины (если брать пример поглубже, зримее — женоподобные мужчины и мужеподобные женщины), но нет людей, которые были бы только мужчинами или только женщинами, это только теоретически допустимые фигуры, как бы два полюса, между которыми располагаются все реально существующие мужчины и женщины. Говоря словами самого Вейнингера: «Существуют бесчисленные переходные ступени между женщиной и

женщиной, так называемые «промежуточные половые формы». Как физика говорит об идеальных газах, т. е. о таких, которые вполне подчиняются законам Бойля и Гей-Люссака (в действительности им не подчиняется ни один газ), чтобы исходя из этих законов установить всевозможные отклонения от него в данном конкретном случае, так и мы можем принять идеального мужчину и идеальную женщину, как типичные половые формы, которые в действительности не существуют».

13

Это та же самая дуполюсность, которую интеллект человека усматривает в животном и растительном царстве, в мире физических явлений — плюс и минус, в мире мифологических абстракций — небо — земля, в области философии — дух и материя, наделяя их теми же самыми «мужскими» или «женскими» свойствами. Ученые, поэты, мыслители давно уже отмечали в своих наблюдениях над характером того или иного народа или населения целых регионов преобладание мужских или женских качеств: в северных и западных — первых, восточных и южных — вторых.

14

Здесь, чтобы защититься от человека, который немедленно делает вывод, что народ с мужским характером «лучше» народа с женским, поскольку массовое сознание, базируясь на стереотипах, всегда делало вывод в пользу мужчины, нужно привести конкретные примеры, но вначале задать вопросы: «Кто лучше — мама или папа? Брат или сестра? Дядя или тетя? Дедушка или бабушка?» «Так-то оно так, — скажет кто-то, — но все-таки мужчина — это мужчина: храбрый, сильный, умный» и т. д. и т. п. Но не каждый мужчина — храбрец и не каждая женщина — трусиха, как и не каждый умница, силач и прочее. Объяснять подобные банальные истины скучно, да, пожалуй, и не нужно. Поэтому обратимся к конкретному примеру, хотя бы к психологическому портрету того же русского народа, одного из самых деятельных, могущественных и воинственных в мировой истории, к портрету, каким он представлялся некоторым русским мыслителям, например, к мыслям Николая Бердяева. Характерно название одного из раз-

делов его книги «Судьба России» — «О «вечно бабьем» в русской душе». Раздел этот написан по поводу одного из эпизодов книги другого русского писателя и философа — Василия Розанова, который так передал свои ощущения при встрече на улице с конным полком: «Произошло странное явление: преувеличенная мужественность того, что было пред мною,— как бы изменила структуру моей организации и отбросила, опрокинула эту организацию в женскую. Я почувствовал необыкновенную нежность, истому и сонливость во всем существе...»

15

Бердяев так комментирует этот эпизод: «Это замечательное описание дает ощущение прикосновения если не к «тайне мира и истории», как претендует Розанов, то к какой-то тайне русской истории и русской души. Женственность Розанова, так художественно переданная, есть также женственность души русского народа». «Русский народ не чувствует себя мужем, он невестится, чувствует себя женщиной перед колоссом государственности...» И далее: «Великая беда русской души в том же, в чем беда и самого Розанова,— в женственности, переходящей в «бабье», в недостатке мужественности (которую, конечно, нельзя путать с мужеством, этого качества в русском народе с избытком. — М. Дж.), в склонности к браку с чужим и чуждым мужем».

Василий Розанов, много размышлявший над этими вопросами, писал: «Бисмарк, вращавшийся в пору петербургского посольства в нашем обществе и присматривавшийся к русскому характеру, говорил, что он «необыкновенно женственен». «Русские имеют свойство отдаваться беззаветно чужим влияниям... Именно, вот как невеста и жена — мужу...»

Говоря об увлечении читающей России европейской философией и литературой, Розанов говорит: «Если бы Русь зачиталась вдруг Пушкиным, стала его цитировать на перекрестках улиц, в каждом номере газеты, во всяком журнале... — нельзя представить и вообразить!!! «Русские стали бы на себя не похожи», до такой степени увлекаться чем-нибудь непременно из Европы есть единственное «похожее на себя» у русских, у России... Женщина, вечно ищущая «жениха, главу и мужа»... Далее Розанов

так определяет силу женского начала: «Женственное» облегает собою мужское, всасывает его. «Женственное» и «мужское» — как «вода» и «камень». Сказано — «вода точит камень», но не сказано «камень точит воду». Он ей только «мешает» бежать куда нужно, «задерживает», «останавливает». «Мужское» во всяком случае — сила, она слабее ласки. Ласка всегда переборет силу. «Тевтонское нашествие» упало бы в «Русь», как глыба земли в воду. Замутило бы ее, расплескало бы ее, но, в конце концов, растворилось бы в ней». (Как, например, монголы, завоевав Китай, растворились среди китайцев). Последняя фраза Розанова относится к словам Бисмарка о том, что женственные русские характеры в сочетании с мужественным германским элементом могли бы дать чудный материал для истории.

16

И снова обратимся к Николаю Бердяеву: «Русский народ не хочет быть мужественным строителем, его природа определяется как женственная, пассивная и покорная в делах государственных, она всегда ждет жениха, мужа, властелина. Россия — земля покорная, женственная». «Русский народ хочет быть землей, которая невестится, ждет мужа». «Россия невестится, ждет жениха, который должен прийти из какой-то выси, но приходит не суженый, а немец-чиновник и владеет ею. В жизни духа владеют ею то Маркс, то Штейнер, то иной какой-нибудь иностранный муж».

17

И Розанов, и Бердяев соглашаются с тем, что душа России — женственная душа, мягкая, отзывчивая, нуждающаяся в оплодотворении идеями других народов; и в то же время мощная, необоримая, с которой не справиться никакому, даже самому мужественному германскому духу. Но если Розанов считал женственность души русского народа силой, то Бердяев склоняется к тому, что русский народ должен выявить в себе мужское начало, проявить его, видя смысл начавшейся первой мировой войны в том, что он «может быть лишь в выковывании мужественного, активного духа в русском народе, в выходе из женственной пассивности».

Итак, оказывается, что в душе одного из самых великих народов планеты, в создании государства которого участвовали мощные характеры типа Петра Первого, преобладает начало женское — не случайно для народа царь был батюшка, а сама Россия или, скажем, Волга — матушка. Вспомним и у Александра Блока: «О Русь моя! Жена моя...» Женское начало преобладает в душе другого крупного народа — еврейского (но об этом далее). Поэтому необходимо четкое уточнение: нельзя ставить вопрос, кто лучше — мужчина или женщина, и нельзя думать, что народ с женственной душой ниже народа с душой мужественной (с преобладанием мужского начала в ней). «Так-то оно так, — скажет читатель, — но ведь одни народы внесли в мировую историю и цивилизацию, культуру больше, другие — меньше. От чего-то же это зависит? Может быть, дело не в последнюю очередь в том, какое начало является основным?» Но кто может сказать, чей вклад больше — женственных китайцев или мужественных японцев, женственных арабов или мужественных иранцев, русских или немцев? Правда, вполне может быть и так, что наилучшим является равновесие обоих начал в душе того или иного этноса; и вполне возможно, что таким народом были греки — эллины.

Еще одно добавление. В применении к народам понятия «женственный — мужественный» всегда есть относительность, осмыслить которую можно только в том случае, если брать его в глобальном масштабе. Например, белая раса (европеоидная) в целом является расой с преобладанием мужского начала, а черная — женского. Но внутри той же белой расы народы, которые к ней относятся, опять будут делиться на те же два полюса по отношению друг к другу. То же самое и внутри отдельного этноса, обычно по линии «север — юг». Можно привести в качестве аналогии такой пример. Магнитный брусок имеет два полюса — плюс и минус. Если его распилить пополам, два полюса все равно останутся, и так до бесконечности. «Большое подобно малому, малое — большому». Все во всем.

После довольно пространного, но необходимого вступления, мы можем теперь попытаться выявить одно из двух определяющих начал в душе балкарского (а возможно, как и было оговорено, всего карачаево-балкарского) народа. Можно начать с наличия склонности к тому или иному занятию. Конечно, любой народ в мире занимается всем, что ему необходимо для существования. Вопрос в том, соответствует ли данное ремесло или профессия его сущности, доставляет ли оно ему удовольствие как процесс или является делом вынужденным?

Типично женское занятие — работа в сфере обслуживания. Но при широкой возможности трудиться в этой сфере, поскольку в Балкарии множество курортов, турбаз и т. п., вряд ли во всей республике найдутся хотя бы два-три официанта-балкарца. Очень мало среди них и поваров, продавцов, более того, нет к этому склонности и у балкарок. И если кому-то доставляет удовольствие торговля на рынке, его шум, краски, запахи, сам процесс купли-продажи, людская толчея, то в большинстве своем балкарцы постараются продать свой товар подешевле, но побыстрее, и с облегчением почувствовать себя свободными. Базар — не их стихия. Они прекрасно понимают, что торговля — занятие почтенное и нужное, что торговлей занимался и сам пророк Мухаммад, но преодолеть своей антипатии не могут, и уж тем более трудно заставить балкарцев торговать каким-нибудь мелочным товаром. Мужчина может пойти на это, но где-нибудь в далеком городе, где его никто не знает, но никак не у себя. Одним словом, торговать нужно, коммерция — дело необходимое, но по-крупному, и желательно оптом — таково внутреннее убеждение балкарца. Даже среди балкарок тех, кому торговля на рынке, сам этот процесс приносит удовлетворение, удовольствие, мало.

Типично женская черта — постоянная забота о доме: его расширении, убранстве, отделке и т. п. Одним словом, устройство гнезда. Для народов с женской ментальностью эти заботы всегда будут на одном из первых мест. К сожалению, балкарцы такой чертой не отлича-

ются и особой тяги к комфорту не испытывают. Часто можно услышать по поводу человека, отстроившего себе большой особняк: «И чего он старается? В футбол, что ли, будет там играть?» И это не потому, что говорящий завидует, а потому, что искренне не понимает смысла строительства столь обширных хором. По мнению балкарца, то, что сверх необходимого, — не нужно. Для большинства дом — нечто вроде гостиницы (речь идет о мужчинах), куда они вечером приходят с работы; а если это выходной, то и тогда мужчина будет возиться по хозяйству, смотреть за скотом и т. п., то есть опять-таки в дом зайдет только вечером.

21

Национальная кухня у народов с женской ментальностью отличается тонкостью, необычайным разнообразием, тщательностью приготовления, умением из малого количества продуктов приготовить нечто своеобразное, с изящной сервировкой. В балкарской же кухне, хотя и насчитывается большое количество блюд, — наряду с изысканно-фантазийными много и простых — двух-, трехингредиентных. И вообще, любому другому блюду на свете балкарец предпочитает отварную баранину с зеленью и мясной бульон, беря во внимание полезность и питательность чистого продукта. А если нужен, скажем, пример из литературы, то из всех, к кому наведалься Чичиков в поэме Гоголя «Мертвые души», будь на его месте балкарец, более всего по душе ему пришлось бы гостеприимство Собакевича.

22

Приблизительно так же обстоит дело и с национальной одеждой. Она у балкарцев многообразна. И в этом случае следует отметить «мужские» черты — нелюбовь к большому количеству деталей, особенно мелких, склонность к однотонности и чистым цветам; на первом плане не вычурность и пышность, а удобство и подчеркнутая простота. Любимые цвета — синий, белый, золотистый (солнечно-желтый), бордо, черный.

Все эти принципы мы находим воплощенными и в народно-прикладном искусстве. Балкарец способен понять изящество и красоту работы китайского мастера, не оставившего необработанным ни одного сантиметра чаши, покрыв ее мелким, тонким рисунком. Но сам балкарский мастер поступит по-иному, рационально, ограничившись нанесением на эту поверхность нескольких крупных узоров. То же самое — на балкарских войлочных коврах-кийизах; используются чаще всего два, три, четыре цвета, гармония достигается их сочетаниями, расположением деталей на свободном пространстве фона. Цель мастерицы всегда наглядна — добиться не изящества и богатства красок, а благородства линий и колорита. Узоры крупные, отчетливые, будь то на коврах с древней космогонической символикой, самых древних, или более поздних образцах.

24

Из сказанного можно сделать один вывод: балкарская ментальность не включает в себя искусство детализации, подробности ей не интересны. Балкарское мышление монументально. Быть может, это нагляднее всего проявилось в архитектуре: боевые башни с их минимумом отделки и декоративных деталей, дома, сложенные, как и башни, из огромных тесаных камней или из массивных бревен, с мощными балками на таких же мощных столбах. Все прочно, устойчиво, крупно, вечно.

25

Характер ментальности не может не отражаться и на внешнем облике народа, на строении тела, чертах лица и т. п. Народы с мужской ментальностью отличаются от народов с женской большими размерами тела. У балкарцев более распространен нормостенический тип телосложения. Людей с гладкими чертами лица среди балкарцев мало, это, по всей видимости, больше характерно для женственных народов.

Из тех внешних проявлений ментальности, которые мы анализировали (работа в сфере обслуживания, торговля, устройство дома, кулинария, одежда, прикладное искусство, архитектура, внешность), ни одной женской черты не оказалось.

Перейдем теперь к проявлениям ментальности в духовной культуре, в первую очередь к фольклору. И здесь бросается в глаза одно яркое обстоятельство: пристрастие безвестных авторов древних песен к последовательности изложения событий. Карачаево-балкарская песня не нарушает хронологический ряд, она обязательно начинается с завязки, проходит кульминацию и только затем сообщает о том, чем все закончилось. Если и есть нарушения, то мнимые. Например, в начале песни может быть сказано, что герой набега погиб, но затем непременно пойдет последовательное повествование. Если бы автором «Илиады» был балкарец, он никогда бы не начал повествование с противостояния Агамемнона с Ахиллом, уже давно воюющих под стенами Трои; он начал бы с пира богов, на котором разгорелась ссора между богинями из-за яблока, предназначенного самой красивой и т. д.

Сказанное полностью относится к прозаическим жанрам фольклора. В понимании балкарца, хорошее повествование — это повествование последовательное, ясное и ни в коем случае не обремененное побочными, не относящимися к делу подробностями, отвлекающими от сути. Редки в песнях и различные поэтические украшения: метафоры, сравнения, гиперболы и т. п. Они появляются, только если нужно что-то выделить, подчеркнуть, выпятить, но никогда для того, чтобы проявить, продемонстрировать искусство певца. Ни пышности, ни вычурных оборотов речи, ни украшательства, ни столь много мягкого, теплого, убажывающего сердце; все просто и сурово, но и мощно, — таково первое впечатление от знакомства с нартским эпосом и историко-героическими песнями карачаево-балкарцев. Предвижу возражение: «Но это эпос, суровые времена, суровые нравы». Но такой же характер носит и народная лирика. Ясно, что мужчина более сдержан в проявлении своих чувств, чем женщина: она может позволить себе то, что мужчина расценит как слабость. О той же сдержанности свидетельствуют даже песни-плачи. В качестве примера приведем замечательную песню, повествующую о выселении балкарцев в Среднюю Азию в марте 1944 года. Безымянный автор,

повествуя о народной трагедии, о смерти женщин, стариков и детей, о расставании с родиной, нигде не позволяет себе сбиться на жалобу, нигде не говорит о том, что кто-то плачет,— нет, плачут не люди, а горы, скалы, деревья.

28

Что касается литературы, то главные черты поэзии крупнейшего выразителя национального духа Балкарии Кязима те же самые, что и в фольклоре: лаконизм, отсутствие велеречивости, сдержанность, простота, благородство, прямота. В поэмах — четкая последовательность изложения, ясная логика мысли.

29

Важный показатель ментальности — манера выступления перед аудиторией и оценка аудиторией той или иной манеры речи. Ораторы, слова которых льются плавно, ровным потоком, гладко, среди балкарцев встречаются редко. Чаще всего это или бурные, эмоциональные всплески, или напряженные, несколько замедленные речи. Впечатление такое, что оратор боится нарушить логику рассуждения, впасть в противоречие, что будет немедленно замечено аудиторией или самим оратором. В последнем случае он воспримет это как непростительный промах. Поэтому, если и попадаются иногда гладкоречивые ораторы среди балкарцев, аудиторией они воспринимаются как некая диковина, но убедить ее в чем-то им удается редко, поскольку она, в силу своей ментальности, ценит прежде всего логику, аргументацию, изложенную четко и ясно, прямо, а не изящество и плавность.

30

Приверженность логике — типично мужская черта, как и последовательность в мыслях и поступках. В балкарском менталитете эти две черты — одни из самых главных; чисто эмоциональное выступление на него действует слабо, чужую речь он воспринимает прежде всего рассудком. Эмоция, по восприятию балкарца,— только служанка логики или показатель искренности оратора, не более. Из этого вытекает один крупный

недостаток в характере балкарца — любой вопрос он пытается обдумать со всех сторон, даже тогда, когда дело не терпит отлагательств, выискивая, нет ли противоречий в том решении, которое ему пришло в голову. И не потому, что не хватает решимости. Это относится почти к любому вопросу, даже пустяковому. Поэтому среди балкарцев часто встречаются люди, производящие впечатление медлительных. Правда, следует отметить, что почти столь же часто встречаются балкарцы, которые рубят с плеча, без раздумий, но в данном случае как бы нарушение менталитета, диктующего предварительное оправдание логикой, объясняется тем, что второй тип ищет логику уже после того, как совершил действие. Это выражается в долгом раскаянии, если решение было ошибочным, или в долгом рассуждении, почему вышло так удачно. Просто так сделать и забыть балкарец не может, ему обязательно нужно докопаться до сути. И так — во всем. Прекрасной иллюстрацией к сказанному может послужить анекдот о пастухе-балкарце, заметившем на обочине дохлую цаплю. Пастух подошел к птице, которую дотоле никогда не видел, стал осматривать и так и сяк, пытаясь определить, что это за диковинка. Когда это ему не удалось, а спросить было не у кого, он вытащил нож, обрезал цапле ноги и клюв и со словами: «Ну вот, теперь она похожа на орла», — успокоенный, отправился домой. Хоть ложное, но все-таки объяснение. Анекдот есть анекдот, но он отлично выражает одну из особенностей балкарского характера.

31

Приверженность, можно сказать пристрастие, балкарца к последовательности и логике исключает наличие в национальном характере такой неприятной черты, как хитрость. И действительно, полагаю, что с этим согласятся все, хитрость балкарцам несвойственна. Есть народы, у которых эта черта — прирожденная, естественная. Поэтому она воспринимается как нечто само собой разумеющееся и понятное, она, можно сказать, эстетизирована. Но хитрый балкарец в глазах окружающих его сородичей воспринимается как аномалия, почти как урод, — все равно, что медведь, вздумавший двигаться по-лиси. Хитрый балкарец вызывает у своих соплеменников или презрение, или негодование. Во всяком случае, если о ком-то скажут: «Къой-къой, бош, хыйлачы адам-

чыкъды» — «Да что о нем говорить, пустой, хитрый человек», а именно так и говорят в большинстве случаев, мы можем понять, что хитрость не просто отрицается, но и презирается — «человечек», даже если этот «человечек» двухметрового роста. Во всяком случае достаточно усвоило эту черту только балкарское чиновничество: если быть точным, оно хотело бы его усвоить, но поскольку хитрость в балкарском менталитете отсутствует, то она просто-напросто исказила их (балкарских чиновников) характер до уродливости — в искусстве хитрости они так и остались подражателями. Если же кто-либо из этого сословия хочет похвалить другого за умение приспособливаться — а что есть хитрость, как не это умение? — он говорит: «О, это большой дипломат!» — хотя перед ним пример обыкновенного лицемера, труса и подхалима.

32

Тем же пристрастием к логике и последовательности можно объяснить некоторые другие черты балкарского национального характера — стремление к объективности в оценке черт народов, с которыми балкарцы непосредственно граничили и которых хорошо знали. Бывая в фольклорных экспедициях и расспрашивая стариков и пожилых людей о взаимоотношениях с соседними народами, я мог убедиться в этом непосредственно. Балкарцы легко признают, что осетины народ более сплоченный и отзывчивый, что сваны превосходят их в радушии и гостеприимстве (один из информаторов, уроженец Баксанского ущелья, сказал так: «Вот у нас самые гостеприимные — это жители Черекского ущелья, но сваны их превосходят»), что кабардинцы более дисциплинированы и пунктуальны, особенно в соблюдении традиций, что русские более мастеровиты и т. п. (При этом ни разу никто не сказал, что балкарцы кого-то в чем-то превосходят; балкарская ментальность отвергает даже такое, косвенное самовосхваление).

Каждый знает по своему опыту, как непросто признать чье-либо превосходство. Отчего же такая легкость? Вероятно, оттого, что балкарец находит утешение в том, что сумел быть объективным. Иными словами, он угодил своему менталитету, приблизился к пониманию. Плохо то, что вслед за пониманием у балкарца не следует стремление сравняться или превзойти.

Кстати говоря, наибольшим уважением из народов, с которыми балкарцы граничили непосредственно, у них пользовался тот народ, с которым у них были частые стычки.— сваны (разумеется, больше встреч было дружеского характера — совместный труд, участие в праздниках, родственные связи и т. п.). И это несмотря на то, что сваны — христиане, а балкарцы — мусульмане. Причину один из стариков выразил как нельзя лучше: «Эбзеле жау бола да, шуѣх бола да биледиле» — «Сваны верны и во вражде, и в дружбе». И здесь, как мы видим, в основе лежит тот же признак — постоянство: то, что народ ценит в себе, он ценит и в других.

Еще один порок, отсутствующий в балкарской ментальности и потому представляющийся чем-то чужеродным, ненужным, отвратительным,— лицемерие. Ни льстить, ни лицемерить по-настоящему, искусно, балкарец не умеет, а если и пытается, даже ради достижения самой благой цели, это получается у него грубо, неуклюже, примитивно.

Если же это случайно удается, то это так удивляет самого льстеца, что он непременно похвастается: вот, мол, недавно я одному подольстил, а он клюнул.

Но, как гласит мудрая русская пословица: «Нет худа без добра, и добра без худа». С отсутствием в балкарском менталитете хитрости и лицемерия связано и отсутствие артистизма, легкости в общении, гибкости — одним словом, красивых и тонких женских черт, украшающих жизнь, вносящих в нее разнообразие, цвет, вкус, изменчивость. Отто Вейнингер писал: «Стоит женщине услышать шаги, почувствовать присутствие или увидеть, наконец, мужчину, который вошел туда, где она находится, как она моментально становится совсем другой. Все манеры, движения ее меняются с непостижимой быстротой».

Типичный балкарец — всегда почти один и тот же. Здесь уже было названо слово, во многом определяющее суть национального характера балкарского народа,—

ПОСТОЯНСТВО. Изменчивость, быстрая смена настроений, свойственные южным, женственным народам, совершенно чужды балкарцу; более того, он считает таких людей (и зачастую несправедливо) вертлявыми, несерьезными, неустойчивыми. Капризный человек выводит его из себя — если это мужчина; к женщине балкарец относится снисходительно, поэтому капризы ей прощаются легче, но и то не всегда. (Если мы сейчас говорим о мужчинах, то это потому, что именно они, их психология определяет национальный характер балкарского народа, в котором мужское начало намного преобладает над женским).

36

Понятно, что, обладая таким характером, балкарец очень редко сумеет быть дамским угодником, вовремя и тонко преподнести женщине комплимент, поддерживать светскую беседу обо всем и ни о чем. Это ему скучно и тягостно.

О Наполеоне Бонапарте рассказывают, что, когда знаменитая писательница мадам де Сталь спросила у него, надеясь на комплимент: «Сир, кого вы считаете самой великой женщиной?», полководец, не задумываясь, с солдатской прямоотой ответил: «Ту, которая вырастила больше детей», чем, как говорят, нажил в лице мадам де Сталь непримиримого врага. Нечто сходное с этой прямоотой есть и в балкарском характере. Из пятнадцати человек, которым я рассказывал этот анекдот, только один ответил: «Ну, назвал бы ее, что ему стоило?» Все остальные отреагировали сходно: «Правильно сказал». Можно подумать, что при таком характере балкарец будет относиться к женщине жестко, помыкать ею. Ничуть не бывало — отношение к ней деликатное, и женщина пользуется всеми правами, которые ей нужны; это подруга, а не домашняя рабыня, что отмечалось немецким ученым Генрихом-Юлиусом Клапротом у карачаевцев еще в начале XIX века и что справедливо и для балкарцев. На причинах такого положения следует остановиться чуть подробнее.

Стереотип в отношении мусульманских народов, сложившийся у европейцев: «Угнетенная женщина Востока», — ложен, как и всякий стереотип. Дело не в религии и не в том, в каком регионе живет народ, а в том,

какое начало в его характере является преобладающим. Человек всегда судит о других по аналогии с собой. Коварный думает, что коварны все, доверчивый — что доверчивы все и т. п. Доверчивость — чисто мужская черта, свойственная женщине только в ранней юности. Женщина практична, у нее безошибочная интуиция, и потому она обманывается только тогда, когда ей это хочется самой, зная при этом в глубине души, что дело обстоит совсем не так и что собеседник или собеседница лжет. А поскольку непостоянство свойственно женщине по самой ее природе (разумеется, речь идет не о влюбленности и супружеских изменах, а о быстрой реакции и смене настроений, переменчивости: женщина легко поддается влияниям — не потому, что легковерна, а потому, что, как писал Отто Вейнингер: «У нее нет убеждений»), то представители народов с женственным характером будут питать инстинктивное недоверие к женщине, стараясь держать ее в затворничестве (арабы, китайцы) или держать ее в черном теле. У народов же с мужской ментальностью отношение к женщине будет снисходительным: постоянство в мужчине заставляет его предполагать это качество и в своей подруге. Поэтому балкарские семьи в большинстве своем — крепкие, хотя процесс разрушения семейных уз, процесс мировой, не обошел и их. Все базируется на простых правилах доверия друг другу, муж не вмешивается в решение разных мелких дел, оставляя за собой право решать главные, важные вопросы. Беда, если муж обладает набором женских качеств — капризен или сует нос не в свои дела, интересуется каждой мелочью, — для балкарки это непереносимо, и тогда доходит до развода, если кто-либо из супругов не смирится, согласившись терпеть. Избить женщину или даже ударить — самый позорный в понимании типичного балкарца поступок. Но сейчас появились и такие уроды.

37

Оборотной стороной любви к логике и последовательности, постоянству является, как уже говорилось выше, инерция. Типичные балкарцы — заскорузлые консерваторы, решиться на какие-либо перемены их могут заставить только чрезвычайные обстоятельства. Правда, решившись на это, они будут точно так же последовательны. Балкарцу трудно принять решение, но отказаться

ся от него еще трудней, он считает это позором. Например, все могут отлично понимать, что тот или иной обычай давно устарел, высказывать мысли о том, что надо бы его отменить, но будут следовать ему, рассуждая: «Не мной придумано, не мне и отменять». Показательно правило, зафиксированное в устном этическом кодексе балкарцев и карачаевцев «Тау адет»: «Айтма, айтсанг а — къайтма» — «Не говори, а если скажешь — не отступай». И если балкарец что-то пообещал, то, скорее всего, сдержит свое обещание. Заставить балкарца переменить сложившееся у него мнение очень трудно, искоренить его до конца — и вовсе не возможно. Поэтому для него необычайно важно следование правилу: «Береги честь смолоду» — однажды совершенный проступок помнится долго, даже если это было в детстве: в то, что человек меняется и иногда достаточно радикально, типичный балкарец не верит.

38

Тот же консерватизм — если обратиться вновь к такому объективному источнику, как фольклор, — диктует требование ничего не добавлять к однажды кем-то сложенной песне, из опасения, что в сюжете окажутся ошибки и неточности. Балкарец очень уважает факт, документальность, точность и поэтому не любит домысливания. Разумеется, исключить вмешательство вымысла в фольклор невозможно, более того, вымысел необходим, поскольку часто выражает суть лучше, чем самый точно переданный факт; но показателен сам запрет. Балкарцу кажется, что древние певцы точнее следовали этому правилу, поэтому говорят: «Эски жырлада ётюрюк жокъду» — «В старых песнях нет лжи». Не знаешь всего текста песни целиком — не пой, домысливая, не меняй.

39

Как народ, главной чертой которого является постоянство — со всеми его положительными и отрицательными сторонами, — балкарцы склонны к этической оценке всего и вся, являются народом моральным, то есть оценивают все происходящее, все события и поступки с точки зрения того, хорошо это или плохо, добро или зло. Нельзя думать, что это влияние ислама — мусульманами балкарцы стали недавно, лет двести назад; нет,

это одна из черт их менталитета. И в этом опять обнаруживается преобладание мужского начала. Логика женщины: «Я всегда права»; «Все, что я делаю, — правильно и хорошо»; «Все, кто поддерживает меня, — хорошие люди, все те, кто возражает мне и не соглашается со мной, — плохие люди». Соответственно в народах с преобладанием женского начала в менталитете такая логика будет преобладающей, а моральная рефлексия, навязанная, скажем, религией, будет только внешней оболочкой, чем-то, что легко будет отметаться в критической ситуации. Поэтому женщина обычно легко прощает и объясняет свои проступки, она не чувствует себя в такой степени ответственной за все, что с ней связано.

Не то с логикой мужской. Свалить ответственность на кого-то другого — означает изменить себе, признать, что ты совершил поступок под влиянием другого, признаться в своей подчиненности, несамостоятельности, слабости. Одной из лучших черт балкарского народа следует считать поэтому то, что чаще всего балкарец не отрицает свою вину и не старается переложить ее на другого. Попытки запирательства обычно кончаются плохо: измена менталитету оказывается тяжелее, чем признание вины. Балкарец живет, постоянно пытаюсь увидеть себя глазами других, пытаюсь угадать, а что сказал бы тот или иной человек по поводу его слов и действий. Разумеется, такое состояние души в некоторой степени ограничивает ее свободу, но с этим ничего не поделаешь.

40

Показательно в этом смысле отношение к собственности. Отто Вейнингер, обосновывая тезис об отсутствии у женщин понимания значения собственности, писал: «Клептомания сильнее развита у женщин, чем у мужчин: kleптоманы (воры без нужды) почти исключительно женщины. Женщине доступно понятие власти, богатства, но не собственности. Женщина-клептоманка, случайно настигнутая на месте преступления, всегда оправдывается тем, что по ее ошибочному предположению все это должно было принадлежать ей».

Разумеется, воровство никогда и ни у кого не могло найти одобрения, ни у одного народа. Вопрос в том, каково отношение окружающих к вору или шире — вообще к преступнику. Могут жалеть его, видеть в нем боль-

ного, заблудшего, но могут относиться, как американцы в XIX веке, которые, как писал Алексис де Токвиль, видели в преступнике изверга и врага рода человеческого; иные могут и восхищаться удачливым вором. Но наверняка отношение к нему у народов-женщин (пусть читатель простит мне это словосочетание, вводимое для краткости) будет более снисходительным. Мелкий ворюшка вызывает у балкарцев насмешку, ему могут дать презрительную кличку, например, «куроцап», и человек проживет с ней всю жизнь. Крупный вор вызывает ненависть: уважение к чужой собственности в балкарце развито сильно. Поэтому все преступления, связанные с похищением чужой собственности, и человек, совершивший их, осуждаются однозначно, бесповоротно, без всяких скидок на различные обстоятельства. Даже удачливым, виртуозно крадущим вором не восхищаются. Одним словом, балкарец рассуждает просто: «Вор есть вор, существо презренное, и крадет потому, что не хочет работать».

41

Балкарец чаще всего сострадательен, способен проникнуться горем другого человека. Но наряду с людьми, легко жертвующими временем и имуществом, теплом сердца, чтобы помочь другому, среди балкарцев встречается и другой, весьма отвратительный тип — мелочный, скаредный, чья философия точно выражена в русской поговорке: «Моя хата с краю...» Можно, конечно, списать это на обстоятельства жизни на чужбине, в Средней Азии, когда каждая семья была вынуждена сама бороться за выживание, но это объяснение слишком легкое. Полагаю, что этот тип сложился позже. Во всяком случае, чаще всего это люди, попавшие «из грязи в князи», разбогатевшие всеми правдами и неправдами, может быть, и тяжелым трудом, и теперь твердо убежденные в том, что их менее состоятельные соседи и односельчане завидуют им и только и мечтают о том, как бы чего урвать от них. Балкарское мышление, как мы уже говорили, склонно к монументальности, тяготеет к крупным формам, масштабности, отрицает мелкое и мелочное, и поэтому такой тип — видимо, порождение не менталитета, а времени первоначального накопления капитала, через которое медленно проходит страна.

Равенство людей трезвый ум балкарца отрицает напроць и отрицал всегда. Существует множество критериев, по которым люди неравны,— способности, моральные качества, трудолюбие и лень, храбрость и трусость, предприимчивость и инертность, бездеятельность, здоровье и болезнь и т. д., и об этом неравенстве балкарец, как можно понять по фольклору, знал всегда и никогда не мечтал об обществе, основанном на равенстве. Иное дело справедливость. Согласно балкарской ментальности, справедливое общество то, где царит принцип: «Каждому по труду».

Прямота, присущая балкарскому характеру, имеет свою оборотную сторону — грубость. И если прежде грубость пресекалась благодаря авторитету старших, стиралась строгим воспитанием (считалось, что грубость — признак раба, крепостного и не приличествует благородному узденю), то сейчас, после всемерного разрушения веками складывавшейся системы воспитания и отношений в обществе, эта черта проявляется часто. И одним из ее проявлений является сквернословие — иногда совершенно открытое, не стесняющееся ни женщин, ни детей. (В отношении стариков сдержанность более или менее соблюдается). Прежде такое положение было немыслимо, более того, «Тау адет» прямо указывает: «Анамауузну аузун буз» — «Сквернослову разбей губы».

Чинопочитание — настоящее, внутреннее, искренне полагающее, что тот или иной человек выше окружающих, потому что занимает высокий пост,— типичному балкарцу несвойственно. Конечно, он будет подчиняться чиновнику вынужденно или из какой-либо выгоды, но признавать его превосходства не будет. Почтение, которое оказывается начальнику, даже в том случае, когда все знают, что перед ними отпетый негодяй, взяточник и вор, есть следствие страха перед государственной мощью и ее бездушием, которые были внушены балкарцам периодом геноцида и выселения, еще ранее — репрессиями 20—30-х годов. Сейчас, по мере того, как

гигантская пирамида власти постепенно оседает вниз, когда померк олимпийский ореол над ее вершиной и распространилась хоть какая-то видимость гласности, этот страх постепенно проходит.

45

Вероятно, в мышлении каждого народа есть особый «пунктик», на котором оно зациклено, некий непреложный принцип, нарушение которого для истинного представителя этого народа непредставимо, не укладывается у него в голове. Балкарец твердо убежден, что справедливость можно нарушить только заблуждаясь или недопонимая. Представить себе, что можно сознательно нарушить справедливость, балкарец не может, для него это настоящий барьер, нонсенс. Столкнувшись с таким фактом, он глупеет на глазах и только повторяет: «Не может быть! Но ведь это несправедливо! Как же так можно!» В глубине души балкарец убежден в том, что, в конечном счете, мир основан на справедливости и что люди грешат против нее лишь по неведению, и это положение является для балкарца фундаментальным; но тут он чувствует, что устои его миропонимания начинают рушиться, а смириться с этим, конечно, трудно. Хочу уточнить: данная вера для балкарца является чем-то само собой разумеющимся, существующим в его сознании, вернее, в подсознании, с детства и потому есть часть инерции мышления, поскольку нуждается в проверке опытом; но опыт опровергает аксиому балкарского мышления и говорит, что сознательное нарушение справедливости, даже самой простой и очевидной, встречается на каждом шагу. Но поскольку вера в ее непреложность заложена в самой глубине балкарской ментальности, смириться с этим она не может, спасаясь придумыванием различных, часто весьма наивных объяснений и оправданий.

46

Такая, противоречащая повседневному опыту вера, разумеется, является для ее носителя источником всяких зловключений и передраг, поскольку из нее произрастает беспечность. Это, конечно, сугубо мужская черта — женщина в силу своей практичности редко бывает беспечной. Но отсюда же берет свое начало природный,

а не приобретенный оптимизм, который все же прочнее, чем благие упования, основанные на расчете. Можно очень трезво взвесить, казалось бы, все за и против, прийти к выводу, что все будет замечательно, и преисполниться ликованием. Но жизнь часто опрокидывает самые точные прикидки, и выросший на них оптимизм рассыпается в прах, в то время как оптимизм прирожденный можно вырвать только с душой. Думаю, что присутствию такой черты, как непреложная вера в справедливость, балкарский народ во многом обязан: не в последнюю очередь благодаря ей он избежал озлобления, обессиливающего душу, выстоял в немыслимо трудных условиях геноцида и жизни на чужбине. В этом смысле русский мужик с его знаменитым «авось» и «ничего» — родной брат типичного балкарца.

47

Другая черта балкарского характера, произрастающая, как из семечка, из этой веры, — доверчивость. Балкарец — существо неумышленное и незлоумышленное, а потому и других представляющее такими же. По этой же причине подозрительность ему совершенно чужда. Обмануть типичного балкарца не составляет никакого труда. Возьмем такую ситуацию, как первое знакомство. По психологическому настрою в этой ситуации можно разделить людей на два преобладающих типа. Одни верят первому знакомому полностью, а затем, по мере завязывания отношений и лучшего узнавания его, это доверие уменьшается или остается на прежнем уровне. Другие долго присматриваются и лишь затем делают выбор — доверять или нет. В большинстве своем балкарцы относятся к первому типу, непрактичному, поэтому часто разочаровываются или разочаровывают других, поскольку тоже требуют к себе полного доверия с самого начала знакомства.

48

Помнится, лет пятнадцать тому назад один аспирант из Средней Азии, у которого было много знакомых балкарцев, говорил автору: «Вы, балкарцы, — несовременные люди, неприспособленные. Сейчас нужно жить хитростью, быть гибкими, скрытными, а у вас все на лице написано, да еще и крупными буквами. Вот у нас есть

небольшой народ, язгулемцы, вы на них похожи, такие же прямолинейные. Ты не обижайся, но все-таки согласишься, человек без хитрости несколько примитивен». Автор с этим положением не согласился, попытавшись доказать, что хитрость не показатель тонкости ума, но убедить собеседника не смог, даже приведя знаменитый афоризм: «Нет ничего противнее мудрости, чем хитрость».

* * *

Конечно же, любой народ всегда думал и думает о себе, пытаясь определить свои отличительные свойства, выделить свои главные черты — понять, одним словом, свой национальный характер. Полагая, что заключение народа, в отличие от заключения, сделанного одним человеком, окажется более объективным, мы должны признать высокую ценность подобного свидетельства народа о самом себе. В случае с балкарцами оно имеется.

Основным самоназванием балкарцев является термин «таулула» — «горцы». Этим же термином до недавнего времени, судя по фольклору, пользовались и карачаевцы, затем оно у них было постепенно вытеснено основным этнонимом. В балкарском языке есть понятие «таулулукъ» — в буквальном переводе «балкарство» или, поскольку оно не ново, а существует давно, «карачаево-балкарство». Некоторые полагают, что этот термин означает воспитанность человека в духе балкарских традиций и применяется к человеку, исповедующему традиционные ценности. Но это не так, и мы приведем пример применения термина, ясно показывающий, что вкладывается народом в это понятие. Сельчанин купил на базаре в соседнем селе несколько овец. Поскольку у него были и еще какие-то дела, он попросил шофера, отправлявшегося на машине в сторону его селения, подвезти их и выгрузить на обочине, у въезда, а он сам подъедет позже. При этом он даже не спросил ни фамилии, ни имени шофера и не записал номера автомашины. Шофер, человек хитрый, к тому же и другой национальности, согласился, погрузил овец, и поминай как звали. Вот этому-то хозяину овец и могли сказать его знакомые, а поскольку этот случай реальный, наверняка и сказали: «Эй, шуёхум, бу жол а таулулукъ этдинг!» — «Да, приятель, на сей раз ты проявил таулулук!»

Можно было привести и другие примеры, но все они сходны.

Итак, термин «таулулукъ» («карачаево-балкарство») — синоним слова «доверчивость». Это не может быть случайностью. Народ, который знает себя лучше, чем кто-либо, не стал бы использовать свое самоназвание для термина, в котором не отражается характерная, искони присущая и существующая в его душе черта. В некоторых случаях «таулулукъ» можно понять в значении «простодушие», но точнее все же будет переводить его как «доверчивость».

Не следует путать наивность и доверчивость. Типичный балкарец доверчив, но не наивен. Доверчивость входит в сферу чувства, наивность в сферу интеллекта. Поскольку балкарец склонен к логике, к отыскиванию сути и терпеть не может противоречий — как в практике, так и в суждениях, — постольку он не наивен.

Но то, что он доверчив, — однозначно. Конечно, это часто приводит его к разочарованиям, ошибкам, он сокрушается об этом, но вытравить из себя эту черту, разумеется, не может. Когда его, пользуясь доверчивостью, обманывают, он переживает это очень тяжело. Причем трудно сказать, что для типичного балкарца тяжелее — сожаление о том, что он поддался на обман, проявил «таулулукъ», или что тот, кто воспользовался его доверчивостью, оказался обманщиком.

Интересно, что обман, совершенный человеком чужой национальности, балкарец переносит гораздо легче, чем обман со стороны соплеменника. В первом случае он объясняет это тем, что, вероятно, у них, у этого народа, хитрость в крови, что у них это в порядке вещей, поэтому, мол, я сам виноват, не следовало слепо доверяться.

Во втором же случае он буквально закипает яростью, потому что бессознательно знает (есть же и такой вид знания), что так не должно было случиться, что человек, обманувший его, оказался чужим, выдавая себя за своего, то есть предал то, что должно было оказаться в них обоих, что их объединяло, — доверчивость, и, таким образом, обман был двойным.

Беспечный человек обычно добродушен и простодушен. Но у этих приятных черт есть свой спутник весьма неприятного свойства, особенно в наше торопливое время, — непунктуальность. Если балкарец должен явиться, скажем, на какое-то собрание в девять часов —

он придет в десять, а если назначено в десять — придет в одиннадцать. Притом, что он твердо убежден, что данное слово надо сдерживать во что бы то ни стало, что не сдерживать его — это настоящий позор, довольно часто это ему не удается именно из-за беспечности, и он многое на этом теряет, расплачиваясь обидой, попреками и недоверием.

49

Вероятно, есть некая избирательность в ментальности разных народов, позволяющая им снисходительно относиться к тем или иным недостаткам, полагая их безобидными, но нетерпимо к другим, хотя и, быть может, более безобидным. Балкарец совершенно легко прощает сородичу или иноплеменнику робость — «Ну что тут поделаешь, раз Бог ему сердца не дал»; глупость — «Что может дать пророк тому, кого обделил Аллах?» (совсем по Вольтеру: «Если человек глуп — то это надолго»); даже вспыльчивость, не говоря уже о том, что, например, чревоугодие его забавляет. Одним словом, легко прощается то, в чем нет умысла, с чем человек родился и что не вредит обществу, не вносит в него особого разлада. Но совершенно непереносимы и нетерпимы для балкарцев лень и в особенности инертность — это часто приводит человека в ярость, а в лучшем случае вызывает презрительную жалость: «Къой-къой, кёзю жанмагъан адамдан не излейсе?» — «Да что взять с человека без огонька в глазах?».

«Без огонька в глазах» — такое определение в устах балкарца означает крайне отрицательную оценку, что-то вроде «ни живой, ни мертвый», «стоящий очень близко к патологическому трусу». Кстати, о трусости в пословице сказано:

Бетсиз адам — бокъ адам,
Ётсюз адам — жокъ адам.

Не имеющий совести — дерьмовый человек,
Не имеющий мужества — несуществующий человек.

50

Совершенно нетерпимыми представляются балкарцу хвастовство, позерство, претенциозность — их обычно обрывают мгновенно. Даже если человек, занимаясь де-

лом, к которому у него нет никаких склонностей и таланта, затратил массу времени и сил, а в результате сотворил нечто бездарное, это обычно не вызывает жалости. Самые мягкие, деликатные или ищущие какую-либо корысть люди еще могут сказать пару ничего не значащих фраз, но остальные будут жестокосердно молчать: а как же, ведь он покушался на чужое место, это самозванец, по сути дела, шарлатан. Правда, на многих и многих графоманов такое отсутствие народного отклика совершенно не действует.

51

Вообще, здесь следует добавить, что в отношении людей творческих балкарский менталитет проявляет в своих требованиях максимализм: что-то среднее, пусть и нужное, его не удовлетворяет, особенно если уже имеются достижения. Чтобы тебя заметили и признали в народе, нужен очень высокий уровень мастерства: если поешь — пой, как Омар, или лучше, пишешь — пиши, как Қазим или Қайсып, или лучше их и т. п. Иначе можно прожить жизнь в творчестве и не выйти из их тени, не добиться народного признания. Будут знать имя — читать или слушать не будут. Надо или быть первым, или вообще этим делом не заниматься. Такая требовательность, конечно, чрезмерна, поскольку давно известно — не будет творцов средних и маленьких, не будет и великих. Но такова реальная позиция типичного балкарца, и мы имеем то, что имеем.

Стремление к лидерству — еще одна особенность балкарского характера. Быть ведомым балкарец не любит, он непременно желает определять, направлять, быть значимым и чувствовать свою значимость. При этом не имеет значения, идет ли речь о лидерстве заметном, очевидном или он скрывается в тени: важно просто быть лидером, пусть об этом знает всего несколько человек. Если, скажем, балкарцу не удастся стать лидером в одной группе, он предпочитает уйти из нее в менее яркую, чтобы там найти область, в которой его авторитет будет признан, стать в ней хотя бы частичным лидером. Признать, что кто-то выше его, для балкарца очень трудно, — в том смысле, что он никогда не творит себе кумира. Балкарец часто завистлив. Но его зависть имеет странное свойство: он завидует не всем, а только своим соплеменникам, то есть эта зависть близорукая

и весьма вредоносная. (Не случайно появление анекдота, в котором на вопрос: «Полетит ли балкарец в космос?» — отвечают: «Полетит, если другой балкарец не помешает»).

52

Очень ярко, заметно проявляется черта, укорененная в самой глубине балкарской души, — индивидуализм. Толпа балкарцев — это толпа одиночек, и нужно давление обстоятельств, их напор, чтобы ее объединить в единый организм с единым дыханием, чувством, мыслью. Подвигнуть балкарцев на коллективное действие могут только затруднительные обстоятельства, давление со стороны, слишком очевидное, чтобы его игнорировать, или необходимость в совместных действиях (например, при стихийном бедствии и т. п.). Точно так же трудно лишить их чувства единства, однажды достигнутого, поскольку индивидуальная душа уже начинает желать ощущения мощи, которое дает коллектив.

Но в обычных условиях балкарец — закоренелый индивидуалист, часто попадающий в ситуацию, отраженную в поговорке: «Сен бий, мен бий, атха суу ким ичирир?» — «Ты князь, и я князь, кто же из нас напоит коня?» Сам балкарец оценивает индивидуализм (не путать с эгоизмом), свойственный ему, как нечто положительное. Смотри, например, пословицу: «Кесим» демегенни эки эрини бир бирине жетмейдиле» — букв.: «Кто не говорит: «Я сам», у того губы не смыкаются». Точный смысл примерно таков: кто не ощущает, не осознает себя отдельной, особой личностью, не способен ни на какое действие. Есть и другие, приводить которые мы не будем.

53

Настоящим мужеством, по балкарским понятиям, является мужество, проявленное в одиночку, без опоры и поддержки других, — касается ли это сражения или другой экстремальной ситуации. Общее мужество — это только общее мужество, в нем может чувствовать себя героем и не очень смелый человек — таково это воззрение (заметим, что балкарское сознание вообще не слишком доверяет коллективному деянию — ни военному, ни трудовому, ни творческому, — оно уверено, что любое

содружество, сообщество и т. п. держится на воле и решимости одной или нескольких личностей). Поэтому такое сознание склонно причину и неудач, и достижений видеть только в действиях одного или нескольких деятелей, совершенно отбрасывая, не замечая других, и, разумеется, часто ошибается (впрочем, такая черта, видимо, свойственна обыденному сознанию любого народа). Сравни пословицу: «Кёп жыйын да пох жыйын, аз жыйын да баз жыйын» — «Велика дружина, да дрянь, мала дружина, да решительна».

Вполне возможно, что индивидуализму балкарцы обязаны тем, что у них рано исчез обычай кровной мести — позорный пережиток стадни дикости. Можно за деревьями не видеть леса, но можно и за лесом не видеть деревьев, обвиняя в преступлении, совершенном одним человеком, весь его род.

Балкарец совершенно не склонен видеть в частном преступлении вину многих людей, он всегда видит перед собой конкретного виновника. В прошлом убийца за свое преступление расплачивался или своей жизнью, или, по решению суда (Тёре), его изгоняли из общества, или платил цену крови (къан багъасы).

Конечно, некогда обычай кровной мести был распространен у балкарцев и карачаевцев, о чем свидетельствует терминология, порожденная бытованием этого обычая, а также древние песни. Но даже в нартском эпосе, например, возникновение которого связано с началом железного века, нет примера, когда один род враждует с другим до полного взаимоистребления. Сын убитого мстит только убийце, но не всему его роду. Богатырь Карашауай из рода Аликовых, чьих дядей убил будущий глава нартов Ёрюзбек, ограничивается тем, что всячески насмехается над богатырями из рода Схуртуковых, но не истребляет их, хотя и мог это сделать. В конце концов дело заканчивается женитьбой Карашауая на дочери Ёрюзбека и примирением враждующих родов.

Этический кодекс «Тау адет» так же осуждает кровную месть, как и кровопролитие вообще:

Аманны аман бла къуума,
Къанны къан бла жуума.

Не отвечай злом на зло,
Кровь не смывай кровью.

Удаль, дерзость балкарскому менталитету чужды, отсутствуют в нем. Скорее всего, эти черты присущи национальному духу народов-женщин. Например, у русских — «удалой казак», «удалой русский солдат», «русская удаль» и т. п.

Не знаю, применяют ли сами немцы (народ с типично мужской ментальностью) такое определение к себе, но со стороны этот эпитет никогда не прилагается. «Удалой немецкий солдат» или «удалой японец» звучит достаточно нелепо (и, наверное, совсем не потому, что мы пользуемся в данном случае русским языком). Балкарцы в отличие от их предков — скифов и алан — невоинственны. О них можно сказать то, что писал Лев Гумилев о древних уйгурах — «не войнолюбивы, а вольнолюбивы». В балкарском мужестве нет вызова, дерзости, оно спокойно и твердо, его основой являются отвага и стойкость. В уже упомянутом кодексе балкарцев и карачаевцев «Тау адет» сказано:

Тиймегеннге тийме,
Тийгенни сау нйме.

Того, кто тебя не
трогает,— не трогай,
Того, кто тронет,—
не выпускай живым.

Поэтому балкарцы редко бывают задиристыми. Воспитанию такого качества, как стойкость, заложенного в самой ментальной структуре балкарской души, способствовали история и среда обитания. Высокогорье с его трудными климатическими условиями, нехватка земли, годной для обработки, скудной и каменистой, долгая зима и короткое лето, набеги и стычки с соседями, широко отразившиеся в фольклоре,— все это требовало постоянного напряжения сил. По очень точному выражению литературоведа Фатимы Урусбиевой, последние семь веков балкарцы и карачаевцы жили в режиме апокалипсиса (см. нашу статью «Путями предков»). Середина XIII века — нашествие монголо-татар, обернувшееся для алан (карачаево-балкарцев) катастрофой, спустя полтора века — геноцид, совершенный по отношению к ним войсками Тамерлана, не говоря уже о

стычках с соседями, опустошительных эпидемиях чумы в конце XVIII — начале XIX века, о рейде генерала Ермолова по балкарским ущельям в 1822 году (в 30-е годы XIX века балкарцев оставалось не более 8 тыс. человек) и, наконец, массовое выселение балкарцев и карачаевцев в 1943—1944 годах в Среднюю Азию и Казахстан, на голодную смерть, на гибель от болезней и безысходности. С чужбины вернулась только половина народа. Думаю, что пережить такое, быть несколько раз на краю гибели и все же не согнуться, не предпочесть смерть нескончаемым мукам мог только стойкий народ. Выстоять — ведь это не означает только выжить, это значит сохранить живую душу, свои песни и сказания, историческую память, замечательные танцы, устойчивые традиции, а самое главное — веру в будущее, потому что только с ней возможны труд и подвиг.

55

Но выселение и геноцид, не сумев разрушить строй народной души, тяжело сказались на отношении народа к государству, посеяли в ней страх перед этой чудовищной машиной, что неудивительно при его малочисленности (перед второй мировой войной балкарцев насчитывалось около 60 тыс.). Этнос за столетия своего существования врастает корнями в родную землю, чувствует себя прочно и уверенно. И вот его выдергивают из этой земли, как дерево, и выбрасывают на чужбину. Неудивительно, что и сейчас, спустя тридцать пять лет после возвращения — а для народа это только миг, — массовому сознанию балкарцев государство представляется Молохом, не знающим ни чувства справедливости, ни жалости, ни добра, руководствующимся непонятно чем. Страх всегда отвратителен и губителен, чем бы он ни был вызван, но вдвойне губителен страх перед государством, под властью которого живешь. По этим причинам балкарец не доверяет любым властям и любым законам, притом, что ему очень хотелось бы верить им — для обретения утраченной опоры в мире, пронизанном политикой, вторгшейся во все поры жизни. По его твердому убеждению, политика — это самая черная ложь.

Само собой разумеется, что при такой ментальности и при такой истории, которая много раз подводила к мысли, что всякая власть преследует только свои интересы и что верить любому ее представителю нельзя, ли-

дерами балкарского народа могли и могут быть только люди, обладающие очень высокими нравственными, деловыми и интеллектуальными качествами,— я имею в виду лидеров неформальных, признаваемых народом таковыми. Совершенно закономерно рассуждение одного рядового избирателя на выборах: «А какая мне разница, кто станет депутатом? Они ради себя стараются. Засядут в Верховном Совете, будут обдѣлывать свои дела». Это, конечно, не всеобщая точка зрения, но достаточно распространенная. Это нормальная реакция рядового человека на ненормальное положение в обществе, которое сохранялось слишком долго, чтобы можно было убедить человека, что это не так, не должно быть так. Что он вам ответит? «Да брось ты... Всегда так было, и всегда так будет».

56

Совершенно поразительна была для меня точка зрения одного из сельских функционеров, его понимание своей роли (разговор происходил лет десять назад). Как должен думать нормальный, здравомыслящий чиновник? «Я руковожу, вместе с другими начальниками, деятельностью нескольких сотен людей. Я должен способствовать тому, чтобы этой деятельности ничто не мешало, чтобы честный трудящийся жил обеспеченно, в почете и уважении, чтобы жизнь в селе текла мирно и спокойно»,— иными словами, добиваться благосостояния этого села. Но я с великим изумлением обнаружил, что мой собеседник думает иначе: «Все здесь лодыри и хапуги, о государстве не думают, только о себе». Себя этот функционер рассматривал как надсмотрщика, который должен заставить вверенное ему население произвести определенное количество продукции и доставить ее некоему божеству по имени Государство, которое для этой цели и облекло его доверием.

Поэтому для балкарской ментальности есть только две прочные, проверенные жизнью опоры — собственное трудолюбие и надежда на Божью справедливость. Трудолюбием балкарцы — и это можно утверждать совершенно определенно — одарены в высшей степени, эту черту в них подчеркивали абсолютно все путешественники, которые посещали Балкарию в те или иные времена. В сознании народа трудолюбие — одна из высших

ценностей. Нет никаких установок, ограничивающих время или усилия.

В «Тау адет» сказано:

Къарнынг тойгъунчу аша,
Белинг талгъынчы ишле.

Ешь, пока желудок не насытится,
Работай, пока поясица не заноет.

57

Часто менять место работы предосудительно. Совершив такой переход, человек обычно оправдывается, чувствуя за собой вину. Жить своим трудом, больше уметь, не бояться труда — главный принцип воспитания балкарских детей — считается само собой разумеющимся, что все остальное приложится. Этот принцип часто воплощается в жизнь настолько жестко, что отнимает у ребенка часть беззаботности, которой человек обладает только в детстве. Балкарский ребенок растет в атмосфере доброжелательной — детей почти никогда не наказывают, но под знаком постоянных напоминаний и указаний: ты должен, ты обязан. Это можно, то нельзя. Этого не делай и т. п. Чувство долга, которое начинают воспитывать с довольно раннего периода, конечно же, не самое приятное для ребенка, трудно усваиваемое. Если перегнуть палку, можно из него сделать маленького старичка. Впрочем, это случается редко — взрослые напоминают и указывают, ребенок сопротивляется, протестует, делая все по-своему. Это как бы проверка. Сильные делаются еще сильнее, слабые — еще слабее. Навязывание такого рода императивов — еще одно следствие балкарского максимализма. В результате в сознании балкарца уже в подростковом возрасте создается достаточно четко очерченный идеал, с которым он вольно или невольно соизмеряет свои поступки, причем идеал очень высокий. (Со скидкой на время, можно сказать, что этот идеал ярко отражен в нартском эпосе — образ Карашауая. Мы, конечно, не имеем в виду, что современный балкарец соизмеряет себя и свои поступки с эпическим богатырем, речь идет о тех чертах характера, которыми наделен его образ).

Присутствие в сознании народа такого идеала, как и в других случаях, имеет свои положительные и отрицательные последствия. С одной стороны, это предполагает постоянные усилия не уронить себя, чтобы сохранить самоуважение, дает определенный нравственный ориентир, предохраняет от распущенности и слабости. Но, с другой стороны, если человек не обладает достаточно тонкой способностью к интерпретации этого идеала, он сковывает, делает человека косным. Еще хуже, когда человек слишком слаб, чтобы хоть в какой-то мере соответствовать идеалу, который внедряется в его сознание родными: это приводит к потере самоуважения, к комплексу неполноценности, а отсюда всего два пути: или мания величия — «я не такой, как все, я выше, поэтому окружающие меня не понимают и не могут оценить» (а окружающие, разумеется, прекрасно видя слабость этого человека, относятся, в лучшем случае, снисходительно); или махнуть на себя рукой и признать себя вечным аутсайдером, не способным ни на какой поступок, более всего на свете боящимся ответственности, то есть того, что отличает личность, что делает человека личностью.

Одним словом, балкарское воспитание не является щадящим, материнским — сохранить слабого, попытаться сделать его сильнее. Типичный балкарец в глубине души убежден, что это сделать невозможно, что все предопределено заранее. Этот взгляд отражен в поговорке: «Ана сютю бла сингмеген бадыр суу бла сингмез» — «То, что не впиталось с молоком матери, не впитается с водой из-под кочки». Поэтому, если человек, который считался слабым, нерешительным, бесхарактерным, вдруг совершает нечто, достойное уважения, это оценивается как чудо, вызывает изумление — именно по причине непоколебимой веры в предопределенность (ведь чудо есть нарушение законов природы, казавшихся незыблемыми). Объясняется это «чудо» опять-таки исходя из той же веры: дескать, такая черта в нем была всегда, но только сейчас проявилась. Тут же вспоминают, что и в роду у этого человека было много достойных людей, и вот, мол, кровь в нем заговорила и т. д. Одним словом, слабому характеру в этой системе воспитания плохо: он уже сызмальства знает о своей слабости, но очень хорошо сильному — к нему, и также сызмальства,

относятся с подчеркнутым уважением. Хорошо то, что к слабому человеку относятся снисходительно, может быть, чересчур снисходительно: он, мол, не виноват, таким уж родился.

59

Любому родителю, конечно, хочется думать о своих детях хорошо, возлагать на них большие надежды — на каждого из них. Но мне часто приходилось слышать, как балкарец, отец семейства, говорит о них, например, соседу, причем открыто, определенно и жестко: «Вот из этого выйдет толк, он станет человеком. А вот этот — нет, не годится, ничего путного из него не выйдет». И это вовсе не потому, что он одного любит меньше, чем другого, просто он не желает обманываться. По моим наблюдениям, в основе такого определенного взгляда отцов-балкарцев лежит одно: отношение их детей к труду. Если подросток трудолюбив — все, этого достаточно, вырастет человеком. Если же старается отлынивать или работает кое-как — доверия к нему и веры в его будущую судьбу не будет. Что бы в нем позже ни обнаружилось — талант к науке, окажем, или к музыке, — типичный балкарец, его отец, будет подозревать, что здесь что-то не так, до конца не обретет уверенности в нем. Очевидно, что трудолюбие — то, что позволяет отцу удостовериться в устойчивости характера своего ребенка. Это для него самое главное. Почему? Потому что его ментальность, в которой важнейшей чертой является постоянство, то, на чем стоит он сам и его народ, хочет, чтобы эта черта отыскалась и в характере сына. Есть она — и, значит, все хорошо и прочно, нет ее — значит, он не в порядке и легко может стать игрушкой обстоятельств, поддаться на любой соблазн.

60

Теперь об отношении к трем сферам духовной деятельности — искусству, религии и науке.

Одно примечание. Может быть, стоило сделать его в самом начале, а именно — ответить на вопрос: кто такой типичный балкарец? Без дотошного социологического анализа точно ответить на этот вопрос, конечно, невозможно, да и в этом случае мы выяснили бы важное, но не самое главное, то есть узнали бы, сколько

среди балкарцев работников умственного труда, сколько физического и т. п. Нас же в данном случае интересует духовный склад народа, а балкарцы по сей день являются все-таки народом крестьянским, и крестьянские черты проглядывают и в интеллигенте, и в рабочем, и даже иногда и в чиновнике. И дай-то Бог, чтобы мы этого не растеряли, потому что самая прочная фигура на Земле — это крестьянин.

Бывая на концертах, спектаклях, выставках, я, сознаюсь, часто ощущал себя каким-то соглядатаем, ловил себя на мысли, что происходящее на сцене мне интересно в такой же мере, как и то, что происходит в зале: реакция зрителей, их реплики и мнения. Исходя из этих наблюдений, я пришел к следующим выводам.

61

Типичный балкарец искусство любит и понимает, может отличить подлинное от подделки (хочу, чтобы не путали массового потребителя массового искусства с типичным представителем народа). Прежде всего это относится к песне и танцу — здесь у него вкус безошибочный. И в этой области балкарец-зритель — максималист. Одного только мастерства ему мало, он требует полной отдачи, полного вкладывания души, а не просто привычной демонстрации привычного умения. Вряд ли балкарца можно считать театралом. Быть может, в этом повинно отсутствие хороших пьес — в большинстве своем это сработанные по общесоветским штампам подделки. Что касается мировой классики, их содержание и тематика, а тем более быт героев настолько далеки от балкарского зрителя, что лишь иногда могут пробудить в его душе глубокий отклик. Такой отклик могла бы вызвать пьеса, дающая художественное осмысление событий последних лет, тех процессов, которые происходят в самом балкарском народе. Пусть в ней был бы явный публицистический оттенок, лишь бы на сцене появилась правда жизни. Но такого смелого писателя пока не видеть.

62

Высоко ценится искусство слова, особенно поэзия. Появление таких фигур, как Кязим и Кайсын, конечно, не случайно, это отражение того поэтического дара, ко-

торый присущ самому балкарскому народу, создателю великого эпоса о богатырях-нартах, замечательных историко-героических песен, народной лирики. Даже этический кодекс «Тау адет» изложен стихами. И намного меньше знают и любят прозу — нет глубины, нет выражения той жизни, которой живет или жил народ. Мелкотемье, уход от острых вопросов при несомненном мастерстве многих писателей и их слишком тонкое понимание того, о чем можно говорить и о чем нельзя, повергают в уныние. В результате — прозябание на краю духовной жизни народа. И вообще, если почитать то, что публикуется, приходишь к выводу, к которому можно было прийти и десять, и двадцать лет назад из такого чтения: были у балкарского народа беды и заботы в прошлом, они преодолевались, а вот сейчас таких больших забот нет. Кое-кто, правда, пьет горькую, подлец, а иные даже и взятки берут, да вот еще разводы случаются, некоторые темные люди калым платят за невесту, случается, что нехороший председатель колхоза обижает, а так все прекрасно. Наводит тоску преизобилие стихов о любви — однообразных, с потугами на оригинальность, скучный перечень скудного чувства, вызванный только пониманием творческой задачи поэта — «раз я поэт, значит, должен писать о любви», — так как любовь к женщине есть наиглавнейшее чувство в жизни, а не одно из многих. Современная балкарская литература знает, но мало занимается самым важным вопросом — народ в истории и история в народе, история, творимая ежесекундно. А ведь только литература, только писатель или поэт могут выразить те чувства, которые рождают в народе эти процессы, но только в том случае, если живут одной жизнью с ним и если могут говорить об этом искренне и ярко, как Кязим, например. Но крепка узда, надетая на Пегаса, и даже когда ее уже вроде сняли, писатель или поэт, вместо того, чтобы взвиться ввысь и увидеть далекие горизонты, все ездит на нем вокруг конюязи привычными кругами, по истоптанной его копытами дочеря узкой площадке.

63

В живописи типичный балкарец разбирается плохо, хотя, конечно, есть небольшой слой людей, знающих и любящих ее. Балкарская живопись слишком молода, а основная масса не слишком избалована выставками, чтобы ожидать другого результата.

Но тяга к изобразительному искусству в народе есть, есть и талантливые люди. Трудность в том, что нет традиции, вернее, труден ее поиск. Ведь по сути дела, не было на свете народа, который каким-то образом не стремился бы передать свое понимание цветовой гармонии или форм,— я имею в виду народно-прикладное искусство. И, на мой взгляд, только через осмысление его опыта можно достигнуть каких-то успехов. Такое осмысление идет.

К сожалению, здесь, как и в других видах искусства, действуют представления, зародившиеся на рубеже XIX—XX веков: художник, творец якобы непременно должен быть человеком с сумасшедшинкой, чудачком, странным, чуть ли не больным, а его произведения иметь одну цель — ни на кого не быть похожими, эпатазирующими, и в этом видят отличие искусства от неискусства. В результате на холсте часто получается не то, что художник видит на самом деле и как он видит, а то, как он хотел бы видеть, то есть художник дает себе задание и исполняет его, контролирует мир, вместо того, чтобы его постигать, и вместо того, чтобы увидеть мир таким, каким его видит народ, к которому принадлежит художник. Вот и получается позиция современного творца: «Виктор Васнецов? Фи! Это же примитивно, убого! То ли дело Пикассо или Шагал!»

Речь не о том, что явление одного художника отрицает существование другого. Речь о здоровом и больном искусстве и о том, что делает художник, подражает ли творениям самого великого художника — Бога, или, объявляя себя богом, начинает конструировать свой мирок («мы наш, мы новый мир построим») и, разумеется, терпит неудачу: оказывается, по-иному построенный мир получается искореженным, неживым, в нем нет души. Рассказывают, что однажды в Москву приехала с Русского Севера знаменитая исполнительница народных песен, неграмотная крестьянка. И, когда ее подвели в Третьяковке к картине Васнецова «Три богатыря», она сразу узнала их: «Вот Илюшенька, а вот Алешенька! А это Добрынюшка...» На мой взгляд, более высокого критерия для оценки работы художника быть не может — он увидел любимых народных героев такими, какими их представлял народ. Может быть, не случайно, что никто после Васнецова не попытался даже и помыслить о такой работе?

Счастлив же был бы, я думаю, балкарский художник,

которому удалось бы столь узнаваемо изобразить героев нартского эпоса: Карашауая, Дебета, Ёрюзмека или Сатанай-бийче! К сожалению, сегодня мы не можем сказать, что такое возвращение к народу происходит: собственное маленькое «я» еще заслоняет от него «Я» большое, всенародное.

Есть искусство здоровое, есть большое, как есть люди духовно здоровые или больные. Почему? Сказано в Евангелии: «Не бывает плода доброго с древа худого».

64

Ни оперу, ни балет, ни симфоническую музыку типичный балкарец не любит, даже понимая их величие и значение. Не думаю, что из-за этого надо переживать и сокрушаться. Недавно, выступая по телевидению, русский писатель Н. Панченко высказал по такому же поводу весьма здравую мысль: в Италии, например, может идти по улице каменщик или шофер, насвистывая или напевая арию из какой-нибудь оперы. Почему? Потому что это их искусство, рожденное духом Италии или Франции, или Германии. Не то в России: опера или балет в ней никогда не будут так популярны, как там, — русская душа выражает себя в других формах.

Не стоит это понимать, как индульгенцию, выданную народу для отпущения смертного греха непонимания классического искусства, — народ в этом не нуждается. Нужно сделать простой вывод: из того факта, что какой-либо жанр искусства существует и процветает в Европах, не вытекает, что он непременно должен быть везде и непременно в том же виде: один климат хорош для пальм, другой для сосен, третий для берез, а самые красивые цветы на чужой почве чахнут. Возделывай тот сад, который дан тебе Богом, и пой ту песню, которая звучит в твоей душе.

65

Отношение к людям искусства у типичного балкарца двоякое. Он понимает важность и нужность искусства, но некий оттенок ощущения, что это дело не вполне серьезное, что-то вроде игры, в его душе существует. (Кстати говоря, к спорту балкарец относится примерно так же. Несмотря на природную силу и ловкость, жо-

торой одарены многие балкарцы, спортом всерьез они занимаются редко).

66

Отдыхать и веселиться типичный балкарец обычно не умеет — для этого нужна или беззаботная, налаженная жизнь, комфорт, или беззаботный характер. Первого условия в бывшем СССР не было ни у одного народа, беззаботным характером балкарец не обладает вовсе, в особенности это касается балкарок, без дела не сидящих ни минуты. Традиционный распорядок свободного времяпровождения, сложившийся до революции, судя по описаниям старожилков, красивый, хотя и строгий (молодежные вечеринки, посиделки, с их песенными состязаниями, танцами, шутками, особым ритуалом ухаживания, стариковские беседы на сельской площади — иногда стариков развлекали подростки, состязаясь перед ними в национальной борьбе, или молодые парни — в метании камня и т. п.), разрушен до основания. Остались только голые, прозрачные оболочки некоторых обрядов — общение в застолье, пение, некоторые танцы. К чему приведет этот процесс, пока неясно. Но все больше и больше дело сводится к торопливому проглатыванию пищи и алкоголя, наспех исполненным обрядам и заученным словесным формулам. Традиционная обрядность умирает. Почти не слышно старинных эпических и историко-героических песен, исполнение которых прежде составляло кульминацию пиров, нет больше песенников-импровизаторов. Старое умирает, новое еще не народилось — такова ситуация.

67

О религии. Предки балкарцев и карачаевцев (алано-болгары) исповедовали особую разновидность общетюркской религии — тенгрианство, вплоть до X века, когда Алания восприняла христианство, проповедь которого шла из Византии. В результате монгольского нашествия в XIII веке и нашествия полчищ Тамерлана в конце XIV века Алания была стерта с карты Кавказа. Остатки населения, укрывшиеся в горах и лесах, долго сохраняли элементы слабо еще усвоенного христианства, как о том свидетельствуют записи русских и иностран-

ных путешественников, хотя и вернулись к прежнему язычеству своих предков, в котором образы христианских святых и пророков стали осознаваться как образы языческих божеств. Ислам балкарцы приняли поздно — на рубеже XVIII—XIX веков.

Эта короткая справка необходима для того, чтобы уяснить суть вопроса: кого балкарцы видели или видят в надмирном существе — Боге? Творца, Владыку, Судью, Отца Небесного и т. д.? Разброс представлений в этой области довольно широкий.

68

Если мы обратимся к истории еврейского народа, чье религиозное творчество широко известно, мы обнаружим интересный факт: как писал известный комментатор Библии пастор Бернард Гецце, отношение Бога к Израилю «представлено как брачный союз, а вероломство народа — как неверность жены мужу. Это уподобление вошло во все позднейшие книги Св. Писания до новозаветного Откровения ап. Иоанна включительно». Имеется в виду уподобление Христа небесному жениху, а церкви — невесте Христовой.

Впервые уподобление Израиля жене, а Бога — мужу встречается у пророка Осии (VIII век до н. э.). Вот, например, как Бог устами пророка Осии обличает Израиль за отпадение от религии Яхве и поклонение чужим богам: «За то вот, я загорожу путь ее тернами и обнесу ее оградой, и она не найдет стезей своих. И погонится за любовниками своими, но не догонит их и будет искать их, но не найдет и скажет: пойду я и возвращусь к первому мужу моему; ибо тогда лучше было мне, нежели теперь.

А не знала она, что Я, Я давал ей хлеб и вино и елей и умножил у ней серебро и золото, из которого сделали истукана Ваала». Конечно же, представление о себе как о жене и Боге как о муже могло возникнуть только в народе с женским менталитетом.

69

Можно назвать несколько стадий эволюции представлений о том, как предки балкарцев и карачаевцев мыслили свои взаимоотношения с божествами или с Богом.

Древнее солнечное божество, покровитель кузни Зо-

лотой Дебет — прародитель нартов, потомками которых балкарцы и жарачаевцы считали себя. Бог-предок.

Бог неба, верховное божество карачаево-балкарского пантеона Тейри спускается с неба в комете, рождается в образе человека и становится во главе нартов, чтобы очистить землю от враждебных человеку существ — драконов и великанов. Бог-предводитель.

Тейри творит из своего тела мир — природу, животных, людей и даже богов. Бог-Творец, Владыка Мира, Податель благ, Добрый и Строгий Покровитель, властвующий над Вселенной.

Таковы данные, которые можно почерпнуть из мифологии и фольклора. Ислам принес свое понимание Бога: Аллах, в отличие от Тейри — божества человекоподобного, не имеет ни образа, ни вида, ни пола, он вездесущ, всемогущ. Его пути неисповедимы, Он Творец мира, его Владыка и Грозный Судия. Эти три последних образа и являются для балкарца главными, определяющими в его представлениях об Аллахе.

70

Несмотря на семьдесят лет государственного атеизма, балкарский народ так и не склонился к безбожию. Среди людей всех поколений есть много искренне верующих. Я не имею в виду, что они неукоснительно исполняют обряды и предписания ислама, я имею в виду людей, чтущих самую суть всех мировых религий: тягу к нравственной чистоте, понимание смысла заповедей, веру в существование высшей реальности.

При этом балкарцы совершенно чужды фанатизму, какой-либо экзальтации, желанию уверить себя в превосходстве своей религии. Суть отношения балкарца к ней можно определить следующим образом: всем народам Бог указал путь к спасению через пророков. Наш путь указал пророком Мухаммадом, общину которого составляют все мусульмане. Мы должны идти по этому пути, как и другие народы обязаны следовать по пути, указанному их пророками.

71

Интересно, что некоторые, даже весьма ревностные верующие сохраняют представления об Аллахе как божестве человекоподобном. Например, рассказывают об

одной старой деве, всю жизнь проведшей в молитвах и постах, за чтением Корана. Однажды, по дороге на молебен, она упала и вывихнула ногу. Когда ее внесли в ближайший дом, она, охая, села на подушке и, подняв к небу кулак, сказала с угрозой, обращаясь к Аллаху: «Ну, погоди, большеглазый (чырчакёз — букв.: «чашеглазый»), доберусь я до тебя! Всю жизнь молюсь, всю жизнь тебе поклоны отбиваю, и я же охрометь должна!»

72

Особого почтения к служителям культа типичный балкарец не испытывает и особых требований к ним не выдвигает, основываясь на поговорке: «Делай не то, что делает мулла, а то, что он говорит». Но он же готов относиться с величайшим пиететом к человеку, который сумел бы завоевать авторитет действительного религиозного лидера. Но для этого ему надо стоять на большой духовной высоте.

73

К людям науки типичный балкарец относится с уважением, впрочем, достаточно умеренным, поскольку, слава Богу, не путает ум с образованием. Говорят обычно: «Окъуу башха, акъыл — башха» — «Образование — одно, а ум — другое». Наука в глазах народа — занятие почтенное, солидное. По своей природе балкарец любознателен, особенно охоч до книг по истории и этнографии, и почему-то очень многих интересует происхождение тех или иных слов. Вне всякого сомнения, если бы какой-либо языковед опубликовал «Этимологический словарь карачаево-балкарского языка», эта книга была бы самой читаемой в Балкарии.

74

Интересно отношение индивидуума к своему этносу. Вероятно, есть народы, которые переоценивают себя, превозносят, есть народы с трезвой оценкой, есть недооценивающие, настроенные по отношению к себе критически. Балкарцы, скорее всего, склонны к последнему, зачастую до самобичевания. В этом опять-таки виноват их максимализм, повышенная требовательность к себе. Дело доходит до смешного. Например, могут сказать:

«Какая архитектура (музыкальная культура, живопись и т. п.) у японцев, французов, итальянцев и т. д.! А у нас...» — и с горечью махнуть рукой. Говорящему и в голову не приходит, что у народов, которыми он восхищается, совсем иная история, что их в сотни раз больше, и многое другое. Это в культуре. Но и в других вопросах типичный балкарец чаще всего отмечает в других народах хорошее и в то же время редко замечает хорошее у себя. Чтобы заметить, это хорошее должно быть действительно значимым, чем-то крупным. На меньшее балкарец несогласен. (Об этой черте национального характера уже говорилось выше).

75

Теперь о том, какой тип темперамента является в психологии балкарцев определяющим. Еще в Древней Греции было выявлено четыре темперамента — меланхолики, холерики, сангвиники и флегматики. Разумеется, в чистом виде эти типы встречаются редко, и каждый отдельный человек может вести себя в одной ситуации как холерик, а в другой как меланхолик. Речь о том, какой тип доминирует в душевном складе человека или народа. Этими же терминами обозначают тип памяти.

Чтобы объяснить разницу между ними, обычно приводят какую-нибудь ситуацию, например, такую: меланхолик приходит на концерт, билет на который он, скажем, потерял. Обнаружив пропажу только у входной двери, он делает робкую попытку объяснить происшедшее, но, только услышав первые возражения, сникает и, грустно думая: «Ну конечно, я так и знал», понурившись, идет домой. Меланхолик запоминает медленно, а забывает быстро.

Холерик, наоборот, устроит грандиозный скандал, будет рваться в зал, а если не получится, испортив всем настроение и пригрозив кассируше и билетеру: «Я вам еще покажу кузькину мать!» — в воинственном настроении уходит, рассказывая по дороге знакомым и незнакомым, какие беззакония творятся в этом зале, какой формализм. Холерик и запоминает быстро, и забывает быстро.

Сангвиник, выяснив ситуацию, попытается пройти в зал, толково и внятно объяснив случившееся. Если не получится, скандала затевать не будет, быстро обдумает и найдет другой выход — пройдет в зал с помощью

знакового артиста или киномеханика, или еще каким-либо способом. Сангвиник быстро запоминает и медленно забывает.

Флегматик отнесется к тому, что его не пропускают в зал, спокойно, сделает попытку объяснить; если не получится, предпримет еще одну попытку, если же и тогда не получится, не особенно огорчаясь и думая: «Ну ничего, пойду телевизор посмотрю или в гости к знакомым пойду», уходит домой. Флегматик и запоминает и забывает медленно.

76

По национальному темпераменту балкарцы представляют собой нечто среднее между сангвиником и флегматиком, с преобладанием последних. Холериков, с их бурным выражением своих эмоций, и подавленных меланхоликов среди них мало. В конфликтной ситуации типичный балкарец некоторое время старается (чаще всего) вразумить оппонента доводами, логикой — если ощущает свою правоту, но, убедившись в бесплодности усилий, вступает в конфликт, и уже безоглядно. Под оболочкой внешней сдержанности балкарец прячет большую эмоциональную силу, открытого и полного проявления которой опасается сам. Разумеется, так и должно быть в человеке, который превыше всего ценит постоянство. Скорее всего, балкарская сдержанность как раз и объясняется страхом перед тем чересчур бурным взрывом эмоций, темперамента, который в нем таится, выходом эмоций из-под контроля — это он расценивает как слабость, потерю лица и, сорвавшись, потом стыдится, даже если и не сделал ничего зазорного. Вспомнив знаменитое разделение, введенное Фридрихом Ницше: аполлоновское начало, светлое, солнечное, рациональное, дневное, и дионисовское — темное, ночное, иррациональное, неподконтрольное сознанию, можно сказать, что в душе балкарца полностью господствует Аполлон. Иррациональность сама по себе, явленная как она есть, во всей своей мощи, балкарской душе чужда: эта душа слишком любит ясность дня, слишком ценит ее, чтобы долго вглядываться в глубокие тайны тьмы и ночи. Поэтому она допускает и признает иррациональность, непостижимую разумом, только в той оболочке, которую творит для нее разум: дионисовское, прошедшее через аполлоновское, кусок тьмы в оболочке света:

Понятно, что при таком, склонном к флегме, характере, типичный балкарец не будет обладать быстрым умом. Быстро сделанные выводы для него всегда подозрительны, как и решения, из них вытекающие. Поэтому он часто запаздывает как с теми, так и с другими, и поэтому же балкарец тяжел на подъем, что является крупным недостатком, особенно в нынешнем, быстро меняющемся мире. Положительная сторона — неподверженность моде, поветрию, склонность к крупным, масштабным решениям и обобщениям, твердость в пристрастиях. Мысль балкарца, одним словом, не спринтер, а стайер.

Небольшое примечание. Известно, что при общении представители разных народов предпочитают разное расстояние, величина которого сильно колеблется при сопоставлении: от 0,5 метра у некоторых южных народов до 1,2 метра у северян, например, у скандинавов. В этом отношении балкарцы, на мой взгляд, переплюнули их — наиболее предпочтительным для них является расстояние между собеседниками, равное 1,5 метра, — когда собеседники сидят, когда стоят — оно чуть меньше. Чем это объясняется, сказать трудно — то ли закоренелым балкарским индивидуализмом и мужской ментальностью, которой близкое расстояние между собеседниками кажется шушуканьем женщин, то ли тем, что балкарский язык, в котором строго соблюдается чередование гласных и согласных, является «громким», звучным языком.

77

Бесконечный день так же утомителен, как и бесконечная ночь. Регламентированная, расписанная от и до, регулируемая правилами жизнь содержит в себе нечто механическое, окаменевающее. Отсюда появление во всех без исключения обществах особых празднеств карнавального типа, во время которых отменялись привычные, но утомляющие правила и нормы коллектива, объявлялась, пусть и на короткое время, свобода поведения (где большая, где меньшая). Царь одевается шутом, шут — царем, можно петь, плясать, напиваться в стельку, орать похабные песни, вступать в связи с кем попало и т. п. Нет ни знатных, ни богатых, ни старших, ни младших — есть только вольная человеческая масса, бурлящая, неупорядоченная. Человеческий дух устает от

усилий подняться над косной материей и падает обратно в первозданный хаос, чтобы обновиться в нем, снять оковы условностей, выработанных в коллективе, доказать свою неполную подвластность им, чтобы затем вернуться к ним же — до следующего праздника. Таковым у балкарцев был некогда карнавальным праздником в честь солнечного божества, всадника на белом коне — Голлу. Но и то, судя по имеющимся материалам, на этом празднике отменялось не большинство условностей, а только некоторые.

78

Индивидуальная душа, как и народная, устает от размеренного течения жизни, требует расслабления, и, разумеется, чем она слабее, и чем строже правила, тем чаще ей хочется отдыха от регламентации. На обыденном уровне это выражается в пьянстве — социальном пороке, которому подвержены многие народы. Могут сказать: «Ишь, как ловко объяснил! Мы думали, что пьянство — это болезнь, слабость души, приносящая горе людям, а оно, оказывается, протест против чересчур занормированной жизни, перешедшей в абсурд, в механическое существование». Да, это протест, но протест раба, знающего только одно состояние духа — рабство и только один способ избавиться от него — забвение. (Уточню, что речь идет не об алкоголизме, а о пьянстве). Человек становится пьяницей прежде всего потому, что хочет забыть о том, что он раб другого человека, обстоятельств, страха, бессилия и т. п., и чтобы заглушить в себе голос духа, требующего борьбы за свободу от всего этого. Вместо того чтобы, напрягая все силы, выбираться из грязи или густой сети повседневного быта, раб опорожняет бутылку водки — и вот он кажется себе могучим, умным, красивым, грязь преобразуется в синие морские волны, а сеть норм и правил истает, исчезает.

79

Но бывает и так, что у человека все дела в порядке, он много зарабатывает, богат, удачлив, но тем не менее ударяется в пьянство. Казалось бы, что здесь рабского? На самом деле, оно присутствует и здесь. Человек пытается показать, что деньги над ним не имеют власти, что он не раб их. Отсюда швыряние сотенных: «Всех

угощаю!» — или демонстративное сжигание купюр и т. п. Опять-таки это протест раба, который демонстрирует, выставляет свою мнимую свободу напоказ, ждет от окружающих подтверждения своей неподвластности и доказывает тем самым обратное, что он действительно раб денег, он это чувствует и поэтому обращается к мнению других. Будь иначе, он мог бы тихо и просто раздать эти деньги нищим и бедным или перевести на счет детского дома и т. п.

Как бороться с этой болезнью, разрушительная сила которой очень велика? Во всяком случае, не призывами, увещеваниями или запретами. Справиться с ней может только экономическая свобода, свобода частной инициативы и более строгое, чем сейчас, следование заветам религии.

Балкарец тяжело переносит злословие. Как и зависть, она распространяется в основном на соплеменников. Не то чтобы много балкарцев было заражено этой болезнью, но она все же заметна. Иного и хлебом не корми, дай только кого-нибудь обругать, оплевать, притом с таким количеством подробностей, что только диву можно даваться: «И откуда он это узнал? А если и узнал, как запомнил? А если запомнил, то с какой целью?» Это доходит до какого-то сладострастия, до упивания рассказанным, иногда откровенным, иногда тщательно скрываемым. Особенно часто злоречивые люди попадают в среде интеллигенции, этого, по выражению Гегеля, «сословия тщеславия». Возможно, злословящему кажется, что тем самым он понижает шансы соперника занять какое-то высокое кресло или место в сознании народа. Среди людей физического труда таких гораздо меньше. Чувствительность балкарца к слову высока, может быть, слишком высока.

80

Поистине спасительным средством от многих зол, болезней и пороков является для балкарцев их юмор — тонкий, богатый, лаконичный. Балкарец всегда готов посмеяться и над другими, и над собой; вторая черта — одна из лучших в его характере.

Человек без чувства юмора для балкарца вообще труднопредставим. Помню, с каким удивлением говорили об одном парне, когда его знакомый, сам изумляясь своему открытию, сказал, что он не понимает юмора

и там, где все смеются или хохочут, только хмыкает, и что однажды, когда весь зал покатывался со смеху на какой-то хорошей кинокомедии, только оглядывался вокруг: «Чему смеются?»

Очень многое прощают человеку, умеющему рассмешить, преподнести юмор. Такой человек, даже если все знают его как отъявленного прохвоста и жулика, встречается, и почти всегда, радушный прием в любом обществе. (Юмором пропитан даже суровый эпос балкарцев и карачаевцев).

Высоко ценится юмор, проистекающий не из положения, ситуации, а из самого характера человека или особенностей его мышления.

81

Вспоминается случай, рассказанный мне матерью. Никогда и ничего подобного я не слышал, это трудно себе представить, но это было.

...В начале марта 1944 года в ущелье въехали сотни полуторок и расположились перед селениями. Ничего не подозревающим людям — старикам, женщинам, детям — в самый последний момент объявили, что их выселяют в Среднюю Азию и Казахстан. Солдаты прикладами и пинками стали выгонять людей из домов, в которых жили многие поколения их предков. Кто-то смог захватить с собой подушку, кто-то мешочек муки, кто-то фамильные драгоценности или деньги. Над селом стоял многоголосый женский и детский плач. Скотина в хлевах, почуяв беду, мычала, затем завыли собаки. Наконец всех рассовали по грузовикам, и колонна вот-вот должна была тронуться. Наступила жуткая тишина. И тут кто-то крикнул: «Смотрите, смотрите!» Все оглянулись в сторону моста, на покинутое селение. Оказывается, когда солдаты сгоняли людей, один сельский чудак, которого не взяли в армию из-за каких-то отклонений в психике, испугался и спрятался в погребе (это, разумеется, выяснилось потом), но, заметив, что в селе наступила странная тишина, выглянул на улицу. Увидев, что все уже сидят на машинах, он перепугался еще больше и, впопыхах напялив на себя чей-то женский халат, во весь дух помчался к мосту, но в нескольких метрах от него споткнулся и растянулся на земле. И тут весь народ, сидевший на машинах, разразился хохотом — народ, который вот-вот должны были повезти на погн-

бель, который расставался с родиной. Поистине, словно Божий луч выглянул на миг из синевы небес в тот самый страшный для нашего народа день 8 марта 1944 года. Быть может, в этом чистом, самом чистом смехе людей, многие из которых погибли в безводных степях, таилось предчувствие возвращения народа к его колыбели.

82

Поскольку профессиональных философов у балкарцев и карачаевцев не было, не было и философии, анализируя которую можно было бы сделать какие-то выводы относительно понимания таких фундаментальных понятий, как жизнь и смерть, война и мир и т. д. Единственная опора — фольклор, но подобный анализ народного творчества требует огромных усилий, времени и места. Поэтому ограничимся несколькими замечаниями.

Типичный балкарец воспринимает жизнь как некую данность, источником которой является Бог, как место, поле испытаний, которое надо пройти с честью, чтобы предстать перед Всевышним с чистой совестью.

С этой точки зрения, во многом определенной влиянием ислама и христианства, которое исповедовали в средневековье балкарцы и карачаевцы, несколько не согласуется взгляд, отчетливо выраженный в нартском эпосе: бог Тейри создает нартов, предков карачаево-балкарского народа, заранее поставив перед ними цель — внести гармонию в мир, где властвуют различные чудовища — драконы, злые великаны, хищные звери, мелкая нечисть, враждебная человеку, истребить их. Иными словами, человек является борцом против сил хаоса, представителем божественных сил. Это очень высокая точка самосознания, и следует признать, что позднейший взгляд уступает ему, ведь перед нартами стоят и другие задачи, помимо чисто военных: они научаются возделыванию земли и обработке металлов, приготовлению пищи, они высокоморальны.

Что касается смерти, то мне несколько раз пришлось слышать странное, на первый взгляд, выражение: «Ёлюм деген бединди» — «Смерть — это позор». Более того, добавляли, что смерть — это самый великий позор. Объяснение этому, видимо, заключается в следующем: всякий поступок, приводящий к позору, унижает человека в глазах окружающих, губит его душу. Позор есть частичная смерть, есть шаг к смерти, к которой ведет

безнравственность, и, наоборот, высокая нравственность есть путь к бессмертию. Понятию позора противостоит в этом смысле понятие славы. Поэтому больше всего на свете балкарец боится скандала — он граничит с позором.

83

Несколько слов о мирочувствии типичного балкарца. Николай Бердяев в одной из своих книг писал: «Перед немецким сознанием стоит категорический императив, чтобы все было приведено в порядок. Мировой беспорядок должен быть прекращен самим немцем, а немцу все и вся представляется беспорядком». Вполне возможно, что это определение немецкой души, данное русским ученым, не нашло бы поддержки у самих немцев или вызвало бы определенную корректировку. Нас интересует сама постановка вопроса и ответ на него.

Типичный балкарец подразделил бы вопрос на две части: понимание природы и понимание общества. В природе, по его мнению, царят полный порядок и гармония, а если и случается их нарушение, то и то потому, что это часть того же порядка и вызвано целью, которой человек не постигает. Тот же порядок царит и в животном и растительном мире. Не то в человеческом обществе — войны, эпидемии, всевозможные пороки, — одним словом, в восприятии типичного балкарца человек — это существо, обреченное на разлад и вносящее разлад в природу, часто разрушающее ее гармонию, но мало что прибавляющее к ней. Такой взгляд не означает, однако, смирения перед фактом неустроенности общества, против которой надо бороться, нужно бороться. Но в глубине души балкарец знает, что эта борьба конца не имеет, что эта борьба и есть участь человека, остановки нет. Может, и был когда-то золотой век (кстати говоря, в карачаево-балкарском фольклоре о золотом веке ничего не говорится), но в будущем его не будет. Будут, есть и были времена более спокойные, мирные или беспокойные, тревожные — вывод, к которому подвели балкарцев их история и ее опыт. Воззрение это вполне отвечает и всему строю души народа, с ее тягой к анализу, постоянству и последовательности: будет то, что есть, только с другими людьми. Балкарец — не энтузиаст, не фанатик и не мечтатель (в социальном или религиозном смысле), для этого нужно больше веры в кол-

лективное деяние и его прочность, а как раз ее балкарец не имеет. По неистребимой привычке все пытаться заранее проанализировать, он за временным объединением людей для достижения какой-то цели всегда предвидит их будущий разлад. Ему хочется постоянства, прочности, устойчивости дела, в котором его зовут принять участие. И он соглашается на это только в том случае, если будет убежден, что это дело прочно и основательно на более или менее длительное время. Кроме прочего, такой подход полностью соответствует и национальному темпераменту балкарского народа.

84

Интересно и то, как народ выражает самопонимание. Очень часто можно услышать и от мужчин и от женщин, как они с сожалением говорят: «Биз жаланжюрек халкъбыз» — букв.: «Мы — народ с голым сердцем», то есть слишком простодушный, откровенный, что на уме, то и на языке, а выгоднее быть скрытными, хитрыми. Или: «Бизге ариу айтханнга терк окъуна ийнанып къалабыз» — «Если кто говорит нам доброе слово, тому мы и верим сразу». Или: «Биз бир акъыллы бола билмейбиз» — «Мы не умеем прийти к единодушию».

85

Несмотря на все беды, обрушившиеся на балкарцев и карачаевцев в последние семь веков, они не впали в пессимизм. Характер их взгляда на будущее, скорее всего, можно определить как сдержанный оптимизм: «Будем надеяться на лучшее, но будем готовы и к худшему». По моему мнению, такой взгляд на грядущее, не позволяющий расслабиться, обрасти жирком, но и не угнетающий волю, есть одно из самых ценных приобретений карачаево-балкарского этноса в ходе истории, показывающее его способность усваивать уроки времени. Только в том случае, если эти уроки усвоены, может быть оправдана древняя мудрость: «Кого Бог любит, того и наказывает».

86

Возвращаясь к тому, что было сказано выше — о критическом отношении балкарцев к своему этносу, — добавим, что это нисколько не мешает типичному бал-

карцу обладать чувством национального достоинства, поскольку он обладает высоким чувством личного достоинства. (Это не относится к чиновничеству и части интеллигенции, не обладающих вторым качеством, а без него невозможно и первое — нельзя уважать свой народ, не уважая себя).

87

Природное добродушие, постоянство, полное доверие при первом знакомстве, умение больше слушать, чем говорить, отсутствие позы сильно облегчают балкарцу общение с представителями других национальностей, даже тех, которые обладают совершенно иным менталитетом, делают его желательным, хорошим собеседником. Хорошим, но не блестящим,— для этого балкарцу недостает артистизма, легкости, игры, для него важна только суть того, о чем говорится.

88

Балкарец долго помнит и добро, и зло. Если кто-то прилюдно обвиняет другого в причинении ему зла, неосторожно называя негодяем и подлецом, забыв о том, что прежде тот же человек оказал ему важную услугу, то кто-нибудь из окружающих обязательно напомнит об этом обвинителю, что не такой уж он, мол, негодяй.

При этом типичный балкарец немстителен — он инстинктивно ощущает, что пойти на месть — значит уподобиться тому же противнику — преступнику, стать с ним равным. Поэтому в «Тау адет» сказано: «Таш бла ургъанны аш бла ур» — «Ударившего камнем ударь хлебом». В то же время не ответить на вызов, не ответить ударом на удар считается позором и трусостью, и в том же «Тау адет» говорится: «Къагъаракъгъа — согъаракъ» — «Слегка стукнувшего (тебя) — хлестни». Иными словами, следует давать ответ сразу. Но выжидать удобного случая, выслеживать, караулить считается чем-то недостойным, низким. Еще более низким считается злорадство. По всеобщему убеждению, за проявление злорадства судьба наказывает обязательно и очень жестоко.

Следует сказать, что вера в воздаяние, причем и на том свете, и здесь, на земле, разделяется, на мой взгляд,

большинством балкарцев, причем, как полагают, за грехи отцов могут понести наказание их дети или внуки и т. д.

89

Как народ, в чьей душе преобладает начало мужское, отдающее, а не женское — впитывающее, берущее, балкарцы обладают слабой ассимилирующей, растворяющей силой. В этом, помимо исторических бедствий, выпавших на их долю, одна из причин их малочисленности. Очень много балкарцев растворилось среди соседних народов — сванов, кабардинцев, осетин. Это был процесс естественный, природный, можно сказать. Но в связи с ростом национального самосознания и изменением социально-экономической ситуации этот процесс приобрел другой характер. Если прежде какой-либо человек, совершивший преступление (или по другой причине), переезжал в чужой аул, перенимал чужой язык и обычаи, ассимилировался, ничего зазорного в этом не было. Но сейчас, когда каждый четко осознает свою принадлежность к той или иной нации, занимающей определенное место в мире, отказ от своей национальности может быть объяснен только одной причиной — соображениями выгоды, корысти (для того чтобы защититься от дурака, объясню, что я не имею в виду те случаи, когда ребенок вырос в иноязычной среде и т. п.). Ясное дело, что ни один достойный, уважающий себя человек от своей национальности отказываться не будет — на это пойдет только расчетливый и продажный негодяй. С одной стороны, это выгодно народу, от которого он отказался, — происходит очищение; с другой — невыгодно тому народу, в состав которого он влился: пришелец приносит с собой нечто чужое, в конечном счете — разрушительное.

90

Да не покажется какому-либо ортодоксальному «интернационалисту», который однажды и навеки усвоил как истину взгляд, согласно которому мешанина из всех народов Земли представляется великим благом (подобно незабвенному Макару Нагульнову с его уверенностью в том, что при коммунизме не будет такого безобразия, когда одни черные, другие белые, третьи желтые, а

все будут «приятно смуглявые на вид», или той аристократке, которая объясняла: «Негры — это те же наши мужики, только черные»), повторяю, да не покажется ему расизмом следующая мысль: слишком большая доля иноплеменной массы, принятая в себя каким-либо народом, действует на его психологический склад разрушительно, — когда еще все это переварится. Например, в России был огромный слой дворян, по происхождению немцев, тюрков, поляков и т. д. Даже в XIX веке это сословие воспринималось народом как иное племя, как чужеземцы, и ненависть крестьян к ним имела не только классовые корни, но и национальные. (Ср. русских дворян, воспитанных гувернерами-иностранцами, говоривших на чужих языках, с такими же аристократами Англии, Франции или Германии). Чем все это закончилось, хорошо известно. Люди различаются не только цветом кожи или разрезом глаз, иначе действительно можно было считать, что негр и русский мужик — одно и то же, и вообще незачем было бы говорить о национальном характере, в основе которого — этнический ритм.

91

Слова великого Саади:

Будь щедрым, как пальма,
Но если не можешь,
Будь, как ствол кипариса,—
Прямым, благородным.

Поэт, таким образом, разделяет эти два понятия, ставя щедрость выше. Но в карачаево-балкарском этическом кодексе «Тау адет» представление иное — щедрость как составная часть характера благородного человека, то есть благородство — более широкое понятие. (Ср. изречение Конфуция: «Благородный муж всегда смел, но смелый не всегда благороден»). Идеал человека, выработанный народной этикой, именуется в кодексе по-разному — «ёзден» (дворянин, свободный человек, благородный человек), «асыл киши» (благородный муж), «ахши киши» (добрый муж). И первое, что отличает такого человека, — щедрость. Когда говорят «Езденлик этгенди» — проявил узденство, это означает: «он проявил щедрость». Эта же мысль в наставлении:

«Тамгъан суугъа кѣзлеу деме, къызгъанч адамгъа езден деме» — «Не называй капающую воду родником, не называй узденем жадного человека».

Народная душа и ее устремленность сходны с родной для нее природой. Балкария бедна яркими красками — синее небо, белые горы, зеленые леса, красные скалы. Но эта маленькая горная страна возвышенна и благородна, и душа ее щедра.

Благородство — это суть того идеала, который избран балкарской душой и которому она желает соответствовать. Она — не-буржуазна.

92

Один балкарец оказал весьма важному начальнику большую услугу. В благодарность начальник предложил ему на выбор — или высокий пост без всяких побочных доходов, одна только зарплата, или маленькую, но прибыльную должность (дело происходило в 30-х годах). Тот подумал и сказал: «Все-таки дай мне прибыльное место». Человек, который рассказывал об этом, типичный балкарец — и по судьбе, и по характеру, рассказывал с улыбкой. Улыбались и слушатели — вот, мол, какой забавный ответ.

* * *

Ни в какие идеологические мифы типа «мировое общественное мнение», «мировое сообщество», «народная власть» и т. д. балкарец не верит. Слова старого крестьянина: «Все войны ведутся ради захвата чужой земли. Остальное — только пустые разговоры, обман».

* * *

Когда эта работа уже была закончена, Господин Случай подарил автору интереснейшую статью выдающегося лингвиста Николая Трубецкого «О туранском элементе в русской культуре», опубликованную в 1925 году. К туранцам, или урало-алтайцам, по объяснению Трубецкого, относили в то время угро-финнов, самоедов (ненцев, энцев, нганасан, селькупов), тюрков, монголов и маньчжуров. Трубецкой выражает сомнение в генетическом родстве языков этих народов, но прихо-

дит к выводу о существовании единого туранского психологического типа.

Мы не будем излагать здесь всю статью, процитируем только самые важные выводы Н. Трубецкого.

«Туранский психологический тип,— пишет ученый,— явственнее всего выступает у тюрков, которые к тому же из всех туранцев играли в истории Евразии самую выдающуюся роль. Поэтому мы будем исходить из характеристики именно тюрков».

Перед этим Н. Трубецкой подчеркивает правомерность аналогии «между личностью и нацией». «...Правильное самопознание есть не только долг всякой личности, но и неперемное условие разумного существования всякой личности, в том числе и нации, понимаемой так же, как своего рода личность».

Психологический тип тюркских народов ученый определяет исходя из того, как он проявляется в языке, музыке, народной поэзии, в отношении к государственности, в религиозном творчестве.

О языке: «Подводя итог всему сказанному о тюркском языковом типе, приходим к заключению, что тип этот характеризуется схематической закономерностью, последовательным проведением небольшого числа простых и ясных основных принципов, спаивающих речь в одно целое. Сравнительная бедность и рудиментарность самого речевого материала, с одной стороны, и подчинение всей речи как в звуковом, так и в формальном отношении схематической закономерности — вот главные особенности тюркского языкового типа».

«При сравнении отдельных тюркских языков между собой легко выявляется один общий тип языка, яснее всего выступающий у алтайцев. Тип этот характеризуется своей необычайной стройностью».

«Поражает трезвая экономия грамматического инвентаря: нет никаких грамматических категорий с логически или материально не оправданным значением».

Со всем сказанным можно согласиться, за исключением упоминания о бедности и рудиментарности речевого материала тюркских языков. Ко времени выхода в свет работы Трубецкого наука не обладала достаточно хорошими словарями тюркских языков, более или менее полно отражающими богатство их лексики. Что касается рудиментарности, то из самой статьи неясно, что имеется в виду, возможно, это относится к свойству данных языков необыкновенно долго сохранять, несмотря на

огромную разбросанность тюрков в географическом пространстве, свое сходство, в первую очередь, за счет устойчивости корней слов.

То же самое отмечается Трубецким и в отношении музыки и устной поэзии: «Тюркские песни, сложенные по этому (основному для тюрков. — М. Дж.) образцу, отличаются особенной гармонической и ритмической ясностью и прозрачностью».

«В этом творчестве (устной поэзии. — М. Дж.) мы видим опять те же психологические черты, которые уже отметили в языке и в музыке: сравнительную бедность средств при замечательно последовательной закономерности и схематичной ясности построения».

Отметив, что тюрки «в отношении религиозной жизни не отличаются активностью», Н. Трубецкой делает вывод: «...во всем духовном творчестве тюрков господствует одна основная психическая черта: ясная схематизация сравнительно небогатого и рудиментарного материала. Отсюда позволительно делать выводы и о самой тюркской психологии. Типичный тюрк не любит вдаваться в тонкости и запутанные детали. Он предпочитает оперировать с основными, ясно воспринимаемыми образами, а эти образы группировать в ясные и простые схемы».

Это удивительно точное и тонкое наблюдение человека, который, сам не являясь представителем тюркского народа, смог сделать такое обобщение на основе доступных ему данных языка и музыки.

Одно дополнение необходимо: тюрк, в данном случае балкарец, действительно не любит тонкостей и запутанных деталей, вернее, вдаваться в них, но, если это ему приходится делать, он постарается свести их к нескольким или к одной схеме, нащупать скелет, выявить основу всех этих тонкостей и деталей, то есть упростить. Не думаю, что это является качеством отрицательным, ибо, как сказано: «Истина — это то, что делает мир проще» (Сент-Экзюпери).

Сам Трубецкой предостерегает от превратного толкования его выводов: «...ошибочно было бы думать, чтобы шорность или схематичность тюркской психологии препятствовала широкому размаху и полету фантазии. Содержание эпических преданий тюркских племен решительно противоречит такому представлению.

Тюркская фантазия не бедна и не робка, в ней есть смелый размах, но размах этот рудиментарен: сила

воображения направлена не на детальную разработку, не на нагромождение разнообразных подробностей, а, так сказать, на развитие в ширину и длину; картина, рисуемая этим воображением, не пестрит разнообразием красок и переходных тонов, а написана в основных тонах, широкими, порой даже колоссально широкими мазками».

Сказанное легко подтвердить, вспомнив великие эпосы тюркских народов — «Манас», «Кобланды-батыр», «Алпамыш», карачаево-балкарский эпос «Нарты» и др.

Очень интересны другие выводы Трубецкого, которые не нуждаются в особых комментариях: «Тюрк любит симметрию, ясность и устойчивое равновесие; но любит, чтобы все это определяло по инерции его мысли, поступки и образ жизни: разыскивать и создавать те исходные и основные схемы, на которых должны строиться его жизнь и мирозерцание, для тюрка всегда мучительно, ибо это разыскивание всегда связано с острым чувством отсутствия устойчивости и ясности.

Поэтому-то тюрки всегда так охотно брали готовые чужие схемы, принимали иноземные верования. Но, конечно, не всякое чужое мирозерцание приемлемо для тюрка. В этом мирозерцании непременно должна быть ясность, простота, а главное, оно должно быть удобной схемой, в которую можно вложить все, весь мир во всей конкретности. Раз уверовав в определенное мирозерцание, превратив его в подсознательный закон, определяющий все его поведение в универсальную схему, и достигнув таким образом состояния устойчивого равновесия на ясном основании, тюрк на этом успокаивается и крепко держится за свое верование. Смотря на мирозерцание именно как на незыблемое основание душевного и бытового равновесия, тюрк в самом мирозерцании проявляет косность и упрямый консерватизм. Вера, попавшая в тюркскую среду, неминуемо застывает и кристаллизуется, ибо она там призвана играть роль незыблемого центра тяжести — главного условия устойчивого равновесия.

На этой особенности тюркской психологии основано странное явление: притяжение между психикой тюркской и семитской. Трудно найти две более различные, прямо противоположные друг другу психики (на мой взгляд, это тот случай, когда в основе притяжения лежит разделение на мужское и женское начала, — мужская психика тюрков испытывает притяжение к жен-

ской психике семитов.— М. Дж.). Можно показать, опять-таки на основании конкретных этнографических данных языка, музыки, поэзии, орнамента, что психология семита разительно противоположна психологии тюрка. И тем не менее не случайно, что большинство тюрков магометане и что тюрки-хазары были в истории единственным несемитским народом, сделавшим своей государственной религией иудаизм. Семит, выискивающий противоречия и в казуистическом их преодолении любящий ворошиться в сложно переплетенных и запутанных тонкостях, и тюрк, более всего ненавидящий тревожное чувство внутреннего противоречия и беспомощный в его преодолении,— эти две натуры не только не сходны, но прямо друг другу противоположны. Но в этой противоположности и причина притяжения: семит делает за тюрка ту работу, на которую сам тюрк неспособен — преодолевает противоречия и подносит тюрку решение (пусть казуистическое), свободное от противоречий. И немудрено, что, ища необходимой базы для устойчивого равновесия, тюрк постоянно выбирает такой базой плод семитского духа. Но, заимствуя этот плод чужого духа, тюрк сразу упрощает его, воспринимает его статически, в готовом виде и, превратив его в одно лишь незыблемое основание своей душевной и внешней жизни, раз и навсегда мумифицирует его, не принимая никакого участия в его внутреннем развитии. Так, тюрки не дали исламу ни одного сколько-нибудь крупного богослова, юриста или мыслителя: они приняли ислам как «завершенное данное».

С этими словами Трубецкого, вероятно, следует согласиться и не видеть в них ничего обидного, с тем уточнением, что плодами семитского духа пользовались и пользуются не только тюрки, но и множество других народов, исповедующих ислам. Конечно, некоторые из них, например, иранцы, приняв ислам, стали развивать те зерна, которые содержались в этом великом учении, подарив миру труды крупных мыслителей (в отличие от тюрков). Анализ того, почему тюрки не развивали ислам далее, не разрабатывали его идеи, если подходить к этому вопросу не только с точки зрения психологии, но и истории, быта, культуры и т. д., отнял бы слишком много времени и места. Но история еще не закончилась, и это, во-первых, а во-вторых, то, что тюрки принимали чужие учения в готовом виде, сразу же упрощая их и не пытаясь развивать их дальше, имеет

не только отрицательную сторону, но и положительную. Как я уже говорил выше, типичный балкарец, как, вероятно, и типичный тюрк, сразу же начинает искать в любом новом его сердцевину, ядро, и, если оно обнаруживается, на этом и успокаивается, то есть он сразу же схватывает самую суть. И второй положительный момент, обусловленный тюркской психологией,— это отсутствие у тюрков склонности к сектанству, абсолютно неизбежном явлении при попытках анализировать, расщеплять любое цельное учение. С этой точки зрения можно сказать, что мышление тюрков экологично. Неприятие тюрками (и шире — туранцами) схем, кем бы они созданы ни были, если в них содержатся те или иные противоречия,— а секты как раз и возрастают на этих противоречиях,— отмечается и самим Трубецким.

Обращаясь далее к тюркским языкам и не замечая, что входит в противоречие со своим же тезисом о «бедности и рудиментарности» их речевого материала, Трубецкой пишет: «В словарях тюркских языков слова, заимствованные из других языков, всегда имеются, но эти слова большей частью заимствованы не у каких-либо соседей, с которыми тюрки приходили в непосредственное соприкосновение, а у народов, культура которых повлияла на культуру данного тюркского племени, так сказать, «издалека», в порядке иноземной моды: поэтому таких слов в литературном языке всегда гораздо больше, чем в народном. В турецком народном языке есть довольно много арабских и персидских слов, но слов греческих, армянских или славянских почти нет. Зато в языках всех тех народов, с которыми тюрки приходили в соприкосновение, всегда масса тюркских слов».

Стоит заметить по этому поводу, что вряд ли все эти народы могли заимствовать массу тюркских слов, если бы тюркские языки были бедны. Кроме того, трудно согласиться с утверждениями Трубецкого, что тюрки не заимствовали слова у тех народов, с которыми приходили в соприкосновение, а только у дальних, «в порядке иноземной моды». Вероятно, эти утверждения вызваны состоянием этимологической науки того периода. В турецком есть слова не только греческого, например, но и итальянского, и французского, и другого происхождения. Что касается, например, карачаево-балкарского языка, то наибольшее число заимствований в нем из осетинского и арабского, далее следуют термины иранского (персидского) и адыгского происхождения (по предвари-

тельным подсчетам). Да иначе и быть не могло — все народы всегда берут у своих соседей те или иные слова, понятия и целые выражения. Далее Трубецкой переходит к рассмотрению туранской (урало-алтайской) психики в целом: «Типичный представитель туранской психики в нормальном состоянии характеризуется душевной ясностью и спокойствием. Не только его мышление, но и все восприятие действительности укладывается само собой в простые и симметричные схемы его, так сказать, «подсознательной философской системы» (вполне отдавая себе отчет в парадоксальности этого термина, мы все-таки решаемся его применять за неимением лучшего). В схемы той же подсознательной системы укладываются также все его поступки, поведение и быт. Притом «система» уже не сознается как таковая, ибо она ушла в подсознание, сделалась основой всей душевной жизни».

Здесь Трубецкой делает следующее примечание: «Важно, чтобы система стала именно подсознательной. В тех случаях, когда система, в простые и ясные схемы которой должно укладываться все (внешний мир, мысли, поведение, быт), осознается как таковая и постоянно пребывает в поле сознания, она превращается в навязчивую идею (идею фикс), а человек, одержимый ею, — в маньяка, фанатика, лишенного всякой душевной ясности и спокойствия. Это бывает тогда, когда система неуклюжа и плоха, так что бытие в нее укладывается не само собой, а путем насилия над природой. Такой случай возможен, если человек туранского типа почему-либо откажется от той удобной, выработанной постепенными усилиями многих поколений, системы мировоззрения и быта, которой живут другие его соплеменники, и пробует сам создать совершенно новую систему. Не будучи способен плодотворно мыслить (а следовательно, и искать новую систему) без наличия в подсознании уже готового твердого устоя, такой человек большей частью создает именно плохую, неудобную систему, топорно переработав и упростив какую-нибудь чужую. Случай этот, разумеется, редкий, и вследствие неудобства той системы, которую создают подобные люди, система эта у других людей туранского типа обычно не имеет успеха. При особенно сильном темпераменте и при исключительной одаренности создателям таких доморощенных систем — идеи фикс — удается собрать вокруг

себя разве только небольшую секту таких же фанатиков этой «идеи», как они сами».

Иными словами, Трубецкой выявляет то свойство туранской души, которое мы выше определили в случае с балкарцами, как максимализм, — касается ли это национального лидера, или идеи, или религиозно-философской системы. Туранец удовлетворяется только такой мировоззренческой схемой, в которую свободно входит все, весь мир, ибо не любит противоречий и не любит ничего мелкого. Только такая схема способна войти в его плоть и кровь, перейти в подсознание — именно потому, что удобна.

Плохая система, принятая кем-либо, неудобоваримая, полная противоречий, потому и превращается в идею фикс, что не может в силу своего неудобства, «нелервариваемости», уйти в подсознание и постоянно напоминает о себе, подобно яду. Присутствие такой требовательности в туранской психике предохраняет ее от бацилл фанатизма. Фанатик потому и фанатик, что все время стремится всеми способами убедить и себя, и других, что именно его схема мировоззрения самая лучшая и истинная, что его идея превосходит все другие; что или эта идея неверна, но он не может этого признать, или что эта верная идея им исковеркана и потому требует навязывания.

Далее Трубецкой, продолжая свою мысль о «подсознательной философской системе», наличие которой необходимо для туранской психики и которая обеспечивает ее представителю ясность и спокойствие, пишет: «Благодаря этому нет разлада между мыслью и внешней деятельностью, между догматом и бытом. Внешнее впечатление, мысли, поступки и быт сливаются в одно монолитное неразделимое целое. Отсюда — ясность, спокойствие и, так сказать, самодовление. (Очень, на наш взгляд, интересная и верная мысль. Действительно, типичный балкарец, например, интересуется тем, что нового у соседних народов — в их быту, культуре и пр., но очень редко проявляет любопытство и почти никогда не стремится произвести на них впечатление, то есть их оценка для него интересна, но важнее то, что он сам об этом думает и как он сам оценивает какое-либо достижение — лично свое или своего народа. — М. Дж.). Практически это состояние устойчивого равновесия при условии некоторой пониженной психической активности может привести к полной неподвижности, к косности.

Но это отнюдь не обязательно, ибо те же черты вполне соединимы и с психической активностью. Устойчивость и стройность системы не исключают дальнейшего творчества, но, разумеется, это творчество регулируется и направляется теми же подсознательными устоями, и благодаря этому продукты такого творчества сами собой, естественно, входят в ту же систему мировоззрения и быта, не нарушая ее общей стройности и цельности».

Итак, согласно Трубецкому, люди туранского типа мировоззренческих систем не создают, но зато верно оценивают созданное другими. Неспособность туранца к такого рода творчеству, как можно понять из статьи, объясняется его нелюбовью к выискиванию и устранению противоречий, чем призван заниматься представитель семитского духа — араб или еврей. Но об этом ниже. Здесь мы должны сказать о принятии хазарами иудаизма, о котором упоминает Трубецкой. Этот вопрос достаточно широко проанализирован Л. Н. Гумилевым. Как пишет ученый, евреи появились в Хазарии после того, как шах Хосров подавил движение Маздака, в начале VI века. Евреи приняли активное участие в этих событиях — одни на стороне Маздака, другие на стороне шаха. После победы Хосрова уцелевшие маздакиты, персы и евреи, бежали и поселились на равнине между Терекон и Сулаком (и те, и другие были ираноязычны). Оказавшись на Кавказе, евреи забыли свои религиозные традиции и традиционные занятия — ремесло и торговлю. Иудаизм восстановил среди них (через два века) их вождь по имени Булан. Сюда же, на Терек, в это время переселились их соплеменники, изгнанные византийцами. В их руках оказались дипломатия, торговля и образование в Хазарии. В результате под руководством вождя по имени Обадия евреи совершили государственный переворот и захватили власть, опираясь на отряды наемников. Но никакого принятия хазарами иудаизма не было, поскольку иудаизм является национальной религией евреев, и к прозелитизму они не стремятся. Подвластное население продолжало исповедовать свою традиционную религию (о чем Трубецкой не знал, поскольку историки того времени говорили именно о принятии хазарами иудаизма).

Статья заканчивается рассмотрением роли туранского элемента в истории русского государства. В заключение Трубецкой пишет: «Что касается до социальной

и культурной ценности людей туранского психологического типа, то ее нельзя не признать положительной. Туранская психика сообщает культурную устойчивость и силу, утверждает культурно-историческую преемственность и создает условия экономии национальных сил, благоприятствующие всякому строительству. Успешность этого строительства, разумеется, зависит от степени одаренности и психической активности данной нации, степень же эта может быть различна, и между туранским психологическим типом, как известной формой душевной жизни, и какой-нибудь определенной степенью одаренности или активности никакой обязательной связи нет. Утверждая социальную и культурно-историческую ценность туранского психологического типа, мы только утверждаем, что при каждой данной степени одаренности и психической активности туранский психологический тип создает для развития нации определенные благоприятные условия».

Подчеркивая преемственность государственной идеи России от государств, созданных тюрками (Хазария, Золотая Орда), Трубецкой считает, что основным принципом туранской государственности было полное подчинение, но не из раболепия и не отдельному лицу, а подчинение всех, каждого члена общества одной идее: «Беспрекословное подчинение есть основа туранской государственности, но оно идет, как и все в туранском мышлении, последовательно, до конца и распространяется в идее и на самого верховного правителя, который непременно мыслится как беспрекословно подчиненный какому-нибудь высшему принципу, являющемуся в то же время руководящей основой и жизни каждого подданного».

Иными словами, человек подчиняется тому или иному бию, беку, хану потому, что те, в свою очередь, подчиняются вышестоящему, а через него общепринятой, главнейшей и определяющей идее. Туранцу нужно знать смысл своего подчинения. То самодовление, о котором говорил Трубецкой, у балкарца, например, имеет место и на индивидуальном уровне: он готов согласиться, что его сосед, скажем, имеет талант и большие заслуги в какой-то области, но это не означает для него, что тот заслуженный человек стоит выше. Его роль признается, его уважают и к нему прислушиваются, не более того. Смысл же взаимоотношений между двумя людьми мож-

но выразить словами: «Ты — это ты, а я — это я, у тебя свои дела и проблемы, у меня свои. Я готов прислушаться к твоему мнению, но у меня есть и свое».

* * *

Человек туранского типа, как считал Трубецкой, «не способен плодотворно мыслить» «без наличия в подсознании уже готового твердого устоя». Сам туранец (урало-алтаец, уже — тюрк) этот устой создать не может, поэтому вынужден заимствовать чужие мировоззренческие системы, причем целиком.

Означает ли это, что в тюркской ментальности не содержится, пользуясь выражением Трубецкого, «подсознательная философская система», прирожденная ей? Ведь чем-то тюрки да и руководствовались, перенимая чужую систему, и только такую, «в которую можно вложить все, весь мир в его конкретности»? Быть может, тюрки принимали иноземные мировоззренческие системы, накладывая их на свою, проверяя ее с их помощью, обогащая в деталях и находя общую суть? В таком случае, если учесть, что тюрки исповедуют все мировые религии — ислам (большинство), христианство, буддизм, а также иудаизм (караимы) и язычество (алтайцы), «врожденная сознанию» туранца философско-религиозная система должна быть весьма масштабной и древней. Обратим внимание и на другое обстоятельство — почти все тюркские народы приняли религии, которые исповедуют ныне, добровольно, в период национальной независимости (булгары на Волге, турки-сельджуки и турки-османы, народы Средней Азии и Казахстана, карачево-балкарцы и др.). Это возможно только в том случае, если суть нового и старого совпадает, а различие проявляется в частном, в том, чем можно пожертвовать, — а если это позволяет еще больше приблизиться к общей сути, тем более.

Речь идет о тенгрианстве, которое исповедовалось всеми тюрко-монгольскими народами и, быть может, является древнейшей из религий. К сожалению, тенгрианство пока исследовано недостаточно. Но и то, что известно, позволяет думать, что его рамки были достаточно широки, чтобы безболезненно принять в себя и усвоить то новое, что есть в мировых религиях, поскольку представление о Боге — творце, судьбе, отце и т. д. в тенгрианстве уже имелось в разработанном виде; в

тюркских эпосах есть и представление о божестве, сошедшем на землю и воплотившемся в облике человека. Но мировые религии, усиливая и доводя до конца наличную тенденцию к монотеизму, внесли большую организованность, ясность и последовательность, то есть то, что высоко ценится тюрками, в их мировоззрение. Именно поэтому принадлежность к разным религиям не рождает у представителей тюркских народов чувства отчужденности, как и различие расовое. Языковая близость — во вторую очередь, в первую — древнее духовное родство.

* * *

Пытаясь определить грани национального характера балкарского народа, мы должны ответить еще на один вопрос: каков его возраст — не исторический, а, так сказать, человеческий, по аналогии с отдельным человеком. В этом смысле балкарский народ немолод. Его характер, каким он нам представляется, мог бы принадлежать мужчине лет 30—35. Это возраст самопознания. Начало процесса самопознания отмечено выходом в свет в 1911 году исторического очерка Мисоста Абаева «Балкария». Много и трудно размышлял над судьбой своего народа великий Кязим. Но, чтобы понять будущее, надо понять прошлое. Уже после возвращения с чужбины началось пристальное и тоже нелегкое изучение исторического прошлого карачаево-балкарцев. Здесь следует отметить в первую очередь труды археолога Исмаила Мизиева, посвященные этнической истории.

Итак, балкарский народ, как коллективная личность, выглядит мужчиной 30—35 лет. Позади трудное, отмеченное победами и поражениями отрочество (скифская эпоха), не менее трудные, отмеченные войнами и нашествиями, походами и борьбой за независимость юность и молодость (время алано-болгар), тяжкий период борьбы за выживание в период зрелости (после монгольского нашествия и до наших дней). Этот ВСЕ-БАЛКАРЕЦ еще болен после пережитого, не все раны зарубцевались. Но он уже приходит в себя. Он достаточно тверд и уверен, он готов, умудренный опрымным опытом жизни, к труду во имя будущего. Он имеет свое мнение по всем важным вопросам и умеет отделять важное от второстепенного. В нем уже нет молодого задора, но нет и старческого скепсиса: это возраст серьезного и вдумчивого отношения к жизни.

И последнее. Ознакомившись с этим очерком, нетрудно заметить, что балкарцы сохранили очень многие из тех черт, которые отмечены в психологии тюрков Николаем Трубецким, несмотря на то, что их предки давно оторвались от основного тюркского массива. А это позволяет сделать вывод, гласящий, что какой-либо психологический облик, сложившись однажды, пусть в отдаленные времена, изменяется очень медленно, сохраняясь в типе народов, которые уже далеко разошлись в пространстве. Это подтверждает реальное существование на заре истории пратюркского единства, одним из осколков которого являются карачаево-балкарцы.

Мы привели не только те данные, которые относятся к проявлениям ментальности, но и те, которые можно считать умозрительно-социологическими. Это было необходимо, поскольку нет еще ни одной работы, посвященной психическому складу карачаево-балкарского народа. Мы не пытались полностью отделить то, что внесено в сознание народа временем, историческими эпохами, от того, что лежит глубоко в народной душе, от его врожденных, если можно так сказать, черт. Но все же попытаемся дать обобщение, с которым можно соглашаться или нет, но без которого наши выводы будут неполны. Итак, образ типичного балкарца, его психический склад определяется следующими положительными и отрицательными чертами:

1. Постоянство — консерватизм.
2. Последовательность — инертность.
3. Уверенность — индивидуализм.

Это те черты, которые проявляются в действии, в поступках. Теперь нужно определить основные свойства и особенности мышления:

1. Ясность — ограниченность.
2. Масштабность — неприязнь к детализации.
3. Логичность — догматизм.

В эмоциональной сфере:

1. Доверчивость — легковерие.
2. Чувство юмора — самоуверенность.
3. Оптимизм — беспечность.

Это тот фундамент балкарской души, на котором ба-

зируется все остальное, корневая система, дающая все проявления в различных жизненных ситуациях.

Так что же, все в психологии балкарского народа ясно и понятно, основные черты названы, и остается только следить, как все это проявляется в различных ситуациях? Так ли? Конечно, нет. Загадкой является душа каждого человека, а тем более народа. Мы здесь попытались выявить и назвать некоторые характерные, фундаментальные для балкарской души качества.

Но, кроме того, что проявляется, есть еще и огромная область непроявленного, потенциального, область безграничной свободы, которая то и дело дает о себе знать в действиях и отдельного человека, и нации, ставя в тупик слишком рационально представляющих себе психологию исследователей,— то, что мы называем областью иррационального. Любую душу нельзя исчерпать до конца, потому что у нее нет ни конца, ни края.

Но, кроме тайны и бесконечности, неисчерпаемости, общих для всех и каждого качеств, душе каждого народа, по нашему убеждению, присущи и особые загадки. Какова же индивидуальная загадка, секрет, заключенный в душе карачаево-балкарского народа? Точнее — каков характер этой загадки?

Из занятий традиционной культурой и языком карачаево-балкарцев и их психологией я пришел к заключению, что когда-то, вероятно, очень давно, на заре своей истории, они (а возможно, и предки всех тюрков) были посвящены в какую-то великую тайну мироздания. Кем и как, и почему — это вопрос отдельный. В ходе истории эта тайна была забыта (может быть, не всеми); но отложилась в языке и фольклоре. И, если балкарцы и карачаевцы проявляют огромный интерес к этимологии, это вовсе не случайно — народная душа чувствует свою причастность к этой тайне, желает вспомнить ее, открыть ее заново. Таково мое убеждение, которому можно верить или нет, а можно и проверить. Кому дано.

Но вернемся к характеристике балкарской ментальности.

Такая ментальность хороша и выгодна в эпохи стабильные, ровные, поскольку способна на долгое усилие, любит длительный и обдуманый труд. Однако во времена, резко меняющиеся, особенно если изменения ситуации происходят быстро, народу с таким негнушимся характером всегда будет трудно: он не успевает при-

способиться, тем более, что все его существо протестует против слишком быстрой изменчивости, а потому должен уповать в такие эпохи только на свою стойкость.

* * *

Можно выделить и представить — конечно, это будут теоретические построения, в чистом виде не существующие, — четыре типа сознания:

1. Мифологическое, наиболее нерасчлененное, недифференцированное, синкретическое, соединяющее в себе элементы трех других.

2. Образное, художественное, поэтическое: оно облекает понятие, идею в оболочку образа.

3. Религиозное, противоположное мифологическому и в то же время близкое к нему: из той суммы идей, которые содержатся в мифологии в их зачаточном состоянии, выделяется и абсолютизируется одна, главная (идея Бога и его атрибутов), а все остальное оценивается и постигается в соотнесении с ней.

4. Понятийное (научное), философское, расщепляющее, аналитическое, классифицирующее — ради того, чтобы привести разобранный материал в систему. Но суть многих затруднений такого сознания в том, что оно всегда имеет дело не только с неким материалом, подлежащим постижению, анализу, а затем синтезу, но и с уже готовыми системами, предлагаемыми тремя другими типами сознания — мифологическими, художественными, религиозными, базируется на одних и упускает из виду другие, что порождает односторонность и неполноту создаваемой философской системы. Справиться с этой задачей под силу только пятому, высшему типу сознания — духовному. Но людей, обладающих таким, крайне мало, хотя они встречаются среди всех сословий.

Было бы ошибкой считать, что какой-то тип сознания выше другого; это примерно то же самое, как если сказать, что философ выше писателя или священник выше математика. Все четыре типа равноправны, хотя можно и рассматривать их как стадии развития: нерасчлененность первичной мифологической системы, проходя через три ступени расщепления на художественное, религиозное и понятийное постижение, на высшей стадии, духовной, завершается синтезом всего, что отобрано до этого.

Но и в этом случае иерархия не получается, и если подобрать аналогию с возрастом, то юноша не хуже старца, а зрелый человек не выше ребенка.

И, конечно же, представители всех четырех, перечисленных выше типов сознания по этой причине должны считаться ниже представителей пятого типа — духовного, таких, как, например, Ганди, Франциск из Ассизи, Вернадский, Хлебников, Альберт Швейцер, Серафим Саровский, и других, известных и вовсе не известных, встречающихся среди всех народов и сословий и составляющих духовный костяк любого народа и человечества в целом, поскольку именно они соединяют в себе пять высших человеческих качеств — трудолюбие, бескорыстие, мужество, разум и веру.

Разумеется, эти четыре типа не встречаются в чистом виде — один и тот же человек совмещает в себе черты их всех, с преобладанием одного из них. То же самое относится и к народу.

Что касается типа сознания, преобладающего в балкарском народе, то есть того, который более близок и понятен ему из всех четырех способов постижения окружающего мира, и поскольку мы считаем, что наиболее определяющими чертами его мышления являются постоянство, последовательность и ясность, то таким преобладающим типом следует считать аналитический.

93

Люди физического труда, главного, субстанциального, ближе всех стоящие к природе, — чабаны, механизаторы, рабочие — составляют основную массу балкарского народа. Именно здесь, в этом сословии сохраняется то неизменное, что заключено в душе каждого народа, не подверженное мутациям и наносам времени, из этого сословия появляются Кязимы, Саиды, Кайсыны и Омары, как высшие проявления ментальности и силы этноса. И если на каждое сословие ложится часть общенародной работы, то в первую очередь следует говорить о том, справляется ли оно со своей задачей. В данном случае никаких сомнений возникнуть не может: балкарец никогда не боялся труда и не боится — ни физического, ни умственного.

Это же сословие, в силу своей консервативности, сохраняет большую часть тех этических норм и правил, которые были выработаны в течение веков, сохраняет

часто в ущерб себе. Но положение было бы не лучше, если бы народ стал быстро менять традиции и обычаи, обрекая себя на путаницу и разлад.

94

Этому же сословию Мозолистых Рук мы обязаны сохранением великого богатства — фольклора и языка. Трудно воспринимая новые веяния, оно стойко держалось за родное, незаемное, не поддаваясь моде на чужие имена, чужую речь, обычаи, песни, танцы, музыку. И именно среди людей физического труда, особенно пожилых, можно чаще всего встретить людей, несущих и сохраняющих в себе лучшие черты традиционной культуры — как бытовой, так и духовной. Тот взгляд, который насаждался в течение семидесяти лет и согласно которому в прошлом была только забитость, невежество, бескультурье, проник-таки во многие умы, путающие культуру с цивилизацией и техникой. Им не приходит в голову простой вопрос: а многие ли сейчас могут спеть народную песню (или любую другую); искусно, красивым, образным языком рассказать сказку; сыграть на музыкальном инструменте; исполнить танец? Вряд ли. А вот среди представителей старшего поколения такие люди встречаются гораздо чаще. О каком прогрессе культуры можно говорить в таком случае? Традиционная культура отдана на откуп профессиональным исполнителям и коллективам. Но культура тогда только является культурой, когда она растворена в самом народе, когда любой человек что-то знает и умеет, а профессионалы только являются самыми искусными.

Современное состояние культуры, несомненно, является регрессом, и понадобится много времени, сил и средств, чтобы положение изменилось к лучшему.

Итак, сословие Мозолистых Рук — сеятель и хранитель — сделало и делает все, что в его силах, и его представители являются наиболее интересными, яркими и нравственно чистыми людьми.

95

К сожалению, социальные пороки и болезни нашего века не миновали это сословие. Для народа, численность которого едва перевалила за сто тысяч, многовато людей, злоупотребляющих алкоголем, особенно среди молоде-

жи. Корни этой болезни в отсутствии развитой инфраструктуры в балкарских селениях. Не находя работы дома, молодежь уезжает в города, скитается по общезжитиям, отрываясь от родной среды и заражаясь болезнями города. Но и в самих селах все шире становится круг людей, пристрастившихся к водке, в ней находящих единственную отраду и отдых от монотонной, безрадостной работы на безликое и бездушное государство с его чиновниками-хапугами. Долгое отлучение от общественной жизни, насилие, совершенное государством над безвинным народом, в соединении с врожденным консерватизмом заставили крестьянина замкнуться в своем тесном мирке, пытаться сохранить хотя бы его в большом мире, насквозь продуваемом всеми ветрами. Поэтому любая мысль о переменах, в благотворность которых балкарский крестьянин верит слабо, считая разговоры о них очередной хитростью начальства, вызывает в нем протест. В любых переменах он подозревает начало разрушительное, а не созидательное.

96

Один из тех вопросов, над которым душа Балкарии размышляла и размышляет вот уже почти четыре десятилетия, это вопрос о том, за что, по какой причине мы были высланы. Как уже говорилось выше, типичный балкарец не может поверить в то, что можно сознательно нарушить справедливость, это выше его разума. Кроме того, он твердо убежден, что без причины ничто не совершается, в случайности он не верит. Приводилось много объяснений, например, такие: а) Сталин и Берия хотели расширить пределы Грузии за счет северных соседей (но тогда непонятно, за что выслали калмыков и крымских татар, которые с Грузией не граничат); б) преследовалась цель очистить южные рубежи России от «инородцев» — эта идея высказывалась еще до революции некоторыми публицистами (но тогда за что были высланы турки-мехетинцы, корейцы, немцы?); в) нужна была дешевая рабочая сила для развития промышленности в восточных районах СССР, в Средней Азии и Казахстане (но с рабочей силой так не обращаются, ведь половина высланных погибла в первые же годы, и тем более, что могли сделать в качестве рабочей силы старики, женщины и дети?); г) за сотрудничество с немцами (но при всем желании корейцев или

турок-месхетинцев, которые немцев и в глаза не видели, обвинить в таком сотрудничестве трудно).

У Ни одним из этих объяснений народ не удовлетворился, особенно последним. Балкарцы были, возможно, единственным народом в СССР, подвергнутым тотальной мобилизации. По свидетельству очевидцев, на фронт забирали даже семнадцатилетних ребят. По некоторым подсчетам, на войну ушла четвертая часть всего населения Балкарии. Кто же тогда сотрудничал с немцами? Некоторые дезертиры или люди, которых оккупанты поставили сельскими старостами или полицаями. Но много ли их можно было найти среди 40 тысяч мирного населения? К тому же, где их не было на оккупированных территориях — таких полицаяв и старост? Нет, никакого предательства не было и не могло быть, несмотря на то, что еще осенью 1942 года войсками НКВД были уничтожены со всем населением два аула — Сауту и Глашево. Так было положено начало геноциду.

Ни одно объяснение не признано удовлетворительным. Или его вообще не существует? Но верить в полную власть абсурда балкарская душа отказывается. На наш взгляд, эти объяснения не принимаются вовсе не потому, что в них отсутствует логика; в конце концов, это не самое главное, и можно было найти объяснение непротиворечивое или соединить все их вместе. Дело в том, что дух народа требует объяснения **метафизического**, вневременного. Да, конечно, обвинение в предательстве было грязной ложью и клеветой, в этом ни мы, балкарцы, ни другие репрессированные народы не были виновны. Так в чем же метафизическая вина балкарского народа? Если и ее не было, тогда придется признать, что хозяевами жизни являются отдельные личности, «властелины судьбы» и людей, и целых народов. Нет, в это не верится. Невинные в «предательстве Родины», так ли уж мы были невинны? Разве среди нас не было людей, которые ночами строчили доносы на соседей? Тех, кто усердно служа новому режиму, пытал невинных людей в застенках? Тех, кто составлял списки семей, подлежащих высылке в северные районы на смерть от холода и голода? Разве их было так уж мало? А ведь и они тоже балкарцы, поэтому их вина перед Богом — это наша общая вина. Может, за нее мы и расплатились тринадцатью годами каторги? Конечно, мне могут возразить: а где, среди какого народа не было таких доносчиков и палачей? Они были

езде, почему же не все народы наказаны? Но разве история уже закончилась? Откуда нам знать, может, наказание их еще ждет? Откуда нам знать, может быть, эти другие народы наказаны по-иному или заслужили прощение — кто это может знать? Судьбы народов определяет Бог, а не диктаторы.

97

Возвращаясь к аналогии народа с индивидуумом, организмом отдельного человека, можно сказать так: люди физического труда — это трудовая плоть и сила народа, буржуазия — его желудок, чиновничество — его сердце, интеллигенция — его мозг. Продолжая эту аналогию, мы можем понять смысл той страшной операции, которую проделали с балкарским народом в XX веке: расчленили плоть, разбросав отдельные части по бескрайним степям Азии, вырезали желудок и мозг, еще раньше заменили сердце. После возвращения на родину народный организм в страшных муках никак не мог срастись снова в единое и гармоничное целое. Все больно, все движения даются с большим трудом, каждая мысль требует больших усилий, медленно возвращается историческая память. Долго, мучительно долго расчлененные части народного тела срастались в тишине того периода, который теперь окрещен «застойным».

Было безмолвие, и, если бы не львиный голос Кайсына, иногда раздававшийся над страной, можно было подумать, что и народа такого уже нет — вычеркнут из истории, как прежде из всех энциклопедий.

98

Первым предвестием, что Балкария приходит в себя, были песни вокально-инструментального ансамбля «Эрирей» — словно кончился какой-то период в жизни оглушенного народа, что-то нашло друг друга, и, радуясь этому, из его уст зазвучала тихая, но ясная мелодия. Затем было поистине всенародное празднование 130-летия со дня рождения великого Кязима и всенародное же паломничество на родину поэта, в высокогорный аул Шики, куда каждый добирался как мог. Я видел стариков и старух, пешком поднимавшихся по крутому склону, ребятишек, юношей, девушек, зрелых людей, — это было возвращение, но уже не просто физическое, как в 1957 году, возвращение на родину, а возвращение сим-

волическое — к дому человека, чей образ стал олицетворением духовной силы балкарского народа.

До этого появление фольклорного ансамбля танца «Балкария» символизировало начало восстановления народной плоти, возвращение памяти о гармонии движения. Не ансамбль вихрем носился в пляске — это дух народа праздновал победу над немощью истерзанного тела, над его ранами, над скорбью и слабостью.

И, наконец, в сентябре 1991 года — Первый фестиваль карачаево-балкарской культуры «Эрирей», яркое начало другого периода истории. На стадионе в вечерних сумерках вспыхнули и сгорели два полотнища с цифрами «1943» — год выселения карачаевцев и «1944» — год выселения балкарцев. Грандиозный концерт, поле стадиона, заполненное танцующей молодежью. Ночное небо, расцвеченное огнями фейерверка. Мы — народ. Были, есть, будем.

99

В древних мифах многих народов, в том числе балкарцев и карачаевцев, описывается операция, которую проделывали могущественные существа — духи — над телом человека, которого они похищали иногда спящим, иногда бодрствующим. Они расчленили тело и душу похищенного, вкушали их, не трогая костей, потом собирали кости в кучу и, дунув на них, вновь оживляли похищенного. После этого те духи, которые вкусили плоти человека, начинали ему подчиняться.

Мы не знаем, какие духи истории совершили над нами этот обряд и как они оживили нас. Мы знаем только, что с нами это произошло. Мы знаем, что еще долго будем ощущать боль, но, может быть, больше не будем столь подвластны силам зла.

* * *

Во имя Аллаха милостивого, милосердного!

Благодарю Тебя, Боже, что мы есть и что мы можем стать лучше, чем сейчас.

Благодарю Тебя, Боже, что мы веруем в Тебя и в Твою милость, и милосердие, и святость.

Благодарю Тебя, Боже, что не дал угнездиться в нас духу злоумышления и ненависти, но вселил дух трудолюбия и добра.

Благодарю Тебя, Боже, что дал нам видеть небо и землю и дал нам силу любить и отвергать.

Накажи нас за вину нашу и прехи наши и дай разумение добра злоумышляющим против нас.

Пошли нам учителей; чтобы вести нас по стезе трудолюбия, бескорыстия, мужества и правды, стойких в истине и неподвластных соблазну, и чтобы научить нас свободе от зла.

Не о том молю, чтобы Ты лишил нас испытаний, но о том, чтобы мы выдержали их с честью, веруя в Твою мудрость.

Благослови нас одной наградой — любовью и не дай иссякнуть любви нашей до дня, в который все мы предстанем пред ликом Твоим. Да будет воля Твоя и на земле, как на небе.

АМИНЬ.

1993

ОГЛАВЛЕНИЕ

Путиами предков	3
Песнь о князе Ачее	33
Возрождение красоты	45
Преодоление трагедии	53
Ёрюзмек и Сатанай-Бийче	66
Беседа с Конфуцием	81
Взгляд волка	98
Время власти	102
Душа Балкарии	130

Научно-популярное издание
Джуртубаев Махти Чиппаевич

ДУША БАЛКАРИИ

Сборник статей

Редактор
М. Х. Табаксоев

Художник
М. М. Горлов

Художественный редактор
Ю. М. Алиев

Технический редактор
Л. Д. Жарашуева

Корректор
Л. И. Ким

ЛКБ № 6 от 01.10.96

Сдано в набор 10.02.97. Подписано к печати 10.05.97. Формат $84 \times 108^{1/32}$. Бумага офсетная № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 12,18. Уч.-изд. л. 11,62. Тираж 600 экз. Заказ № 136

Издательство «Эльбрус»
Нальчик, ул. Адмирала Головки, 6

Полиграфкомбинат им. Революции 1905 года
Мининформпечати КБР
Нальчик, пр. Ленина, 33

Джуртубаев М. Ч.

Дж Душа Балкарии: Сборник статей.— Нальчик:
Эльбрус, 1997.— 232 с.

ISBN 5-7680-1137-4

В своей новой книге «Душа Балкарии» известный ученый-фольклорист Махти Джуртубаев делает попытку осветить истоки духовной культуры балкарского этноса и его менталитета.

Книга рассчитана на широкую читательскую аудиторию.

Дж 4702100000-031 67-96
М 125(03)-97

Уважаемые читатели!

Автор готовит к изданию рукопись
книги «Тау адет», часть I.

Уважаемые читатели!

Отзывы об этой книге просим присылать по адресу:

360000, г. Нальчик, ул. Адмирала Головки, 6,
издательство «Эльбрус»